

М. МИХАЙЛОВ

**ПЛАНЕТАРНОЕ
СОЗНАНИЕ**

М. МИХАЙЛОВ

**ПЛАНЕТАРНОЕ
СОЗНАНИЕ**

ARDIS

Михайло Михайлов

ПЛАНЕТАРНОЕ СОЗНАНИЕ

Copyright © 1982 by Ardis

Ardis Publishers
2901 Heatherway
Ann Arbor, Michigan 48104

Library of Congress Cataloging in Publication Data

Mihajlov, Mihajlo, 1934-
Planetarnoe soznanie.

“Knigi M. Mikhailova”: p.

Includes bibliographical references and index.

1. Soviet Union—Intellectual life—1970- —
Addresses, essays, lectures. 2. Ideology—Addresses,
essays, lectures. 3. Soviet Union—Religion—1917-
—Addresses, essays, lectures. 4. Communism—Soviet
Union—Addresses, essays, lectures. I. Title.

DK276.M47 947.085 81-20651
ISBN 0-88233-752-1 AACR2

Милице, с любовью и благодарностью посвящаю эту книгу

Автор

АВТОРСКОЕ ВВЕДЕНИЕ

К первому (английскому) изданию

В этот сборник вошли мои статьи, посвященные теме религиозного возрождения, первые проблески которого в наше время можно наблюдать в России и Восточной Европе.

Для многих религиозное возрождение — явление загадочное и непонятное, благодаря духу нашего научно-технического века. Парадоксально и то, что язык нового религиозного сознания, которое я называю "планетарным", почти что не имеет никакой связи с языком, использовавшимся до сих пор всеми Церквями и религиозными движениями. Но само слово "религия" означает "связь". Связь внутреннего мира человека и мира внешнего, всего Космоса, а главное, связь с Творцом. Поэтому, когда появляются люди, утверждающие, что существует определенная связь между внутренним миром человека — верой, надеждой, любовью — и реальной судьбой каждого человека, то тогда дело идет о религиозном сознании, хотя язык, которым люди выражают факт этой связи, говорит о "законах", то есть является языком науки.

Конечно, эта связь не имеет ничего общего с тем механическим влиянием внутреннего мира человека на события его жизни, какое устанавливает психоанализ, не только Фрейда, но и Юнга. Наоборот, новое сознание прямо отбрасывает всякую механическую связь и говорит только о — для нас *необъяснимой*, — но тем не менее вполне реальной зависимости всего внешнего мира от мира внутреннего. Зависимости не только событий в личной жизни человека, но и *самой жизни* и истории.

Для современного человека, уверенного, что он является былинкой, полностью находящейся во власти физических, биологических, психических, социальных и так далее — законов, основные утверждения нового сознания, конечно, совершенно непонятны и могут показаться такими же дикими, как нам бы теперь показалось утверждение, что не Земля крутится вокруг солнца, а наоборот, и что прав был Птолемей, а не Коперник. Поэтому совершенно ясно, что для многих и многих будущее религиозное возрождение будет неприемлемо. Да его и нельзя принять по собственному желанию.

Осознание зависимости внешнего мира от внутреннего властно врывается в дух человеческий, вопреки всяким желаниям и установившимся научным и ненаучным мнениям, — только благодаря личному самоочевидному жизненному опыту, а чаще всего, благодаря страданию, перемалывающему все наши убеждения о том, что кто-то другой — общественная система, природа, болезнь, "случайность", — виноваты в нашей судьбе.

В этом и кроется причина того, что первые ростки нового религиозного сознания появляются там, где невыносимое давление внешнего тоталитарного мира на человеческую одиночку было самым страшным. В России. Однако это религиозное возрождение имеет общечеловеческое значение в силу нашей уже планетарной индустриально-технологической культуры, основывающейся на догмате о том, что законы, по которым живет и движется весь Космос, не зависят от нашего внутреннего мира, а тем более от наших страстей, надежд и желаний, на догмате о том, что мир, природа и Космос — сами по себе, а мы — сами по себе, и поэтому можно максимально эксплуатировать внешний мир-объект. Конечно, исключительно с помощью нашего разума, науки и технологии, которые осознают законы внешнего мира, а из-под власти этих законов, в конечном счете, не уйти ни внешнему миру, ни нам, людям.

Но в тот момент, когда человек начинает смотреть на мир как на объект, а не как на *живое целое*, каким-то таинственным способом связанное с нашей душой, то тогда объектами понемногу становятся и все его ближние, и, в конце концов, человек остается совершенно один, в полном одиночестве в Космосе-объекте. Страдание этим вызванное, открывает дорогу религиозному возрождению, на путях которого мир снова превращается в живое целое, за судьбу которого человек несет полную ответственность, и душа человеческая выходит из одиночной камеры.

Но не легко дается новое сознание, слишком долго дух человеческий засорялся ложными идеями и теориями о могуществе человеческого разума и науки. Об этом свидетельствует моя полемика с Милованом Джиласом, человеком редкой храбрости и большого ума (каково бы ни было его прошлое, омраченное членством в антигуманной организации) и моим политическим единомышленником, которого я имею честь считать своим другом.

Пока еще рано говорить о неизбежных выводах, вытекающих из появления планетарного сознания. Людей, не подошедших к той границе, за которой рушится догмат о мире-объекте, эти выводы, несомненно, ужасно бы испугали. Но придет время и для этого.

Некоторые статьи этой книги печатались уже на английском языке, с некоторыми сокращениями, в разных газетах и журналах, чаще всего в "Нью-Йорк Таймс". Печатались и на других языках

(на русском, немецком, итальянском, финском, шведском и т. д.). В Югославии напечатана только одна статья — десять лет тому назад, когда я еще имел возможность выступать в печати в стране, в которой я живу.

Тот факт, что я вообще еще могу писать и печатно выражать мои мысли хотя бы за границей — вопреки судебному запрету писать и выступать публично, невозможности свободно выезжать из страны и регулярной травле в югославской печати, — является реальностью лишь благодаря поддержке мировой общественности, той невидимой, но весьма реальной духовной пленке, о которой пишет Солженицын в своей Нобелевской речи.

В этом смысле поддержка, которую я имел честь получить от г-на Эндрюса (опубликовавшего эту книгу в 1976), сделавшего даже попытку официально меня аккредитовать в Белграде как корреспондента газетного агентства ЮПС, директором которого он является, для меня имела неоценимое значение. Поэтому мне чрезвычайно приятно, что этот сборник статей, посвященных теме, больше всего волнующей меня, сделал доступным для своих соотечественников именно г-н Эндрюс.

АВТОРСКОЕ ВВЕДЕНИЕ

Ко второму английскому изданию

Когда в 1976-ом году эта книга в первый раз была напечатана в США, я находился в югославской тюрьме, за год до этого приговоренный к семи годам заключения.

В ту пору, вместе с другими политическими заключенными, я вел борьбу — продолжительными и повторными голодовками — за признание статуса политических заключенных, чего мы так и не добились. Однако добились ощутительного улучшения тюремного режима, а мне лично, благодаря сильнейшей поддержке мирового общественного мнения, в один прекрасный день осенью 1976-го года, вдруг выдали в камеру целый чемодан книг, присылавшихся мне в течение двух лет, но ранее задерживавшихся. Среди них находились и летом того года напечатанные "Подпольные записки".

Должен признаться, что я поначалу был возмущен тем, что американский издатель изменил мое название сборника. Книгу я назвал "Планетарное сознание", а издатель, очевидно желая как-то привлечь к делу Достоевского, переименовал название на схожее с известным произведением русского классика — "Записки из подполья". Я ничего не мог поделать, пришлось смириться. В следующем, 1977-ом году, книга вышла и в Англии под тем же названием, о ней не мало писали за последние 4 года, к названию привыкли, и менять его теперь на мое первоначальное — поздно.

Первое издание "Подпольных записок" было очень скоро распродано, и в США долго нельзя было достать книгу. Люди выписывали ее из Англии или делали даже фотокопии всей книги в библиотеках. Вот поэтому я так рад выходу в свет второго издания.

Несмотря на то, что в книге теперь не все меня удовлетворяет, — многое писалось в спешке, между двумя тюремными заключениями, — тем не менее я и сейчас уверен в том, что в моем сборнике немало новых и важных мыслей, которые могут помочь приоткрыть двери в новую духовную эпоху. Пока что это сознает лишь несколько десятков человек, среди которых и известный английский мыслитель Малькольм Магеридж, и американский философ и теолог Майкл Новак, много усилий приложившие для привлечения внимания читающей публики к этой книге, за что я им глубоко благодарен.

Я надеюсь, что это второе издание не будет и последним.

1980

ВВЕДЕНИЕ

Родившийся в Югославии, в семье русских эмигрантов, Михайло Михайлов был еще учеником средней школы в Сараево, когда, в 1951 году, в Нью-Йорке скончался Г. П. Федотов. Составитель сборника статей Федотова "Новый град", Ю. П. Иваск, характеризует его как "историка – специалиста по Средним векам, церковного деятеля, участвовавшего в экуменическом движении по сближению Церквей, и левого политического деятеля". К этой характеристике следует еще добавить, что Г. П. Федотов был убежденным и вдохновенным защитником идеалов демократии, в одинаковой степени непримиримым как по отношению к коммунистической, сталинской диктатуре, так и по отношению к любым "правым" политическим идеологиям и системам, которые склонны были ограничивать и отрицать основные истины демократии: право и достоинство *каждого* отдельного человека, примат права над силой, подчиненность исполнительной власти властям законодательным и судебным. Федотов столь же страстно обличал сталинскую тиранию, как и диктатуру Гитлера, и делал он это в то время, когда значительная часть первой русской эмиграции не устояла перед соблазном увидеть в Гитлере грядущего освободителя России от власти "комиссаров и жидов"... М. Н. Михайлов повторно свидетельствует о своем восхищении Г. П. Федотовым; я убежден, что и Г. П. Федотов с радостью принял бы М. Н. Михайлова как своего ученика и продолжателя того дела, которому он отдал свою жизнь. Нам следует задержаться на вышеприведенной характеристике Г. П. Федотова – она поможет нам выявить идейную близость к нему М. Н. Михайлова и уяснить себе основные убеждения автора предлагаемой вниманию читателей книги.

Экуменист, да еще и левый! Эти два слова действовали и действуют на сознание русских "почвенников" и "традиционалистов" – как уже сошедших в могилу, так и ныне здравствующих, – как красные тряпки на андалузского быка: им, православным христианам и русским патриотам, отвратительно и то, и другое. Но отвратительно не по той же ли причине, по которой купчиха впадала в суеверный трепет от слова "жупел", хотя смысловое содержание этого слова оставалось для нее темным? Лишь отсутствием элементарных знаний или злой волей можно объяснить "убеждение", согласно которому экуменизм есть стремление создать некое богословско-богослужбное

”эсперанто”, найти некий конфессиональный минимум, который в своем минимализме будет всем понятен, всех примирит и, тем самым, будет восстановлено единство раздробленного христианского мира. Эта убогая схема не отвечает никакой реальности, и не стремлением к какому-то ”компромиссу” — необходимому в общественной и политической жизни, но бессмысленному в вопросах вероучения — руководствуются православные участники экуменического диалога. Ими руководит сознание своего долга — свидетельствовать инославным братьям об истине неразделенной Церкви первого христианского тысячелетия и способствовать нахождению единства в послушании этой истине. Те, кто отрицает необходимость подобного диалога или клеветает на его участников, свидетельствуют лишь о том, что им вполне уютно в их конфессиональной обособленности, что привычные формы благочестия — отказа от которых никто не собирается требовать — им дороже, чем заповданное Христом *единство* верующих в Него. Это есть закон ”плоти и крови”, противостоящий явленному Христом Царству Божьему — Царству истины, единства, любви и свободы.

”Левым” же Г. П. Федотов был в том смысле, что, при безусловном отвержении им всех оттенков марксизма, он считал себя христианским социалистом и столь любезную сердцу ”правых” реставрацию в пореволюционной России прежних порядков он считал делом не только неосуществимым, но и вредным: Евангельская притча ясно говорит нам, чем оканчивается попытка влить новое вино в ветхие мехи. ”Левым” он был и в том смысле, что не любую форму антикоммунизма почитал он святой и праведной: я уже указывал на то, что Гитлер был ему столь же отвратителен, как и Сталин. Во время гражданской войны в Испании возмущение среди русской эмиграции вызвала статья Г. П. Федотова, в которой он, подробно описав все преступления и жестокости ”республиканцев”, привел и данные Международного Красного Креста о расправах, которые чинили ”франкисты”. Накал направленных против Г. П. Федотова страстей был таков, что ему пришлось покинуть парижский Православный богословский институт, в котором он преподавал историю Западной Церкви и агиологию. Отвечая своим обвинителям, Г. П. Федотов сказал, что виселицы, украшенные крестами, ему еще ненавистнее, чем виселицы, воздвигаемые безбожниками и гонителями Церкви. Увы, найдутся люди, у которых ”виселицы с крестами” нравственного отвращения и возмущения не вызовут, и все, написанное Федотовым, останется для них чуждым и враждебным. Но этим людям следует отсоветовать читать так же эту и другие книги М. Н. Михайлова. Ибо обоих авторов объединяет и вдохновляет убеждение, что правда Евангелия не может быть подчинена никаким ”национальным задачам”, что небесное отечество возвышается над отечеством земным,

что оно есть его мера и суд над ним.

В согласии с теми заветами, которые были явлены миру великой русской литературой XIX века — "святой русской литераутрой", по выражению Томаса Манна, — и на которой М. Н. Михайлов, по его собственному свидетельству, воспитался, он не перестает думать о возможностях преодоления того кризиса, которым поражено современное человечество. Выход из этого кризиса возможен, по убеждению М. Н. Михайлова, лишь в обще-человеческих масштабах, и в этом — одно из его расхождений с общественно-политической концепцией А. И. Солженицына, который убежден в том, что у России может и должен быть свой, отдельный путь, в основе которого должна лежать забота о выздоровлении нации от тех бесчисленных ран, которые были нанесены душе и телу русского народа десятилетиями коммунистического "эксперимента". М. Н. Михайлов убежден, что ни для России, ни для столь близкой и дорогой ему Югославии, такого "отдельного пути" быть не может: тесная взаимосвязанность не только идейных течений, но и политики, экономики и экологии на нашей планете, ставшей небольшой, настойчиво диктует современному человечеству то, что М. Н. Михайлов называет "планетарным сознанием". В мире должно возродиться абсолютное, то есть — религиозное начало, которое призвано ограничить, обуздать и усовершенствовать все относительные, а порой и неправые, притязания государства, нации, общества. Это абсолютное начало должно быть явлено человечеству как религия личности и свободы. Это новое сознание, укорененное в религиозном вдохновении и в питаемом им чувстве ответственности за судьбу всего человечества и каждого отдельного человека, должно привести к рождению новых форм конституционных уложений и международного права, при которых наступит ограничение суверенитета национальных государств и децентрализация власти за счет местных самоуправлений. Лишь при условии появления такого нового, "планетарного" сознания и этики всечеловеческого братства свободный мир сможет противостоять угрозе тоталитаризма, ибо он вырвет из его рук главные козыри: пафос интернационализма и обещание упразднить социальную несправедливость.

Нет ничего проще, чем отнестись к идеям М. Н. Михайлова, как к прекраснородушной утопии и сказать, что автор призывает нас поверить в возможность чуда: о каком "планетарном сознании", о какой этике всечеловеческого братства можно говорить, когда правители свободного мира трепещут перед избирателями за свои кресла, если повышается цена на бензин, и с охотой торгуют с советским правительством именно тогда, когда правительство США такую торговлю временно ограничивает? Но М. Н. Михайлов и не утверждает, что то нравственное прозрение и обновление, в которые он верит и к которым призывает, уже наступили — он постулирует их, как выход

из кризиса и как спасение от угрожающей всем нам катастрофы. Но и простой исторический опыт учит нас, что идеи, время которых наступило, практически непобедимы и что казавшиеся еще недавно незыблемыми кумиры вчерашнего дня падают под их напором, как картонные домики. Разве не изменилось не только общественное мнение США, но и сам облик страны за два-три десятилетия под напором либеральных идей — к восторгу одних, к негодованию других? И так ли неправы исследователи умонастроений Америки, которые предсказывают ей в ближайшем будущем новый крутой поворот — в сторону консервативных (вернее, вечных) ценностей: Бога, семьи, уважения к закону? Смена мировоззрения, которая, в кратчайшие исторические сроки, охватывает целое поколение, очевидна нам и на примере Франции: молодые антимарксисты "новой волны", влияние которых на студенчество Франции трудно переоценить, в мае 1968 года в анархическом задоре штурмовали парижский Пантеон, а сегодня они с гордостью называют себя "детьми Солженицына". Они поняли, что для преодоления современного кризиса необходимо более глубокое обоснование нашей свободы — понимаемая лишь как свобода буржуазного хозяйства и научного исследования она будет бессильна противостоять натиску тоталитаризма. Непобедима лишь свобода, укорененная в религиозном понимании мира и человека: вместе с М. Н. Михайловым и Леви и Глюксман убеждены, что наши современники должны вновь обрести способность бороться не столько за свои "права и интересы", сколько за образ и подобие Божие в себе и в других людях.

Большая часть тех статей, которые М. Н. Михайлов включил в эту книгу, написана им в самом начале семидесятых годов в Югославии, между первым и вторым тюремным заключением. Но в русское издание книги входит также большая статья, написанная осенью 1980 года и посвященная критике общественно-политических выступлений А. И. Солженицына. Можно предположить, что именно эта статья вызовет наибольший интерес у русскоязычных читателей книги, но они совершат ошибку, если прочтут эту статью в отрыве от того, что написано М. Н. Михайловым почти десятилетие назад, то есть в то время, когда еще не было опубликовано "Письмо к вождям Советского Союза" (датированное 5 сентября 1973 года), положившее начало общественно-политическим выступлениям великого писателя. И соглашаясь с А. И. Солженицыным (статья "Возвращение Великого инквизитора" содержит большой раздел, снабженный подзаголовком "В чем Солженицын прав"), и возражая ему, М. Н. Михайлов руководствуется своим мировоззрением, своими убеждениями, за которые он шел на аресты и тюрьму.

Кирилл ФОТИЕВ

I

КОРНИ НЕСВОБОДЫ

Религиозное возрождение и Тоталитаризм

ДВЕ КОНВЕРГЕНЦИИ

Слово "конвергенция" стало модным. С тех пор, как в 1968 году появились известные "Размышления" академика Сахарова, полемика о так называемой конвергенции двух систем не утихает. Это и понятно, хотя сама идея не нова. Критическое по отношению к власти выступление ученого переоценить невозможно. В условиях мировой напряженности, свободный голос советского академика вызвал большие надежды относительно путей и возможностей демократизации в Советском Союзе. Кроме того, это выступление явилось первым признаком активизации в политической жизни многочисленного сословия советской научной и технической интеллигенции.

Ретроградами в СССР теория конвергенции встречена в штыки. Похожую реакцию можно наблюдать у западных консерваторов. По существу и одни, и другие считают, что конвергенция является обходным путем противника для подрыва существующего строя. Поддержку идея конвергенции, сформулированная академиком Сахаровым, находит главным образом в среде либеральной, а особенно — научно-технической интеллигенции обеих систем.

Мне кажется, что спор ведется не по существу. Дело не в том — будет ли конвергенция или нет, а в том — *какая* конвергенция будет. По моему, наша цивилизация находится на распутье, от которого обе дороги ведут к конвергенции, только одну бы я назвал положительной, а другую отрицательной. И мне кажется, что Сахаров и многие другие сторонники идеи конвергенции не совсем отдают себе отчет, в чем состоит возможность отрицательной конвергенции.

Аргументация Сахарова и его единомышленников сугубо технократическая. Для того, чтобы избежать термоядерной мировой катастрофы, регулировать взрыв рождаемости, разрешить проблему пропитания и т. д., необходимо мировое правительство, которое возможно создать при условии, что в капиталистических странах сгладятся социальные противоречия в результате введения социалистических общественных элементов, а в социалистических странах — вследствие демократизации политической, осуществимой, если место партийных бюрократов займут ученые и техническая интеллигенция. Короче — для спасения человечества необходимо сближение двух систем, которое произойдет вследствие развития обеих в направлении своеобразного демократического социализма. Сахаров

так и пишет — “социалистическая конвергенция”.

Условием для такого развития первым путем является либерализация или даже ликвидация однопартийной диктатуры в СССР, которая, по Сахарову, должна быть вызвана потребностями научно-технической революции.

Мне кажется, что этой аргументации присущи основные недостатки технократического способа мышления. Дело в том, что, с одной стороны — демократизация общества в тоталитарных странах является основным условием для научно-технического прогресса и конвергенции; с другой стороны, именно этот научно-технический прогресс ведет, якобы, к демократическому обществу планетарных размеров.

По-моему, очень большой вопрос состоит в следующем: насколько научно-технический прогресс связан с осуществлением свободы. Если даже, условно, можно согласиться, что трудно в условиях научно-технической отсталости создать свободное общество, — то сказать, что высокая степень научно-технического развития сама по себе обеспечивает свободу, совершенно невозможно. За примерами не нужно далеко ходить. Гитлеровская Германия в этом отношении является прекрасным образцом научно-технически высоко развитого тоталитарного общества.

Устранение конфликтов между тоталитарным обществом и научно-индустриальной революцией — дело осуществимое, дело техническое, и не в коем случае не затрагивает основ тоталитаризма. Зачем нам заблуждаться? Научно-технический прогресс и даже конвергенция на этом пути — не гарантируют свободу. Свобода человека и общества не является научно-технической проблемой, а экзистенциальной, значит *первым делом — религиозной проблемой*. Устранение тормоза для развития научно-технической революции в СССР, о чем печется Сахаров, возможно осуществить заменой ныне правящей партократии — технократией. Свобода в этом случае не так бы много выиграла, и нужно признаться, что Сахарову этот путь развития кажется самым удобным, и ликвидацию однопартийной системы он предвидит только в случае, если партия откажется “осуществить руководство научно-демократическим методом, являющимся исторически необходимым”.

Как ученому Сахарову отлично известны опасности научного прогресса в смысле оружия, которое наука дает в руки власть имущим. Но где гарантия, что технократия не употребит науку для подавления свободы так же, как это делала партократия? Гарантии нету. Она — лишь совесть ученого. А совесть ведь с наукой может, но не обязана ладить.

И поскольку целью является прогресс, то свобода политическая, религиозная и т. д. суть лишь средство, которое сегодня нужно и важно, а завтра может стать помехой. Откажется ли Сахаров от свободы, если она вдруг станет помехой на пути научного развития? Этот

вопрос не схоластический — ведь "шарашка", концлагерь для ученых, показанный Солженицыным в "Круге первом", при технически несколько улучшенной организации, вполне хорошо может развивать науку и технику. Ведь не так трудно организовать свободный обмен научной информацией и без введения свободной печати.

Если цель научно-технический прогресс, а свобода лишь средство, то не так трудно представить себе конвергенцию двух систем, становящихся похожими на некоторую *смесь* обществ, обрисованных Орвеллом в романе "1984" и Хаксли в "Бравом новом мире". Вот это и есть возможность отрицательной конвергенции, которая кроме прочего не исключает возможности войн. Чем больше становились похожими (конвергировали) сталинский СССР и гитлеровская Германия, тем столкновение между ними становилось неизбежной. Находясь в настоящее время Китай на научно-техническом уровне Советского Союза, войны не пришлось бы долго ждать.

Но возможна и другая, положительная конвергенция, ведущая к общечеловеческому организму, а не механизму, и истинно сближающая народы, ибо не наука и техника, а только свобода сближает, и только свободное человечество может избежать термоядерной войны. Такая конвергенция обусловлена главным образом вопросом свободы, не в плане научно-технического прогресса, а в плане экзистенциально-религиозном. Связь свободы и религии не так очевидна людям на Западе. В тоталитарных обществах, где истинный порыв к свободе человека может привести и приводит в концлагерь или психбольницу, в совершенстве выявляется связь свободы и религии. *Только тогда*, когда человек чувствует, что покоряясь насилию, он навеки теряет свою душу, свое Я, самого себя, и что эта потеря хуже всяких физических мук и даже смерти, — *только тогда* человек может восстать против тоталитарной диктатуры. А это чувство религиозно, и называется — верой.

То, о чем печется Сахаров, имеет весьма мало отношения к этой основной проблеме, проблеме религиозной, в которой коренится свобода человека и общества. Правда, в настоящее время становятся все заметнее черты технократической конвергенции, и если они дадут основной маршрут развитию обеих систем, то, в противоположность людям приветствующим конвергенцию, мне придется сказать: "к сожалению — конвергенция".

Однако, кроме Сахарова существует и Солженицын, все чаще в России появляются ростки религиозного возрождения, хотя пока они и менее заметны, чем выступления ученых. Но путь к органической, а не механической конвергенции идет не через научно-техническую революцию, а через революцию духовную, именуемую — религиозным возрождением.

Одним словом: хотя выступление Сахарова и других советских

ученых с требованиями демократических свобод – явление весьма отрядное, – аргументация, с которой они выступают и их идейная платформа не выдерживают критики. Свобода есть цель и не может стать средством для чего-либо, и научно-техническая конвергенция может иметь положительное значение только поскольку служит свободе индивидуальной и общественной, а не наоборот.

1971

ИСКУССТВО КАК ВРАГ

Про людей, которым непонятно, почему в наше время тоталитарные режимы ведут наиболее жестокую борьбу против художников и искусства, можно от чистого сердца сказать, что они не понимают сути эпохи и мира, в котором живут, что они погружены в глубокий сон.

Спать, правда, можно и сегодня, но только на Западе (и до каких пор?). Тому, кто живет при неприкрыто тоталитарной системе, — такой как, скажем, советская или китайская, — не придет даже в голову задать вопрос, почему человек, пишущий романы, стихи, музыку или картины, тем самым становится потенциальным врагом существующего общественного строя. Там это ясно само по себе. И нередко недоумение, высказываемое журналистами и писателями из стран, не переживших какого-либо тоталитаризма, вызывает болезненную реакцию, а иногда и подлинное отчаяние у людей, живущих при однопартийных системах.

Как можно не понимать, почему травили Пастернака за "Доктора Живаго"? Как можно удивляться тому, что этот роман все еще не опубликован в Советском Союзе? А Солженицын? Да больше всего следует удивляться тому, что он вообще жив и на свободе! Достаточно вспомнить крестный путь русской литературы за последние полвека, имена сотен и сотен убитых, загнанных в лагеря русских писателей, художников, даже музыкантов, чтобы понять, насколько оправдано отчаяние, что сегодня кто-то все еще не уразумел причин и задает вопрос — почему?

Попытаюсь разъяснить то, что все мы ощущаем как само собою понятное. Прежде всего надо подчеркнуть, что огромное большинство художников, сложивших свои головы в лагерях или находящихся там по сей день (как, например, Синявский), не были политическими противниками режима в западном смысле этого слова. Они на самом деле занимались только искусством — писали, рисовали, сочиняли музыку. И хотя пропагандная машина власти пыталась изобразить их как агентов империализма, как опаснейших политических врагов строя, они — в западном понятии — ими не были. Они были только художниками.

И все же, и не ведя политической борьбы, художники — величайшие враги тоталитаризма, и преследование людей искусства для сохранения тоталитарной диктатуры вполне оправдано. Их, а в особенности

писателей и поэтов, партия судит и заточает в лагеря и сумасшедшие дома за искусство как таковое, а не за какую бы то ни было политическую оппозицию. Можно было бы даже высказать парадоксальную мысль, что для тоталитарных систем подлинный художник опасней, чем чисто политический противник, и что когда власть судит писателей и художников, то размеры наказаний бывают прямо пропорциональны художественному достоинству их произведений и обратно пропорциональны количеству непосредственно затронутых в них политических проблем. Вспомним роман Пастернака, в котором нет ничего непосредственно политического, лирику великой Анны Ахматовой, осужденного поэта Бродского, запрет фильма "Андрей Рублев".

И все же именно Пастернак, Синявский, Солженицын ставят под угрозу диктатуру КПСС, и наивно защищать их, твердя, что они, мол, не политики. Да, они не политики, они художники и именно поэтому представляют собой грозную опасность для тоталитаризма. Осознать это, значит понять эпоху, в которой мы живем. Путь художника во все времена и при любых режимах не был устлан розами, но все же наша эпоха первая, когда основное вещественное доказательство при вынесении приговора художнику — это именно художественная ценность его стиха, романа, картины или фильма. Поэтому так наивно звучат иногда весьма благородные призывы левых западных идеалистов к советскому правительству, где аргументом в защиту репрессированных творцов и запрещенных творений служит указание на их подлинную художественную ценность.

Чтобы показать, в чем заключается вполне реальное и непримиримое противоречие между подлинным искусством и коммунистическим тоталитаризмом, наиболее ярко выраженным тоталитаризмом нашего века, следует сказать несколько слов о главной идее, на которую он опирается.

Ее суть в следующем: мир, в котором мы живем — плох. Болезни, страдания, несправедливость разят человека на каждом шагу. Все это доказывает, что никакой разумной организующей силы, помимо человека, не существует (а если и есть, то это злой бог, против которого нужно бороться). Есть только враждебная человеку природа. Этим миром, где живет человек, можно овладеть при помощи разума, науки, техники. Построить рай на земле возможно. Но для того, чтобы человечество смогло покорить природу, необходимо прежде всего овладеть этим неорганизованным и неразумным человечеством, дисциплинировать его. Общество — так же, как и природа — несовершенно. Это общество следует прежде всего организовать разумно, по-научному.

Организовать такое разумное общество способна только определенная группа людей — партия. И только при одном условии, если она будет обладать абсолютной властью. Это значит, что власть над природой неосуществима без власти над людьми. Власть над людьми

неосуществима без тоталитарной диктатуры. Диктатура же не устоит долго без власти над душами людей. Стержень всего — власть.

Чего только не делают, чтобы обуздать эту самую первичную и наиболее непокорную реальность — человеческую душу, глубинное Я каждого из нас. Учеными трактатами доказывают, что никакой души и никакого духа нет, что человек — только производная окружающей его среды, что чем больше он покоряется, тем он свободней и т. д., и т. п. Вся эта ученость подкрепляется жестокими полицейскими мерами, которые должны наглядно доказать утверждение, что душа только фикция и "надстройка" над реальностью жизни. Сделано все, чтобы убить даже намек на мысль о том, что душа человека изначально свободна. Проходят годы угнетения, и создается впечатление, что это удалось, но, к счастью, до сих пор плененные человеческие души при первой же возможности вырывались на свободу, освобождая и разрушая тем самым духовные основы тоталитарной власти.

Искусство — как душа, как любовь — дано Творцом или природой и не подлежит никакой рационализации, подобно тому, как любовь не подчиняется ничьей власти. В начале века, предтеча так называемого соцреализма Максим Горький был убежден, что после революции, в "разумно организованной" России будут творить не менее сотни гениальных писателей уровня Льва Толстого. Мы знаем, во что обернулась эта "организация" России. На наших глазах тысячи и тысячи безнадежно серых советских "писателей" и "художников" затоваривают своей, сработанной по партийным директивам, продукцией полосы бумаги, выставочные, концертные, кинематографические залы страны. Как любовь, как и сама жизнь, искусство не может быть задано. Оно всегда дано и его возможно только освободить.

Вот в этом и есть главное, глубочайшее противоречие между искусством и всеми тоталитарными системами. Искусство не может быть несвободно, а тоталитарная власть, в целях самосохранения, в первую очередь стремится подчинить своему влиянию человеческие души, а лишь во вторую очередь, грубой силой угрожает телу. Тоталитарная власть не может допустить человеческой свободы в какой бы то ни было области художественного творчества, которое уже самим своим существованием освобождает души от тоталитарного гипноза. Власть над душами осуществляется только при помощи лжи, потому что ложь есть насилие над человеческим духом. Искусство же не может лгать. Поэтому каждое искусство — непосредственный вызов лжи, а значит и той системе гипноза, на которой держится власть. Художник содрогается от ужаса, а интересы партийного гипноза требуют от него радости по поводу "успехов построения социализма". Художник стихом, картиной, музыкой говорит об отчаянии, одиночестве и мучениях человеческих душ, духовно заключенных в одиночки, в камеры, где обитают люди нашей эпохи. Эти одиночки — логическое следствие

порабощение человека ложью, а художественная правда, как и каждая правда, освобождает человеческую душу и одновременно подвергает смертельной опасности власть партии. По этой причине не только романы Солженицына, но даже музыка Прокофьева в свое время подверглась нападкам, как "враждебная", и с точки зрения власти — оправданно.

Вся наша эпоха в некотором смысле враждебна искусству. Порабощать может не только однопартийная система, но и современное индустриализированное общество, единственная цель существования которого — материальное благополучие. Только здесь средства власти над человеческими душами иные, чем в коммунистических странах, где власть более откровенна, всеохватывающа и груба. В прошлом границы власти над людьми были гораздо более ограниченными, а возможности искусства тем самым — более широкими. Отсутствие большого искусства, а в особенности сознательная борьба против художника в наше время свидетельствуют об усилении человеческого рабства.

Конфликт между искусством и общественной системой — всегда конфликт между свободой и рабством, правдой и ложью, между органической жизнью и мертвящим механизмом. На языке религии — конфликт Бога и дьявола. Потому что власть над душами, власть над обществом, осуществляемая тоталитарными системами, власть технологии и машины над человеком и природой в современных индустриализованных странах — это всегда "имитацию Деи" (подделка под Бога) — "совершенное" государство Платона, из которого изгоняются поэты, "царство дьявола". Смысл всего — в освобождении природы, а не в ее покорении. Для этого необходим свободный человек. В этом смысле искусство есть свобода.

ПИСЬМО ДРУГУ НА ЗАПАД

(Итальянскому писателю Рудольфо Квадрелли)

Дорогой друг, не потому я так долго медлил с ответом, что мои житейские обстоятельства неблагоприятны для такого вида духовно-идеологической корреспонденции (хотя это и правда), и не потому что мне трудно возразить на мысли, высказанные в Ваших письмах, с которыми я, конечно, не согласен. Нет, не в этом дело. Я несколько раз начинал писать Вам, а потом бросал. Руки сами опускались. Ведь если бы Вы были моим идеологическим противником — тогда все было бы в порядке. Тогда недоумение не мучило бы меня, и писать было бы очень легко. Но Вы не враг, Вы друг мне, и вот поэтому пред мной стал вопрос — как мне Вам показать (не доказать, а именно показать) то, что для меня самоочевидно и что Вы не видите, а главное — зачем это делать? Ведь если вся Ваша жизнь, весь мир, в котором Вы живете, все книги и газеты, которые читаете, вызывают в Вас те суждения, которые я считаю глубоко ошибочными, то какое значение может иметь мой ответ Вам?

И вот, вспоминается мне та молодая итальянская коммунистка, описанная в автобиографии Евгении Гинзбург "Крутой маршрут". Не знаю, читали ли Вы эту книгу, но прочесть ее, особенно Вам в Италии — стоит. Так вот, эта итальянка, до Второй мировой войны бежала из фашистской Италии на "родину всех трудящихся", конечно попала в сталинские застенки и где-то в тюремном подвале была увидена автором книги в тот момент, когда ее в мороз из шланга поливали водой, а она, ничего не понимая, кричала: "Ио сонно коммунисто, ио сонно коммунисто!" ("Я коммунистка!") Как Вы думаете, если бы ей, до ее побега из фашистской Италии и до советского лагерного опыта, кто-нибудь попытался объяснить, что к чему, то у нее открылись бы глаза? Что Вы думаете: стало ли бы для нее самоочевидным то, что в то время уже было самоочевидностью для миллионов лагерников и других подсоветских граждан? В этом я глубоко сомневаюсь. Вот поэтому-то у меня и опускаются руки, когда я сажусь за письмо к Вам. Ведь не чужие письма, а собственный опыт открывает глаза на реальности сего мира.

Но все-таки, для очистки собственной совести, а еще и потому, что на Западе, наверное, многие разделяют Ваше мнение, я Вам отвечаю.

Вот, в кратком изложении, основные положения Ваших двух писем: Вы исходите из факта существования в нынешнем мире двух социально-экономических систем, из которых каждая имеет свои преимущества и свои недостатки. Вы настаиваете на том, что коммунистическая система имеет, по крайней мере, то *преимущество*, что в ней нету общественного разложения, наблюдаемого на Западе, а кроме того, экологическая трагедия в коммунистических странах менее заметна. Правда, Вы оговариваетесь, что процесс разложения в коммунистических странах тормозится не этическими, а политическими средствами давления, но несомненно считаете выгодным, по сравнению с Западом, факт отсутствия порнографии, рекламы, наркотиков, гангстеризма и прочих элементов разложения общества. Берлинская стена для Вас символ разделения почти что одинаково несправедливых миров, и, по Вашему мнению, будь на Западе общество здоровое, то этой стены бы не было, так как Запад не менее виноват в ее построении, чем Восток. Коммунизм, по Вашему, религия земной жизни, и имеет глубокое оправдание, хотя оно извращено, однако Вы не уверены в том, присуще ли извращение только советской системе или всякому коммунизму. Западный мир, по Вашему мнению, движется к катастрофе, и спасти его может только радикальное изменение пути, по которому он идет. Первое письмо Вы начали с объяснения, что пишете мне, потому что я, в отличие от других оппозиционных писателей из коммунистических стран, не считаю Запад землей обетованной, а второе письмо Вы закончили утверждением, что если я с Вами не согласен, то это будет означать, что каждый из нас лучше чувствует зло в своем обществе, чужое же зло труднее понять.

Прежде всего, я не знаю таких самиздатских (название точнее, чем "оппозиционные") писателей, которые бы не видели зла существующего на Западе. Укажите мне их. Наоборот, поражает тот факт, что люди, никогда в жизни не бывавшие на Западе, десятилетиями отрезанные от всякого западного источника информации, даже коммунистического, ежедневно захлестываемые потоками пропаганды, — так реально и без всяких иллюзий оценивают капиталистический мир. Прочтите книги Надежды Мандельштам, Солженицына, Померанца, да и всех вообще самиздатовцев, и укажите мне на их иллюзии относительно западного мира. Да и как быть этим иллюзиям, когда само по себе существование многочисленных коммунистических партий в западноевропейских странах, "новой левой", западных писателей, восхваляющих коммунистическую систему, и многого другого, о чем с гордостью вещает советская пресса, имеено говорит о том, что на этом самом Западе — ой как много неладного. И в то же время, мнения людей Запада, даже и не коммунистов, о Востоке сплошь и рядом полны иллюзий и полного непонимания, чему иллюстрацией

могут служить и Ваши письма.

Ведь как это у Вас выходит: существует капиталистическое общество и общество коммунистическое. Одно разлагается, другое — политическими или полицейскими мерами удерживают от разложения. Но ведь именно это неверно, дорогой Квадрелли, в том-то и дело, что никакого общества в коммунистических странах нет. Сущность всякого тоталитаризма, всякой однопартийной диктатуры именно в *разобщении* людей. Тот *процесс разложения* общества, который Вы видите теперь на Западе, является *полностью законченным* в коммунистических странах. Поэтому ожидать от коммунизма излечения общественного разложения это то же самое, что считать смерть — излечением от раковой опухоли.

Или другое сравнение: в строгих тюрьмах нет ни порнографии, ни рекламы, ни наркотиков, ни воровства, словом — никакого разложения. Но ведь нету и общества! Это сравнение может хорошо показать, почему люди в коммунистических странах не строят никаких иллюзий относительно Запада и все-таки завидуют живущим на Западе и при случае пытаются убежать (поэтому-то и построена Берлинская стена), а в то же время люди Запада всегда имеют извращенное представление о коммунизме. Поверьте мне, я несколько лет просидел в тюрьме и лично убедился в том, что заключенные не строили никаких иллюзий о жизни за тюремными стенами, однако все время мечтали о свободе, и я знаю, как никогда не бывавшие в тюрьме всегда имеют более или менее неправильное представление о тюремной жизни.

Общество существует там, где есть свободное общение людей, а где нет свободного общения, там и разлагаться нечему. Можно даже сказать, что общество есть — свободное общение свободных людей, так как то, что Вы называете разложением Запада, показывает присутствие все большего числа людей внутренне *несвободных*, поэтому и разложение. Общение людей возможно только как соприкосновение глубинных *Я* каждого человека, основания личности, души, того духовного начала, не принадлежащего видимому физическому миру. Отрыв человека от своего глубинного *Я* делает невозможным общение с другим человеком. Свобода и есть — неразорвавшаяся связь с этим *Я*. Почему во все еще относительно свободном обществе появляется такое большое число внутренне несвободных людей, вот это и есть основной вопрос, над которым нам с Вами надо ломать голову. Но для этого сперва нужно понять, что коммунизм является *последней стадией* той самой болезни раздвоения, а не излечением, и если Запад движется к катастрофе, то нет горшей чем та, что он станет тоталитарным на манер коммунистических государств, так как никаким насилем человека свободным сделать нельзя, а поэтому нельзя однопартийной диктатурой оздоровить общество.

Позвольте мне подкрепить мои утверждения и одновременно иллюстрировать то, что люди в коммунистических странах ни в коем случае не имеют иллюзий о Западе и все же тяготеют к нему, — ссылкой на самиздатского автора, ныне пребывающего в концлагере и осужденного на 15 лет заключения за попытку бегства из-за, выражаясь символически, "берлинской стены".

"Оказывается, при фашистах мафия прекратила существование. Впрочем, так оно и должно быть. Всякий предельно диктаторский режим довольно успешно расправляется с организованной преступностью. Личная ли то диктатура, диктатура ли то административно-партийной олигархии — она считает организованную преступность своей прерогативой и не терпит конкуренции. Можно было бы даже решиться на несколько парадоксальное утверждение, что наличие организованной преступности служит — во всяком случае пока — безошибочным индикатором демократичности общества... Организованная преступность — это подходящий налог с благ демократии, неизбежные издержки ее, как и порнография и многое другое. Или свобода печати плюс порно, или "Правда" минус порно. Старания уменьшить издержки демократии и не трансформироваться в несвободу при этом — извечная забота демократического общества". (Эдуард Кузнецов "Дневники", изд. Реуни, Париж, 1973, стр. 52-53.)

Дело не в том, что коммунизм, как Вы пишете, религия земной жизни. Ведь и молитва "Отче наш", которой европейское человечество молится уже 20 веков, говорит о "хлебе насущном" и о Царстве Божьем "не только на небесах, но и на земле". Дело в том, что коммунизм сие "Царство Божье на земле", "царство свободы", словами Маркса, хочет осуществить силою, насилием, "диктатурой пролетариата", то есть диктатурой "авангарда пролетарского класса" — компартии. А это значит — отнятием свободы, абсолютной властью партии, оппадением человека от своего Я, смертью общества. Дело не в цели, а в средстве. Вот почему не имеет значения, о каком коммунизме идет речь — советском, китайском, кубинском или возможном итальянском. Там, где политико-духовная монополия, — там смерть общества, совершенно независимо от идеи, во имя которой диктатура и монополия устанавливаются. Разве Вы думаете, что в Китае нет сегодня концентрационных лагерей с миллионами и десятками миллионов заключенных? Укажите мне на какое-либо явление в нынешнем Китае, которого не было в сталинском СССР.

Теперь относительно "экологической трагедии". Я надеюсь, что Вы согласитесь со мною, что человеческая мысль, человеческий дух намного ценнее, чем, например, части человеческого тела, и мне кажется, что я не ошибусь в предположении, что Вы предпочли бы быть безногим, чем кретином. И вот, когда на половине нашей планеты ежедневно безжалостно уничтожается все то, что составляет духовную

сущность человека, как это происходит в тоталитарных коммунистических странах, то считать трагедией уничтожение флоры и фауны (что, конечно, тоже невеселое явление) — это значит, мягко говоря, *плакать по волосам отрубленной головы*. Кроме того, Вы, очевидно, не читаете советских газет, а потому не осведомлены о безжалостном искоренении лесов, полном истреблении рыбы в реках в индустриальных районах страны, о загрязнении даже Байкала, глубочайшего озера в мире. Так что экологическая проблема связана с нашей технико-индустриальной культурой, а не с общественными системами, и разрешена она может быть только в демократическом обществе, так как в тоталитарных странах уничтожается единственный возможный разрешитель проблем — дух человеческий. Не могу избежать соблазна опять сослаться на Кузнецова: "Гонение на разномыслов страшнее геноцида — геноцид лишает людей жизни, уничтожение же инакомыслия посягает на самый смысл жизни как таковой, то есть дух..." (стр. 64).

Если бы во всем Средиземном море были уничтожены все живущие в воде рыбы, то это было бы *меньшей трагедией*, чем введение однопартийного тоталитарного строя в Италии. Восстановление жизни в море представляло бы только большое техническое затруднение; восстановить жизнь общества, ликвидировать однопартийную монополию — задача, еще нигде не разрешенная. (Кстати, поэтому так трагично происходящее ныне повторное введение догматического марксистского единомыслия во все сферы жизни в Югославии, стране, годами бывшей не только в экономическом, но и в духовном смысле наименее тоталитарной из всех коммунистических стран).

Вот, кажется, и все, что я хотел сказать Вам. Однако, если Вы после моего ответа придете к заключению, что — свое зло понятно, а чужое — нет, как Вы написали, то до этого попробуйте сопоставить хотя бы такие факты: Вашу, и каждого итальянца, возможность публично в печати высказать свои мнения (либеральные, коммунистические, христианские, правые и т. д.) — с невозможностью моей и всех жителей коммунистических стран (миллиард с чем-то) высказывать какие-либо другие мнения, кроме тех, которые провозгласил последний партийный съезд или пленум. Для Вас как писателя это ведь вопрос жизни. Я уж не говорю о таких недосыгаемых свободах, как возможность поездки за границу, чтения каких хочется книг и газет, участия в политических и религиозных организациях, и прочего, и прочего, и прочего, включая такие мелочи, как возможность покупки предметов личного потребления (даже из Югославии все еще ездят за покупками в Триест, взяв во внимание, что у нас, в отличие от других соцстран, паспорт не выдают только открытым инакомыслам. А Югославия, по словам, например, приезжих чехов — "настоящая Америка"). Но это, конечно, мелочи.

Попробуйте вдуматься в значение этих фактов и тогда уж говорите, что у каждого общества свое зло, но и свои преимущества. Зло — общее, но чувствуют это, кажется, только люди в коммунистических странах. Кстати, это и есть их единственное преимущество.

Уважающий Вас,

Михаил Михайлов

1973

ДОСТОЕВСКИЙ О КАТОЛИЧЕСКОЙ "ЛЕВОЙ"

Отрицательное отношение великого русского писателя к Римско-католической церкви основывалось на его мнении, что мощная историческая организация, возглавляемая римским папой, обладающим верховным авторитетом в делах веры, а значит спасения души человеческой, незаконно захватила в свои руки "власть ключей" (потестас клавиум), власть вязать и решать, чем отнимала у миллионов и миллионов верующих свободу совести, а это значит — реальную возможность спасения, спасения именно в Христианстве, мыслимого исключительно на путях свободы. С самой большой силой такая оценка католической церкви Достоевским выражена в "Легенде о Великом инквизиторе", рассказанной одним из героев романа "Братья Карамазовы".

Оригинальность и глубина этой легенды состоит в том, что Великий инквизитор не корыстный властолюбец (какими рисовала католических деятелей рационалистическая мысль французского Просвещения), а на самом деле мученик, из любви к людям отнимающий у них свободу и берущий всю ответственность на свои плечи, потому что, по его убеждениям, человек чересчур слаб для того, чтобы выдержать бремя свободы, бремя, делающее человека ответственным за все свои поступки, за спасение или вечную потерю своей души, а поэтому — бесконечно несчастным. Гениальная диалектика Достоевского раскрывает корни такого отношения к людям: в глубине души Великий инквизитор *не верит* во Христа и в то, что в каждом человеке заложено зерно свободы и бессмертия (языком Библии — "человек создан по образу и подобию Божию"), и потому считает необходимой организацию земной жизни на основе абсолютного авторитета власти Церкви. Это приводит Достоевского к утверждению, высказанному в одной из его статей, что любовь к людям, именно любовь без веры в Бога, совершенно законно приводит к величайшему насилию над человеком и, в пределе, превращает жизнь людей в ад земной. Самое краткое выражение этой мысли в его формуле: "Бог есть любовь, но нельзя сказать, что любовь есть Бог".

Если в отношении к католической церкви и в утверждении того, что основным ее двигателем является *неверие* во Христа, Достоевский во многом только следует за Лютером, то он безусловно первый, кто высказал, для XIX века совершенно парадоксальную, мысль

о том, что католическая церковь и нарождавшееся воинственное коммунистическое движение — явления одного и того же духовного порядка, и что в будущем они неминуемо сольются. Разницу между ними он видел только в том, что, по его мнению, католическая церковь — это неверие скрытое, а коммунистическое движение — неверие открытое.

В мало известной статье в журнале "Гражданин" (номер 41, за 1873-й год), Достоевский высказал следующие, для нашего времени чрезвычайно интересные, мысли:

"Папа сумеет выйти к народу пеш и бос, ниц и наг, с армией двадцати тысяч бойцов иезуитов, искусившихся в уловлении душ человеческих. Устоят ли против этого войска Карл Маркс и Бакунин? Вряд ли; католичество так ведь умеет, когда надо, сделать уступки, все согласить. А что стоит уверить темный и нищий народ, что коммунизм есть то же самое христианство, и что Христос только об этом и говорил... Все эти сердцеведы и психологи бросятся в народ и понесут ему Христа нового, уже на все согласившегося, Христа объявленного на последнем римском нечестивом соборе... Да, друзья и братья наши, — скажут они, — все, об чем вы хлопчете, — все это есть у нас для вас в этой книге давно уже, и ваши предводители все это украли у нас... Прежде главная сила веры состояла в смирении, но теперь пришел срок смирению, и папа имеет власть отменить его, ибо ему дана всякая власть. Да, вы все братья и сам Христос повелел быть всем братьями; если же старшие братья ваши не хотят вас принять к себе как братьев, то возьмите палки и сами войдите в их дом, и заставьте их быть вашими братьями силой. Христос долго ждал, что развратные старшие братья ваши покаются, а теперь он сам разрешает нам провозгласить: "Fratérnite ou la mort..." Слова эти льстивые, но, без сомнения, демос примет предложение: он разглядит в неожиданном союзнике объединяющую великую силу, на все соглашающуюся и ничему не мешающую, силу действительную и историческую... А в довершение ему дают опять веру и успокаивают тем сердца слишком многих, ибо слишком многие из них давно уже чувствовали тоску без Бога..."

Поразительные слова, написанные ровно сто лет тому назад! И вот теперь, во время все более возрастающей католической "левой" на Западе, во время появления священников-террористов в Южной Америке, во время участвовавших поездок отцов иезуитов в Москву, во время упорных попыток католических теологов как-то идеологически примирить христианство с марксизмом, в самом деле стоит разобраться в том вопросе: куда ведет католическую церковь и весь западный христианский мир (если вообще в наше время можно так выразиться) путь, предсказанный Достоевским, и что поджидает человечество в конце этого пути.

Вопрос тем более интересен, так как в коммунистических странах религиозное возрождение в наше время уже видное всем и всякому желающему видеть, движется прямо-таки в *противоположном* направлении. Резче всего это символически высказано в "Мыслях врасплох" талантливейшего самиздатского писателя Сиянявского-Терца: "Довольно говорили о человеке, время поговорить о Боге".

Со стороны социально-исторической несомненно католическая церковь не связана с капиталистическим строем. Она существовала и в рабовладельческом, и в феодальном обществе, и теоретически нет никаких препятствий для ее деятельности в социализме, если социализм мыслить исключительно как определенную форму экономически-правового строя, в котором средства производства не находятся в частных руках. Поэтому поддержка, оказываемая католической церковью до самого последнего времени сугубо капиталистическим и даже недемократическим, авторитарным режимам, именно говорит о той духовной косности, которая в будущем может толкнуть Ватикан на компромиссы и поддержку тоталитарных коммунистических режимов.

Основоположник самого слова "социализм", Сен-Симон, прямо связывал христианство с социализмом в своей книге "Новое христианство", а основоположник французского коммунизма Кабет в книге "Истинное христианство" настаивал на том, что "никто не может назвать себя христианином, если он не коммунист".¹ Так почему же сначала Маркс, а потом особенно яростно Ленин, вели такую непримиримую борьбу не только с Церковью (что было бы в некотором смысле понятно, если взять во внимание, что Церковь, и католическая, и православная, в их время были связаны с капиталистическим строем), а именно с христианством, со всякой религией как таковой, с верой в Бога, трансцендентность и бессмертие души? Почему они не провозгласили вслед за Сен-Симоном и Кабетом, что Бог на их стороне и что именно Евангелие требует осуществления праведного социалистического общества? Ответить на этот вопрос, значит ответить на основной вопрос нашего времени, значит объяснить причины того, почему религиозное возрождение в коммунистических странах не только антимарксистское, но зачастую и антицерковное, и почему Достоевский, проникая в духовные глубины, из которых увиденные им там идеи всплыли на поверхность жизни целым столетием позже, — с таким отвращением относился к вопросу о возможном переходе католической церкви на идеологические позиции коммунистического движения.

Дело тут не в социализации средств производства. Сама по себе такая социализация не связана ни с революционным насилием, ни с атеизмом, ни с коммунистической диктатурой. Дело и не в марксистской теории исторического развития, якобы полностью зависящего

от борьбы классов, и даже не в основной теоретической предпосылке марксизма, что "базис", то есть общественные отношения определяют "сознание", то есть духовную сферу, и что в бесклассовом обществе, условием для которого является социализация средств производства, окончится отчуждение человека, сильнее всего выраженное именно в религии как "надстройке" над классовым эксплуататорским обществом, а посему "потребность в Боге", который есть лишь собственная проекция отчужденного несвободного человека, — окончательно отпадает. Сама по себе эта теоретическая предпосылка уже является последствием чего-то другого, и если бы в самом деле весь спор шел о "базисе и надстройке", то у марксистов не было бы особенной причины для такой кровавой борьбы с "проекциями и миражами", поскольку они зависят от "базиса", — с переменной базиса рухнула бы и "надстройка".

Почему же марксизму так необходимо полное отрицание трансценденции и духовной сферы, неба и души? Если бы социалистический строй мыслился только как более справедливая организация общества в сфере социально-экономической, то тогда не было бы никакой нужды в отрицании онтологической реальности духовной сферы. Однако марксистский коммунизм движется именно верой в осуществление не более, не менее, как рая на земле, "царства свободы" словами Маркса, но, что *самое главное* — это "царство свободы" можно осуществить только силой, революционной диктатурой того класса (точнее его авангарда — партии), который, по Марксу, исторически предопределен к тому, что, уничтожая свое положение как эксплуатируемого класса, он уничтожает эксплуатацию вообще, и освобождает не только себя, а и все человечество. В этом, в *необходимости насилия* как единственного инструмента для осуществления "царства свободы" — вся суть революционного марксизма.

Основа всего — в борьбе против свободы, которая по своей природе сопротивляется всякому насилию, чем мешает построению "царства свободы". Если существует духовная сфера, невидимая для людских глаз (включая всевозможные физическо-технические инструменты), и если душа человека принадлежит именно к этой сфере, то в таком случае человек не зависит полностью от внешней, видимой реальности, в таком случае человек является существом онтологически свободным по отношению к этому земному миру, насильственная переделка которого не затрагивает основных человеческих духовных глубин, и возможность рая земного становится сомнительной.

Если же духа и души нет, если Бог лишь фикция и результат отчуждения имманентной сущности самого человека, вызванного несправедливым классовым обществом, в таком случае насилие в целях "разотчуждения" дурака-человека оправдано. А то, что никакой

духовной сферы нет, является *самоочевидным фактом* для марксистов, и теория "базиса и надстройки" только следствие этого факта. Но так как все-таки в практическом осуществлении коммунизма марксисты все время сталкиваются с действиями и поступками, определенно не зависящими от "базиса", а продиктованными несуществующей духовной сферой, то объясняется это "злой волей" человека и происками классового врага, и поэтому немилосердно карается.

Влечение к осуществлению спасения человечества силой свидетельствует о факте *уже свершившегося отрыва* от духовной сферы, об ослеплении и потере соприкосновения с жизненными истоками. Это, по-своему, глубоко связано со всем научно-техническим духом новейшего времени и является лишь применением духа насильственного построения, уже полностью человеческого механического мира на месте природы, в сфере жизни человека.

Власть как основной рычаг в деле устройства "царства свободы" силой предопределяет политическую диктатуру и уничтожение всякого проявления свободы человека. Любовь к людям без веры в Бога превращается в стремление к власти, а власть, со своей стороны, уничтожает всякую любовь. Так всякое насильственное усовершенствование жизни оборачивается адом земным.

Нигде до такой меры ясно не выступила связь христианства со свободой, как в столкновении христианства с коммунизмом. Если Христос — реальность, если свобода заложена в каждом человеке, тогда насилие не оправдано. Тогда всякое насилие это борьба против Бога.

И в то же время один из сильнейших доводов в пользу революционного насилия — это утверждение того, что оно есть только неизбежное средство для прекращения ежедневного насилия, присущего в эксплуататорском обществе, и что в обществе несправедливом церковная проповедь смирения поддерживает именно рабство и служит аду земному. Предпосылка этого утверждения состоит в том, что неповиновение насилию мыслится тоже исключительно как насилие, а отречение от насилия в борьбе со злом совершенно ложно истолковывается как "непротивление злу". (В проповеди смирения перед общественным злом Церковь и впрямь грешила почти что во всей своей истории.) Предпосылка эта неверная, так как именно история первых веков христианства дает пример недоступного, жертвенного и последовательного сопротивления христиан попытке установления абсолютной власти (власти и над духовной сферой, над верой) со стороны могущественной римской империи, сопротивления, окончившегося победой, однако в борьбе не применявшего насилия. И наоборот, история показывает бесчисленные примеры того, что насилие в борьбе с насилием, зло против зла, — бесконечно умножает зло на земле.

Соблазн земной власти, третье искушение Иисуса в пустыне, всегда незримо сопутствовал историческому пути, по которому шла Католическая Церковь. Дух устроения человеческого общежития силой, спасение насильем только и могли породить костры инквизиции, индекс запрещенных книг, государство иезуитов в Парагвае и все то многое, благодаря чему современное человечество почти что совсем потеряло веру в Бога. Теперь, когда на половине земного шара установилась власть, открыто поклоняющаяся насилью как верховной ценности, вечный соблазн католической церкви становится невыносимо сильным, толкает Церковь искать пути сближения с нарождающимся миром, а потому становится ужасающе реальным пророческое провиденье Достоевского. К тому же Ватикан находится под гипнозом, которому подвержен весь Запад, и не учитывает, что после полстолетия в России и Восточной Европе марксизм духовно мертв.

Перед католической церковью в настоящее время стоит выбор: или найти общий язык с коммунистическим движением и благословить насильственное построение рая земного, или стать на сторону Солженицына, Синявского, Надежды Мандельштам и всего антимарксистского религиозного возрождения.

Вся история католической церкви предопределяет ее к очередной исторической ошибке. На этот раз ошибка может стать последней. С одной стороны, антимарксистское духовное возрождение, в таком случае, будет устремлено не только против коммунистической власти, но и против церкви. С другой стороны, если религиозное возрождение не одолеет сил тоталитарного рабства, то после некоторого периода терпимости по отношению к Церкви, благославляющей диктатуру, неизбежно придет момент, когда открытый атеизм сметет с лица земли атеизм скрытый. Это было бы концом если не всего исторического христианства, то во всяком случае христианства католического.

Но стать на сторону Солженицына, это значит побороть страшный соблазн земной власти, который для слишком многих стал однозначным с самой католической церковью. Сумеет ли церковь, в которой на протяжении веков наравне с Торквемадой появлялся и Франциск Ассизский, найти в себе столько силы веры, чтобы не пойти на соглашение (или еще хуже — на конкуренцию) с самой могущественной и абсолютной земной властью, которую видел мир, и мировая победа которой означала бы конец жизни человечества, так как жизнь есть только там, где есть свобода?

1973

1. Проф. В. Зеньковский, "Окамененное нечувствие", *Православная мысль* № 8.

РОСТКИ НАДЕЖДЫ

Что делать? Как жить? Чему верить? Есть ли хоть малейшая надежда на то, что на эти вопросы в нашем сумбурном времени существует настоящий ответ?

Я думаю, что ежедневно миллионы людей ставят себе эти вопросы и тщетно пытаются ответить на них, вглядываясь в события быстро текущих дней. А события эти со всех концов планеты стекаются и пестрят, мелькают и исчезают в экране телевизора, как в окне быстрого поезда. И у нас, пассажиров, остается только тяжелое впечатление того, что мировая бессмыслица настолько велика, что надежды на осмысление нашей жизни, надежды на победу над хаосом — нету никакой.

И впрямь, где они, эти силы сопротивления духовному разложению всего человечества? В Восточной части мира, хотя и развенчан 15 лет тому назад величайший из тиранов, однако дело оздоровления мало подвинулось с тех пор, и совсем не кажется странным то, что такой крупный русский писатель, каким является Андрей Синявский, все еще в концлагере уже шестой год, что Солженицына от той же участи несомненно спасла только Нобелевская премия, а десятки других, молодых и старых, талантливых и неталантливых русских людей, поплатились за независимые взгляды более страшным наказанием — попали в "психотюрьмы", то есть загнаны на неопределенный срок в сумасшедший дом. Еще не пойман нацистский доктор Менгеле, а уже появился новый, советский — доктор Лунц, ничуть не менее страшный. Конечно, наука, медицина тут ни при чем, но так же очевидно, что сама по себе никакая наука надежды не может дать и не дает.

А на Западе? Разве "гошисты", да "новая левая" не сводят на нет всякую надежду на то, что возможно оздоровление мира? Ведь польский философ Лешек Колаковский совершенно прав, считая, что "новая левая", вся эта "маоцзедунствующая" молодежь, верящая в спасение насильем и диктатурой — симптом болезни, а не лекарство. Симптом той зловещей болезни, пятьдесят лет тому назад первой поразившей Россию.

Существует ли на Западе силы, которые могут противостоять болезни, а не только ее симптомам? Я их пока не вижу.

Главной силой всех тоталитарных движений нашего века была и есть жажда веры, отчаянное желание покинуть одиночную камеру

своей души во что бы то ни стало. Что на Западе может противостоять этой тяге к тоталитаризму? Наука? Она тут ни при чем. Высокий материальный уровень жизни? Вряд ли. Политическая демократия? Но ведь она-то сама нуждается в религиозном фундаменте (хотя это часто не осознается), и без него, с легкостью разваливается.

А там, еще дальше на Востоке, крепнет с каждым днем самая фанатичная и многочисленная тоталитарная сила, какую видел мир, и невольно вспоминаются пророчества Нострадамуса о порабощении Европы желтой расой.

И над всей этой суматохой идеологий, партий, сект, вождей и войн, витает, как будто кем-то нарочно нагнетаемый, страх перед возможностью уничтожения планеты в мировой термоядерной войне. Страх — плохой союзник, и мне кажется, что он помогает только силам организованного хаоса, ибо как ни крути, всех нас, ныне живущих на земле, через максимум 150 лет не будет в живых, — даже если не случится не только ни одной войны, но и ни одной автомобильной катастрофы не произойдет в течение этого времени. И поэтому страх перед ядерным уничтожением есть ложный, вымышленный страх, который сковывает и без того порабощенные силы человеческого духа.

И тем не менее, где-то в глубине своей души, человек интуитивно чувствует неуничтожимость и свою, и человечества. А так как это чувство невозможно до конца вытравить, то силы организованного хаоса и смерти внешним шумом пытаются заглушить его — лозунгами, выкриками, маршами, рекламой. Потому что силам организованного хаоса смертельно опасен свободный человек, а человек свободен только тогда, когда чувствует, что там, в глубине его души, тот самый центр центров, называемый *Я* каждого из нас, — неуничтожим никакими внешними силами, будь то законы природы, насилие, смерть, и что потеря этого центра — самое страшное, что может произойти с человеком. И там, где-то в глубине, эти *Я* каждого из нас соприкасаются с другими *Я*, и это соприкосновение и есть любовь или религия. Когда же закрыт в человеке путь в его собственную глубину, то невыносимое одиночество можно иллюзорно преодолеть только в поверхностном объединении с себе подобными, оторванными от глубины, слившимися в таких псевдорелигиозных движениях, как фашизм, нацизм, коммунизм. В этом и есть вся суть тоталитарных движений. И никакое так называемое "высоко развитое научно-индустриальное общество" не может противостоять тоталитаризму, ибо оно своей структурой подготавливает почву тоталитарному движению, тем что, порабощая человека внешней рационально-механической и технологической структурой жизни, отсекает ему путь в глубину самого себя, туда, где коренится истинное, а не ложное (расовое, классовое, национальное) единение душ человеческих, и где всегда — космос, и никогда — хаос. Мы все отделены друг от друга нашим неверием в

надличную, надреальную связь наших глубинных личностей. И только когда через глубину своего Я чувствуешь реальность других Я, возможна политическая демократия, и наоборот, оторванный от своего глубинного корня человек не чувствует реальности чужих Я и легко склоняется к насилию над другими.

Но вот что самое интересное — такая же молодежь, что на Западе в подавляющем числе склоняется в сторону тоталитаризма, в уже оформленных тоталитарных системах выступает с прямо противоположными требованиями, с требованиями всего того, что западная молодежь считает "отжившим", "буржуазными предрассудками": свобода слова, печати, законность. А как оценить все чаще появляющиеся в России искры новой, возрожденной религиозности у молодых людей, проживших всю жизнь в сугубо атеистическом обществе? И вот, вспоминаются слова Джузеппе Маззини: "В страданиях рабства народы учатся любить свободу".

И если точно, что побег от одиночества в тоталитарное движение оканчивается рабством (а вся история XX века об этом говорит), то страшные страдания рабства, какими-то неизвестными нам душевными процессами открывают дорогу человеку в глубь его души, тем самым освобождают от одиночества, которое и толкнуло к тоталитаризму, и в то же время таким способом создается фундамент для свободного, демократического, органического, а не тоталитарно-механического общества, на этот раз не национальных, а планетарных размеров.

Невольно напрашивается сравнение теперешней России, страны самого длительного тоталитаризма, с положением героя романа Достоевского "Преступление и наказание" Раскольникова во время его пребывания на каторге. Но вот, кажется, близится день чуда, тот момент, когда убийца, выстрадав свой грех насилия, снова станет способен любить, то есть — жить. Молодежь Запада, к сожалению, чересчур похожа на Раскольникова, только что собравшегося совершить насилие.

Последние новинки подпольной советской литературы, появившиеся недавно, поражают той глубокой осмысленностью происходящего в мире. В то время как орган ООН ЮНЕСКО прославляет юбилей "великого гуманиста" Ленина, Василий Гроссман, некогда известный "соцреалист", в посмертном романе-исповеди "Все течет" с большой силой раскрывает психический образ Ленина как творца самой рабской из всех существовавших в истории общественных систем. В то время как на Западе интеллигенция все "левее и левее", а консерваторы-традиционалисты считают возможным бороться против тоталитаризма военно-техническими и экономическими преимуществами, — Надежда Мандельштам, вдова погибшего в лагерях крупного поэта, пишет о том, что, как когда-то Россия спасла Европу от

татарского нашествия, так теперь Россия спасет западную цивилизацию от рационализма, порождающего то одиночество, из которого вытекает тоталитаризм, тем, что в себе самой найдет силы для победы над тоталитаризмом. Ибо извне — он непобедим.

Внести смысл в наш мир и победить хаос ныне не может никакое политическое движение, никакая тщательно разработанная общественная система, никакая наука и техника, а единственно — истинное религиозное возрождение, выстраданное своим собственным опытом. Кажется, что необходимо пройти до конца путь насилия и зла, активно верить в него, или пассивно покоряясь, для того чтобы навсегда перестать верить в силу и непобедимость зла. И парадоксально можно сказать, что без этих бесконечно долгих лет тоталитарной диктатуры не смогла бы в России появиться завтрашняя свобода, которая, конечно, не будет иметь ничего общего с тоталитаризмом.

Величайший вопрос состоит в том: можно ли к этой настоящей свободе, демократической законности, органическому порядку, придти не переболев болезнью тоталитаризма? От ответа на этот вопрос зависит судьба Запада. Или угроза азиатского тоталитаризма ускорит процесс болезни и выздоровления? Но где ростки надежды на Западе? Ведь студенты, беднота, цветное население, все те, в кого верит Маркузе, все они более или менее заражены духом насилия, значит тоталитарным духом. В пророческом романе Джорджа Орвелла "1984", рисуя мир в тисках трех тоталитарных супер-государств, главному герою кажется, что единственная надежда человечества это — "пролы", пролетариат, не зараженный духом тоталитарной партии. И вот сейчас, в суматохе мировой бессмыслицы, во многом подтверждающей гениальные видения Орвелла, можно с полным правом сказать, что единственная надежда на "зекков", советских заключенных, людей из числа которых появляются те, чьи жизни и мысли суть живая надежда, осмысляющая и нашу жизнь.

И страдания, ежечасно вызываемые мучительными вопросами бессмыслицей телевизионных видений, облегчаются, ибо, как говорил Ницше, — дело не в том, что человек не может вынести великих страданий, а в том, что невыносимы бессмысленные страдания.

Вот эти ростки надежды, появляющиеся там, где их менее всего ожидали, в настоящее время являются единственным ответом на вопросы поставленные в начале статьи.

ТРИ ПАРАДОКСА

Факт зарождения планетарного сознания еще не осознан. В чем можно видеть особенности этого сознания, которое пока только предчувствуется? Видны ли уже некоторые элементы, которые станут его составными частями? Мне кажется, что уже ясно можно наблюдать *три парадоксальные явления*, присущие именно ныне наблюдаемой планетизации человечества.

Когда-то герой одного из романов Бальзака поставил такой морально-теоретический вопрос: что бы ты выбрал, если бы тебе предложили стать богатым и счастливым при условии, что за это заплатится жизнью один человек в далеком Китае или на Луне, о чем никто никогда кроме самого тебя не узнает? В наше время такой вопрос перестает быть теоретическим и становится сугубо практическим. И вот что *парадоксально*: именно теперь, в наплыве общественного имморализма всякого сорта, моральные законы, когда-то представлявшиеся людям абстрактными, в наше время принимают вид законов физических, доступных наблюдению и исследованию. Невозможно подавлять свободу на другой стороне планеты и в то же время не подавлять ее у себя дома. Невозможно творить насилие над кем-либо, в то же время не испытывая его на самом себе. Зло интернационально и планетарно, и повышение зла в одной части планеты отзывается всюду.

Хотим ли мы этого или не хотим, но теперь уже нету в мире обособленных явлений и событий. Все, все что происходит, имеет прямое отношение ко всем нам. Этот процесс всезаисимости и всепроницаемости французский философ Тейяр де Шарден назвал "формированием ноосферы", единого духовного организма всего человечества. И хотя нам иногда кажется, что по отношению к громадности тоталитарных механизмов одинокий человек совершенно бессилен, — *парадоксально* то, что именно эта тотализация мира может безгранично усилить и придать общечеловеческое значение каждому жизненному порыву одиночки к свободе. Где еще только одно слово, статья, речь, книга, даже молчание может вызвать такое потрясение основ общества и иметь такое значение и силу, как, например, в СССР?

Тотализация мира достигла таких пределов, что больше нету ни одного явления, не только в политике, но и в религиозной сфере, в науке, в искусстве, философии, которое не вызвало бы резкие

отклики, положительные или отрицательные, в каждом сегодня живущем на земле человеке.

И вот *третий парадокс*: с возрастанием специализации во всех областях человеческой деятельности, науки, техники, знания, во всех профессиях, — *исчезают вопросы узкопрофессиональные*, всякое движение мысли становится фактом, от которого зависит жизнь и судьба каждого из нас.

Особенно это явление заметно в развитии научной мысли. Вот, например, то, что раньше могло вызвать только понятный интерес специалистов, аппараты профессора Дельгадо из Йельского Университета, для контроля мозговых реакций и эмоциональных движений, — становятся реальной возможностью ужасающей перспективы для всех знакомых с всеобъемлющей силой, бесконтрольностью и аморализмом тоталитарных обществ. То, что прежде весь культурный мир считал бы только местным проявлением исконного варварства — заключение в сумасшедшие дома здоровых психически людей за их политические убеждения, что происходит в Советском Союзе, — теперь, в связи с всеобъемлющей тотализацией мира, является реальным ужасом, угрожающим не сегодня — завтра — каждому человеку. Ведь не случайно в этом году изменили Гиппократову клятву, которую дают врачи всего мира веками, на новую советскую, обязывающую врачей служить не только больному человеку, но и "коммунистическому обществу", "партии и народу". Разве можно переоценить значение такого зловещего явления в планетарном масштабе?

Или, например, все еще бытующее в широких слоях мирового населения убеждение, что мир делится на бедных и богатых, и что с уничтожением частной собственности исчезает это деление, совершенное неразличение формы и содержания власти, непонимание того, что власть вообще не нуждается в частной собственности, и что политическая монополия в СССР или Китае дает такую абсолютную власть партийным вельможам, о которой и не мечталось капиталистам, — все это вчера можно было считать просто нормальной непросвещенностью народных масс и характерным недомыслием, а сегодня это угрожающая и зловещая почва для демагогов ярой диктатуры.

По моему мнению, вот эти три парадоксальные явления в духовной жизни человечества и войдут составными частями в будущее планетарное сознание:

1. Моральные законы, раньше казавшиеся абстрактными и нуждавшимися в идеологическом, правовом или религиозном обосновании, теперь принимают физическую осязаемость.

2. Тотализация мира бесконечно усиливает действие одиночки (правда, повышая угрозу за такое действие до потери жизни).

3. Всеобъемлющая и всеобщая специализация устраняет все узкопрофессиональные вопросы.

Вопреки развитию наук, расширению горизонтов во всех областях знания, и т. д., и т. д. — будущее планетарное сознание возвращается к самым элементарным экзистенциальным вопросам, стоявшим перед человеком так же, как и теперь, 10 тысяч лет тому назад, и от решения которых зависит решение всех остальных вопросов, и политических, и научных, и философских. Не наука, философия, политика, общественное устройство решают экзистенциальные проблемы человека, а наоборот, от решения этих вопросов зависят и наука, и политика, и философия и общественное устройство. А экзистенциальные вопросы решаются каждым человеком отдельно. Все это ведет к коренной проблеме, проблеме религиозной, то есть к проблеме отношения одиночного человека к жизни, смерти, Вселенной.

И в отношении к планетарному сознанию, все ныне существующие идеологии — национальные, классовые, расовые и т. д. — глубоко провинциальны.

1971

РЕЛИГИОЗНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

Планетарное сознание, становление которого можно в скором времени ожидать, приводит к вопросам экзистенциальным, которые, в свою очередь, решаются каждым отдельным человеком в зависимости от его ощущения связи своего личного существования со всей жизнью планеты, жизнью Вселенной, то есть в зависимости от его религии. Религия — это ведь и есть *связь*.

В прошлом столетии Достоевский доказывал, что существует только одна идея, без которой невозможна человеческая жизнь, и это есть идея бессмертия души. В нашем столетии Тейяр де Шарден то же самое доказывал в отношении всего человечества: невозможно верить в прогресс и будущее человечества без веры в его бессмертие.

Теперь, когда больше нет вопросов исключительно политических, религиозных, медицинских, химических и т. д., идея бессмертия души человеческой приобретает не только универсальное, но и практически политическое значение. Никогда еще так остро не был поставлен перед каждым человеком не теоретически, а практически, вопрос о личном бессмертии, как в нынешних тоталитарных обществах. Если физическая смерть есть конец, то рабство оправдано. Тогда в самом деле лучше быть живым рабом, выполняющим беспрекословно указания партии, чем вообще не быть. И наоборот, — если душа, *Я* каждого из нас, бессмертна, то поклонение внешнему насилию есть потеря души, что хуже, чем потеря жизни. Так, в тоталитарных обществах можно наблюдать возрождение религиозной жизненной установки, которую, казалось, совсем отбросил девятнадцатый век.

Чрезвычайно поучительно чтение советской подпольной литературы и полуподпольной, как, например, роман Пастернака "Доктор Живаго", произведения Солженицына, роман-исповедь "Все течет" Гроссмана, "Воспоминания" Надежды Мандельштам. Всюду в этих произведениях чувствуется сознание того, что каторга тоталитаризма не была незаслуженной. Чем дольше длится наказание, тем явственнее становится, что человек был виноват, конечно не политически, а метафизически. Анализируя сталинские чистки, невольно приходишь к мысли, что библейское "кто поднимет меч, от меча и погибнет", — эмпирически подтвердилось в истории русской революции: чем больше читаешь воспоминания советских лагерников, тем больше начинаешь пропитываться парадоксальным убеждением в том, что никакой

несправедливости не было, а все время проявлялась какая-то мистическая справедливость. Сильнее всего были наказаны люди, которые больше всего верили в коммунизм, то есть в насильственное преобразование мира.

И наоборот, как же не вспомнить Алешу-баптиста из знаменитой повести Солженицына "Один день Ивана Денисовича", даже в лагерном ужасе жившего полной душевной жизнью, про которого сам автор написал: "лагерь с него, как с гуся вода". И вот, парадоксальное сознание того, что в мире нет несправедливости, присущее только людям, прошедшим через ад и чистилище тоталитаризма, — приводит к сознанию собственной ответственности за свою и мировую судьбу. Не общество виновато, не мир плох, а сам человек виноват, хотя грех его почти всегда есть покорность внешнему насилию или активная вера в насилие. Так, одновременно с психологией личной вины, рождается свободный человек.

Вопрос религиозный, вопрос философский — есть ли справедливость во Вселенной, в наше время является вопросом практическим, и от ответа на него зависит все — и наша жизнь, и история, и будущее человечества. И так как этот вопрос сильнее всего заострен в России, то религиозное возрождение можно ожидать именно отсюда. Советский Союз, как некогда Римская империя, подготовил почву для планетарного религиозного возрождения.

Религиозное возрождение ни в коем случае не есть дело теоретическое и идеологическое. Совсем не нужна какая-либо всеобъемлющая теория, дающая наставление — что делать, а дело в том, чтобы снова уметь чувствовать в себе тот внутренний компас, в каждую минуту жизни показывающий единственно правильное направление для действия, и иметь веру в него, следовать его указаниям, несмотря ни на какие смертельные угрозы.

Об этом писал Пастернак в "Докторе Живаго": "Вся трагедия началась с того, что мы перестали верить собственному мнению".

Жить, доверяясь внутреннему чувству, это и значит жить религиозной жизнью. Но какие все еще нас ждут наказания и чистки, для того чтобы мы были способны так жить? Ведь уже Платон считал, что "древние были лучше нас и жили ближе к богам". А нашей эпохе кажется, что и сам Платон жил в сказочной эпохе близости к богам.

БЕССМЫСЛИЦА "ДЕИДЕОЛОГИЗАЦИИ"

В последнее время, благодаря, главным образом, попытке сближения правящих верхушек СССР и США, все чаще стал появляться термин — "деидеологизация" — процесс, являющийся якобы необходимым условием для "детоталитаризации" коммунистического мира. Кроме многочисленных американских социологов и либеральных ученых, в пользу деидеологизации особенно настойчиво выступает академик Сахаров в России, да Джилас в Югославии. Последний даже провозглашает, что теперь, дескать, наступила во всем мире эпоха разложения всех идеологий и что этот факт надо приветствовать, так как человечеству вообще никакие идеологии не нужны.

Официальные советские парттеоретики, наоборот, считают, что за понятием деидеологизации скрывается совершенно определенная идеология, направленная против "диктатуры пролетариата", и поэтому с деидеологизацией следует бороться как с разновидностью "идеологической диверсии".

По-моему, советские парттеоретики совершенно правы, и само понятие деидеологизации только наводит тень на плетень и осложняет осознание того, что коммунистический тоталитаризм останется до тех пор по существу неуязвим, пока не созреет именно новая всеохватывающая пост-коммунистическая идеология антитоталитаризма.

То, что в наши дни происходит разложение всех до сих пор господствовавших идеологий — несомненный факт, но из этого заключать, что никакая идеология вообще не нужна, значит просто проявлять или поверхность в мышлении, или сознательное нежелание видеть те напряженные идеологические искания, ярче всего проявляющиеся в советском самиздате. Если требование Сахарова о "ликвидации идеологической одержимости" в СССР вполне понятно, то из этого никак не следует, что всякая идеология приводит к одержимости и что против порочной и ложной идеологии можно бороться путем, якобы, отбрасывания всякой идеологии, как это рекомендует, например, Джилас.

Идеология, в энциклопедическом смысле, является определенной, всеохватывающей системой идей в общественном сознании, то есть, как некогда точнее говорили — мировоззрением. Так у нас идет речь о марксистской идеологии, об идеологии классического либерализма, допускающего идейный плюрализм, затем — о солидаризме,

экзистенциализме, структурализме, национал-социализме, сионизме, социализме, можно также говорить об идеологии католицизма, даже о фрейдистском психоанализе как о идеологии, ибо и в нем заметна попытка всеохватывающего объяснения всей человеческой жизни.

Однако, глубинное значение понятия идеологии состоит не в системе определенных идей, а в самом существовании человеческого сознания о жизни, космосе и самом себе, которое человек лишь пытается выразить системой идей, мировоззрением. И вот без этого сознания о себе и мире человек не может жить на земле, и в этом смысле выступления против идеологий со стороны Сахарова и Джиласа являются все же результатом вполне определенного сознания, а значит, в конечном счете, — неуясненной идеологией (наподобие того, как нежелание участвовать в советских "выборах", с ссылкой на отсутствие интереса к политике, является именно политическим актом, нарушающим систему активной несвободы).

Если в условиях активной несвободы "деидеологизация" оправдана как первый (но только как первый!), иногда вызванный исключительно тактическими соображениями, шаг на пути к духовному раскрепощению от пут ложной идеологии, — то в демократическом мире, для приверженцев деидеологизации нет никакого оправдания, и они, вопреки своему желанию, прямо открывают двери марксистской идеологии, так успешно прокорчевывающей себе дорогу на Западе, благодаря своему всеохватывающему "объяснению" всех феноменов и целей жизни.

Против ложной идеологии возможно бороться только идеологией истинной, а не "деидеологизацией", которая логически и эмпирически уводит как раз к нежеланию вообще осознать этот наш мир и этим только поддерживает ложное сознание. Говоря метафорически — вражескую армию можно ослабить проповедью дезертирства, однако одержать победу дано исключительно собственной армии.

В наше время самой насущной нуждой человечества является не разрешение проблемы войны или мира, не недостаток питательных или энергетических веществ, не экологическая проблема, а именно отсутствие нового сознания, то есть новой, всеохватывающей глубинной идеологии, которая привела бы в порядок ту невероятную путаницу в людских мозгах, являющуюся чуть ли не самым основным отличием нынешнего человека от людей всех других эпох. Не говоря уж о пропаганде, не говоря уж о всевозможных, с каждым днем умножающихся, научных открытиях, — в головах наших современников одновременно в полной путанице переплетаются и кибернетика, и телепатия, и генетика, и антропософия, и всевозможные религии, и марксизм, и фрейдизм, и летающие тарелки, и вообще бесконечное множество друг друга часто исключаящих фактов, понятий и систем мышления. Но как из сотни зайцев нельзя составить одного коня,

так из все умножающихся фактов и идей — не составить идеологии. Тут, очевидно, нужен тот крайний накал духовного напряжения, сплавливающий в единый слиток все разношерстные части нынешнего сознания, напряжения, вряд ли зависящего только от человеческой воли.

Непонимание этого, проповедь деидеологизации, само по себе говорит о невероятном падении уровня человеческого духа и мышления, падении, на Востоке вызванном долголетним тоталитарным догматизмом лжеидеологии, а на Западе — практическим материализмом, приведшим к такому идиотизму как уверенность некоторых сторонников деидеологизации, что против псевдодуховности тоталитаризма можно успешно бороться лишь материальными благами "общества потребления". Действительно, прав Сартр, написавший в своей "Критике диалектического разума", что "самой яркой характеристикой нашего времени является тот факт, что история свершается, ничего не зная о себе самой..."

К сожалению, часто даже многие умные и доброжелательные люди не понимают трагизма того факта, что в нашем мире нет новой всеохватывающей антитоталитарной идеологии. Им кажется, как, например, бывшему американскому послу в Москве — Чарльзу Болену, что все прекрасно разрешится, если "Советский Союз станет действовать, как страна, а не как партия". Никогда больше ни одно государство в мире не сможет "действовать как страна". Все ошибки и неудачи в мировой политике самой могущественной демократической страны — США — являются именно результатом попытки "все еще действовать как страна", словами Болена. Мы как раз свидетели бурно происходящей *планетаризации* человечества, и уже нет больше никаких внутренних или внешних вопросов, касающихся исключительно отдельной страны. Двойственность идейных, моральных и всяких других оценок, против чего с такой силою поднял свой голос Солженицын, — как раз и является трагическим отсутствием планетарного сознания.

Напрашивается вопрос — нужна ли, допустима ли полемика между противниками тоталитаризма в вопросах идеологических? Не ослабляет ли она и без того не такие уж густые ряды людей, выступающих с открытым забралом в условиях однопартийной диктатуры? Надо ли было Солженицыну умолчать о том, что он не согласен с идеологическими положениями Сахарова, хотя полностью поддерживает его политически и морально? Должен ли я был воздержаться от критики "теории конвергенции" Сахарова (*Посев*, № 5, 1971) и "теории отчуждения" Джиласа (*Грани*, № 83)?

Мне думается, что если что в настоящий момент совершенно необходимо, то это именно абсолютно открытая, ничего не замазывающая и не замалчивающая полемика, которая единственно и может,

после полувекового вынужденного молчания, создать идейные предпосылки духовного возрождения.

Ну, и кроме этого, такая открытая полемика поможет сторонникам деидеологизации избежать, в конечном счете, комической роли Мольеровского господина Журдена, так поразившегося, узнавши, что он всю жизнь говорил прозой.

1973

II

СВОБОДА И НАЦИОНАЛИЗМ

Россия, Запад, Демократия, Авторитарность, Христианство

РОССИЯ И КОММУНИЗМ

Это не исторический обзор, а просто попытка анализа странного факта: большое число бывших коммунистов, после разочарования в коммунистической утопии, начинает ненавидеть именно национальную и историческую Россию, а не коммунистический миф. Именно бывшие коммунисты.

Василий Гроссман в романе "Все течет", получившем широкий читательский отклик благодаря радикальной критике Ленина, прямо утверждает, что в России, в отличие от Запада, всегда общественный прогресс сопровождался усилением рабства. "Развитие Запада, — пишет он, — оплодотворялось ростом свободы, а развитие России оплодотворялось ростом рабства... Тысячелетней цепью были прикованны друг к другу русский прогресс и русское рабство..." После Октябрьской революции "...русское рабство выйдет за пределы России и станет факелом, освящающим новые пути человечества... Ленинский синтез несвободы с социализмом ошеломил мир больше, чем открытие внутриатомной энергии... Тысячелетний русский закон развития... стал законом всемирным..."¹

Востоногерманский парттеоретик Вольфганг Гарих пишет, что "формы, которые принял социализм в Советском Союзе, обусловлены исторически. Помимо русской отсталости и отсутствия демократических традиций..."² Ему вторит Аркадий Белинков в своей вызвавшей столько шума статье "Страна рабов, страна господ": "А в этой стране, которая никогда не узнала, что такое свобода, и которой свобода никогда не была нужна... Главной задачей русской истории всегда были попытки задушить свободу,.. и русская интеллигенция всегда охотно этому помогала... В такой стране, как Россия, где образованное общество и народ испорчены и развращены потомственным рабством и рабовладением, страхом, национальной традицией и исторической наследственностью, свобода никогда не была нужна..."³

Даже Милован Джилас, наиболее значительный из всех бывших коммунистов, в книге "Разговоры со Сталиным" склоняется к перебрасыванию грехов сталинизма на плечи "исторического русского империализма и шовинизма". Почти что единственным исключением являются высказывания польского философа Лешека Колаковского: "Худшая услуга, которую можно оказать делу польской независимости

и демократии, — это упрочение в обществе традиционных, националистических антирусских штампов. Русский народ, переживший страшнейшую геену в современной истории, все еще используется в качестве инструмента имперской политики своих правителей. Но он сам — жертва этой политики больше, чем какой-либо другой народ... Те, кто вместо развития знания и понимания подлинной русской национальной культуры удовлетворяются упрочением антирусских штампов, помимо воли помогают власти, поработившей оба народа.”⁴

Тенденция очернения исторической России видна не только у бывших коммунистов, но процветает и в коммунистических странах независимых от Советского Союза. В Китае, где на все лады повторяют штампы об империалистической политике “московских царей”, нашедшей свое продолжение в советском руководстве, якобы изменившем идеалам коммунизма. В Югославии, в которой роман “Все течет” Гроссмана в прошлом году напечатан и не запрещен, однако очень мало надежды на то, что когда-либо будут напечатаны книги Надежды Мандельштам, вскрывающие духовную основу всякого коммунизма.

Очень интересно отметить тот факт, что всех обвиняющих историческую Россию в грехах комдиктатуры, как бы они ни отличались друг от друга в своих нынешних идеологических и политических позициях, объединяет одно: атеизм. Они все атеисты, как и Маркс, тоже люто ненавидевший Россию.

Так где же, в сущности, корни полувекового мракобесия комдиктатуры: в сугубо западной теории марксизма и “диктатуры пролетариата” на пути к “царству свободы” или в “полуазиатской”, имперской, религиозной традиции России? Что национальная Россия — палач или жертва?

От ответа на этот вопрос зависит очень и очень многое, как например — убедительность настойчивых уверений западноевропейских коммунистов, что в Европе, в их странах, коммунизм будет выглядеть совсем иначе, чем в “азиатской России”. Правда, пока что доказательств для этого нет. Все “несоветские” коммунизмы чрезвычайно мало отличаются от советского, да и находятся главным образом вне Европы, в таких странах как Куба или Китай. Независимую от Кремля Албанию, да полузависимую Румынию, хотя они и в Европе, как пример взять нельзя, — в них-то, в некоторых отношениях, комдиктатура перешагнула даже советскую. Остается Югославия, но тут, хотя бы до поры до времени, очевидно дело идет об отказе от руководящей роли “авангарда рабочего класса” в таких сферах как промышленность (в Югославии свободный рынок) и культура (нет соцреализма). Однако, злые языки говорят, что именно отступление от марксизма-ленинизма, во всяком случае от ленинизма, то есть отсутствие монопольного руководства партии в этих сферах,

сделало Югославию наиболее свободной и богатой страной в коммунистическом стане. Но, судя по нынешним событиям, это дело поправимое.

Ясно одно: если "неудача" построения коммунистического общества произошла благодаря историческим особенностям и отсталости России, то тогда Маркс в основном прав, борьба за "диктатуру пролетариата" в западных и незападных странах имеет полный смысл и может продолжаться, вера в "царство свободы", вопреки примеру Советского Союза, остается непоколебленной. Приблизительно так и думают всевозможные "левые" и "новые левые".

Если же Россия в начале столетия, до Февральской революции и до захвата власти большевиками в Октябре 1917-го, не была такой отсталой азиатской страной, а выглядела так, как ее описывает английский историк Тибор Самуэли:

"Самые самодержавные цари были мягкими и благосклонными правителями, по сравнению с их коммунистическими преемниками. Мало кто за границей знает о степени свободы в царской России в начале нашего столетия. Цензура была уничтожена и была полная свобода печати; даже большевистские издания издавались без ограничения. В России была также полная свобода в отношении выезда за границу, были независимые профсоюзы, независимый суд, суд присяжных и передовая система социального законодательства. Был парламент, Дума, с представителями партий всех оттенков, включая и большевиков. В наше время дореволюционную Россию можно рассматривать как модель демократии и, по сравнению с 126-ю странами-членами ООН, как одну из пятнадцати-двадцати наиболее либеральных стран мира".⁵

— то тогда, конечно, в существовании такого нечеловеческого строя как советский виноват и марксизм-ленинизм, а не одна лишь историческая традиция России, — и борьба компартий за власть во всем мире ведет прямо в тоталитарный ад.

Достаточно всмотреться в картину русской жизни прошлого столетия, которую показывает классическая русская литература, и сравнить с духом, которым дышит правоверная советская литература, для того чтобы понять, где корень рабства — только ли в России или и в европейском марксизме тоже. Ведь синтез социализма и рабства уже у Маркса осуществлен в идее диктатуры "пролетариата". Ленин только практически усовершенствовал идею, с чисто русской глубиной веры, но веры именно в Марксову идею.

Вопрос можно поставить только о том — почему именно в России впервые победил коммунизм? Из-за традиционных русских мессианских чаяний Москвы как Третьего Рима и врожденной религиозности русского народа? Несомненно, что мессианская сторона коммунизма (именно в "диктатуре пролетариата" получившая крайне

империалистический характер) очень близка русской душе. Однако, мессианизм сам по себе никак не связан с *насильственным* устройством "рая земного".

Если же считать сильную религиозную напряженность русского народа — отсталостью и недостатком (как это сплошь да рядом делают разочаровавшиеся коммунисты), то надо сказать, что как раз эта мощная религиозность помогла так рано и до конца выявить порочность *веры* в коммунистическую утопию. Конечно, у менее религиозного народа не так быстро сказался бы истинный дух марксизма. Но от этого — марксизм не стал бы менее порочен, и обвинять не марксизм, а русский народ в напряженности веры в него — крайне нелепо.

Думается, что именно в неизжитой до конца вере в коммунистическую утопию кроется причина антирусских настроений у бывших коммунистов, не говоря уж об активных нерусских коммунистах. Поэтому и — атеизм, так как в мире, по существу, только две веры: вера в Бога, Творца жизни и Вселенной, сотворившего наши души бессмертными и поэтому свободными, — и вера в возможность устройства рая на земле исключительно людскими силами и разумением, а это значит — насилеием, что, конечно, немислимо, если есть Бог и душа человеческая создана бессмертной и свободной.

Вот потому-то неминуемой предпосылкой борьбы со всяким коммунистическим и некоммунистическим тоталитаризмом является критика атеизма.

1973

1. В. Гроссман, "Все течет", изд. "Посев", 1970, стр. 178-181.
2. "Горькая жатва". Сборник, изд. "Прегер", Нью-Йорк, 1961, стр. 325.
3. "Новый колокол", Лондон, 1972, стр. 348, 355, 358.
4. "Культура", польско-русский журнал, № 2, Париж, 1972, стр. 56-57.
5. Послесловие Т. Самуэли к книге "Half Marx" by Tufon Beamish, London, 1970.

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ЦАРСТВА ЛЖИ

Появившаяся в прошлом году в издательстве "Посев" книга Романа Редлиха "Сталинщина как духовный феномен", по моему мнению, сама по себе является духовным феноменом огромного значения, и отсутствие многочисленных откликов и комментариев, которых нужно было бы ожидать не только в русской свободной прессе, — для меня загадочно, и вряд ли это можно объяснить только тем фактом, что книга переиздается во второй или даже в третий раз (если считать ротаторные издания 1949-52 годов).

Ведь именно теперь, после прочтения Солженицына и Синявского, Гроссмана и Надежды Мандельштам, Амальрика и Померанца только и можно понять всю глубину замечательного анализа духовных основ и всего сложного механизма советского общества. Поразительно то, что книга, являющаяся в прямом смысле слова научно-теоретическим комментарием к произведениям упомянутых русских авторов, написана задолго до появления этих произведений, дающих эмпирическое подтверждение правильности методологических предпосылок автора "Сталинщины как духовного феномена".

На Западе, конечно, эту книгу многие не поймут или не захотят понять по тем же самым причинам, по которым в Советском Союзе, как это с настоящим духовным ясновиденьем показывает Редлих, многие и многие предпочитают не познавать до конца истинную природу коммунистической власти, не из страха перед "органами", а из страха перед тем путем, на который ведет такое познание. И все-таки, потенциальные читатели "Сталинщины" находятся на Востоке, и у меня нет никакого сомнения в том, что эта книга в будущем будет до конца оценена и понята именно там. Лучшей и более серьезной теоретической книги о советском обществе и вообще о коммунизме во всех его формах я не знаю, и я глубоко уверен в том, что эта книга со временем станет необходимым учебным пособием для всех желающих понять — что, как и почему происходит во всех тех частях нашей планеты, в которых держит монопольную власть коммунистическая партия.

Уже Бердяев в своей статье "Духи русской революции" писал, что "...они (большевики — М. М.) оперируют с фикциями, а не реальностями, они превращают в фикцию всю хозяйственно-экономическую жизнь России", и вот самая ценная и оригинальная, фундаментальная идея Редлиха заключается не только в том, что он показал,

что различие между миром советской действительности и его официальным описанием со стороны коммунистов является необходимой методологической предпосылкой всякого изучения советского общества, но также, что *анализ взаимоотношения* действительности и официальных фикций дает *ключ к пониманию* механизма власти КПСС во всех сферах духовной жизни советского общества. Анализ этого механизма власти, а также отношение этой власти к ценностям, которым она служит, и составляет основное содержание книги, а новые термины, которые Редлих вводит в социологическую науку, занимающуюся исследованием несомненно своеобразной и качественно новой исторической среды, какой является советское общество, — как например, "активная несвобода", "фикционализм", "экзотерическое и эзотерическое содержание коммунизма", "сознательность" и прочие, — в будущем будут незаменимы во всякой серьезной научной работе о тоталитарных обществах коммунистического типа.

Утверждение, что коммунизм это псевдорелигия, не ново: также не ново познание того, что идея "царства свободы и справедливости" является только средством для утверждения коммунистической монополии, или, по словам Орвелла, — "не диктатура вводится для защиты революции, а революции совершаются для того, чтобы ввести диктатуру" (роман "1984"), — новое в книге Редлиха это показ того, что, во-первых, внутреннее, эзотерическое содержание коммунизма *теоретически невыразимо*, оно есть *воля к власти как таковая* (что еще не осознавалось первым поколением большевиков), и поэтому необходимо нуждается в мифах и фикциях, и во-вторых, что эти мифы и фикции сами по себе являются орудием властвования даже тогда, когда в них подвластные перестают верить.

Воля к тотальной власти над миром всегда предполагает существование только и исключительно этого видимого мира, поэтому, при всем мифотворчестве о будущем коммунизме и "царстве свободы", коммунизм не становится религией, а всегда остается псевдорелигиозным, или, как Бердяев говорил, — лжерелигиозным. В этом и есть корень необходимой двойственности и лжи коммунизма.

Так как воля к абсолютной власти является основным внутренним двигателем коммунизма, и так как над духовным миром власть невозможна, то коммунизм напрягает все усилия к тому, чтобы уничтожить духовную жизнь, подменить ее фикциями, которые ему подвластны, и которые сами служат орудием порабощения. Так, например, подменяется вся история — фиктивной историей. Истинная история этим путем, конечно, не упраздняется, ибо человек не властен над уже происшедшим, но фиктивная история отлично служит делу духовного порабощения. Так, во всех сферах духовной жизни, все силы коммунистического фикционализма направлены не на то, чтобы заставить людей думать по-коммунистически, а на то, чтобы заставить

вообще не думать. Если все рабские общества в истории ограничивали свободу людей, то советское общество первое в истории, в изучении которого необходимо принять термин Редлиха — "активная несвобода", ибо это общество требует не только повиновения, но и активного участия во лжи и фикционализме со стороны своих подневольных. "Активная несвобода", пишет Редлих, это "такое состояние, при котором мысли, желания и чувства человека перестают играть какую бы то ни было роль в его поведении".

Вся система духовного фикционализма ярко сказывается на русском языке. "Обвинять сталинизм в том, что он засорил или изуродовал русский язык, — говорит Редлих, — то же, что плакать по прекрасным волосам отрубленной головы. Сталинизм не уродует и не засоряет язык — он его губит... В семантической структуре созданных или (что чаще) переосмысленных слов появляется совершенно новая функция, отсутствующая в словах небольшевистских. Назовем эту функцию фикционалистической". Задача такого умерщвления языка такая же, как и задача положительных и отрицательных мифов и фикций, она состоит в "опустошении понятий, означающих противоречащие идее активной несвободы положительные идеалы, превращение таких понятий как свобода, счастье, гуманность, демократия в понятия фиктивные, ибо таким способом ликвидируется самая возможность называть происходящее в СССР своими именами".

Глава книги о психологии подсоветского человека, о его двойственности и "тайном ярусе сознания" несомненно вызовет к жизни целую новую область психологии — психологии человека тоталитарного общества, имеющую очень мало общего с психоанализом Фрейда, Адлера, Юнга. Замечательным прозрением является показ в книге того, что скептицизм в советском человеке, это — переодетая вера, а цинизм — переодетая совесть. И хотя Редлих пишет, что вся история советской власти, это история борьбы народа с партией, тем не менее он отдает себе отчет в том, что большевизм перекликается с исконной русской идеей "служения" надличному, и что именно поэтому болезнь коммунистического тоталитаризма в России настолько трагична и длительна.

Только глубокая любовь к России, а поэтому и ненависть к коммунизму дали автору книги духовное зрение и, в то же время, крайний реализм и научную объективность, заставляющую Редлиха признать то, что освобождение от болезни тоталитаризма не может произойти в поверхностной политической плоскости, что оно не только внешне, социально, а что наоборот, требует внутреннего подвига и покаяния страха, живущего в душе каждого советского человека и сознательно насаждаемого властью. Для всех нас, верящих в будущую победу над злом тоталитарного порабощения, аксиомой должны стать следующие слова книги "Сталинизма как духовный феномен":

”Тайный ярус души советского человека — резервуар скрытых сил огромного напряжения. Развязать эти силы — значит нанести сталинизму смертельный удар. Но силы эти по существу своему не разрушительны, а созидательны. Эту особенность современной русской души необходимо учесть всякому стороннику свободы. Развязать эти силы — значит освободить тем самым величайшие творческие возможности, создать условия для раскрытия новой душевно-духовной структуры человеческой личности. Освобождение от ига активной несвободы есть освобождение не ветхого человека отживающей эры, а человека нового, человека, прошедшего через духовно трагическое испытание сталинщиной и выдержавшего это страшнейшее из испытаний”.

1972

ДОРОГА В ТУПИК

Весьма распространено мнение, особенно на Западе, что рост национальных движений в тоталитарных странах — только первый этап на пути к демократизации и окончательному выздоровлению общества от раковой опухоли тоталитаризма.

На первый взгляд, так оно и выходит. На это указывают примеры Польши и Венгрии в 1956 г., Чехословакии в 1968 г. Несомненно, что национальные коммунистические партии, ведущие борьбу за собственную независимость, сразу же получают поддержку со стороны всех национальных демократических сил. Словом, таким путем единство тоталитарного лагеря разрушается, а граждане стран, в которых победил так называемый национальный коммунизм, получают несколько больше прав и свобод. Следовательно, рост национальных движений в тоталитарных странах, а особенно в СССР, можно только приветствовать.

Вот это именно мнение я считаю глубоко ошибочным и ложным. Видеть в возрождении национализма силу, противостоящую тоталитаризму, — значит не понимать, где корни буйно расцветших тоталитарных диктатур нашего столетия.

Конечно, борьба за национальную независимость, как и всякая борьба за свободу, вызывает сочувствие, а часто и восхищение. Однако я решаюсь высказать мысль, которая может показаться "еретической" всем противникам тоталитаризма: интернационализм был, есть и будет наибольшей идейной силой коммунизма, и до тех пор, пока идее тоталитарного интернационализма не будет противостоять идея интернационализма антитоталитарного, коммунистической религии — религии истинной, до тех пор доминирующий ныне тоталитаризм *непобедим*. Никакие национальные движения не подорвут его основ, а лишь будут изменять его форму.

"Для того, чтобы победить ложь коммунизма, нужно признать его правду", — писал почти век назад Владимир Соловьев. А правда коммунизма — не только в требованиях социально-экономической справедливости, но и в интернационализме. Конечно, можно указывать на то, что на деле никогда никакого интернационализма в коммунистических странах и не было, однако это возражение не по существу, так как оно не затрагивает самой идеи "пролетарского интернационализма".

Распад на национальные коммунистические движения не является выздоровлением тоталитарных стран, а лишь дальнейшей стадией болезни. Национальный коммунизм может быть несравненно более нетерпим по отношению к демократии, более крепок и мрачен, а заигрывание с демократией в процессе борьбы за независимость от единого центра, быстро сводится на нет. И большой вопрос состоит в том — где легче мыслится будущее выздоровление общества, в зависимых или в независимых тоталитарных странах. Всем тем, кто питает радужные надежды на национальное возрождение, неплохо напомнить о существовании народов до крайности национально независимых, и все-таки яро тоталитарных, какими были — немецкий народ во время Гитлера, итальянский при Муссолини и т. д. А ведь и Китай ныне тоже независим.

Анализируя чаяния национальных сил, в критические моменты борьбы за независимость "своих" коммунистических партий, в Польше, Венгрии, Чехословакии, мы всюду находим требования классических демократических свобод: свободы слова, печати, религии, политических организаций и забастовок. Во всех этих требованиях нету ничего исключительно национального — польского, венгерского, чешского, а требование национальной независимости каждой из этих стран, выдвигается как необходимое *условие* для осуществления упомянутых демократических свобод. Чаемые же свободы, демократические права, за которые идет борьба, — не национальны, а именно *интернациональны*. Вот в этом и заключается основная трагедия и противоречивость всех национальных движений. И истинное демократическое движение в тоталитарных странах, в зависимых или независимых, может быть только интернациональным.

Правда интернационализма в том, что существуют духовные реальности более значительные и глубокие, чем реальности национальные. Ложь только в том, что эти реальности суть классовые. Дезинтеграция интернационального коммунистического движения показывает, что коммунистический интернационализм был построен не на основных, а на второстепенных реальностях. Возрождение национализма, которое наблюдается ныне в коммунистическом мире, по существу — шаг назад, *на исходные позиции*. Проблемы, вызвавшие мощные тоталитарные движения нашего века, и впредь остаются неразрешенными. И все до тех пор, пока не появится идейная сила, открывающая дорогу истинному, а не ложному интернационализму — так называемый "пролетарский интернационализм" будет непобедим, даже в том случае, если все тоталитарные страны станут независимыми от какого-либо единого центра.

Людей связывает воедино не случайность происхождений, а общность поставленных задач и стремлений. Я уверен, что можно было наблюдать именно становление *коммунистической нации*,

формирование даже физических черт лица у партийцев, вне зависимости от их национальности. Хотя этот процесс далеко еще не изжит, но он очень подорван Двадцатым съездом КПСС. В отличие от французского мыслителя Тейяра де Шардена, считающего, что в настоящий момент человечество можно разделить на людей верующих в прогресс и не верующих в него, мне кажется, что самый глубокий раздел наблюдается между людьми, верующими в силу, и людьми, верующими в свободу. Верующими в диктатуру, и верующими в демократию и правопорядок. Первые — атеисты, а вторые — люди религиозные, вне зависимости от того, сознают ли они это или нет, и кем сами себя считают.

Коммунисты — люди, верующие в силу и стремящиеся к одному — к абсолютной власти, и как бы они национально ни окрашивались, они не станут от этого демократами. Вера в диктатуру и стремление к власти тоже ведь не национальны! И различия между верующими в силу и верующими в свободу значительно больше, чем какие-либо национальные особенности. Мне кажется, что в скором времени можно будет наблюдать, как тоталитарные партии будут натравливать национальные движения "своих" стран одно против другого с целью пресечь возможности интернационального объединения демократических сил всех тоталитарных стран. И до тех пор, пока не будет существовать более мощная идея *истинного интернационализма*, вытекающая исключительно из религиозного возрождения, — тоталитаризм не смогут победить никакие *национальные* возрождения.

МИФ О САМОУПРАВЛЕНИИ

В связи с окончательно выявившейся неудачей и провалом идеи о построении гуманного общества в странах однопартийного, тоталитарного социализма, все чаще в социалистических движениях на Западе, а нередко и в либеральных марксистских кругах в Восточной Европе, выдвигается как нечто новое и лечащее все недуги современного общественного развития — идея самоуправления трудящихся на всех уровнях общественной жизни. Студенческое движение во Франции в 1968-ом году подняло идею самоуправления во главу своих требований, социалистическая партия Франции недавно в свою программу ввела идею о полном самоуправлении, югославские марксисты ставят краеугольным камнем развития социализма — самоуправление.

Поскольку самоуправление мыслится в плане общечеловеческом, то конечно идеалом всякого гуманного, а тем более христианского общества, является возможность для каждого человека самому управлять своей жизнью, а не быть рабом какой-нибудь диктатуры или бюрократии. Однако то понятие самоуправления, которое и на Востоке и на Западе все чаще выдвигается социальными реформаторами в виде идеала общественного развития, подразумевает нечто другое, а именно — беспартийную систему самоуправления в экономической и политической жизни, воссоединение функции труда и управления, и, в конечном счете, — отмирание государства. Истоки этого идеала можно найти у Маркса, который писал, что "коммуна должна быть не парламентарной, а работающей корпорацией, в одно и то же время и законодательствующей, и исполняющей законы", и у Ленина, считавшего, что "при социализме все будут управлять по очереди и быстро привыкнут к тому, чтобы никто не управлял". Таким образом, сама идея о самоуправлении полностью вытекает из основных предпосылок марксизма, утверждающих, что общественные классы, основанные на частной собственности на средства производства, явились результатом разделения труда, и уничтожение частной собственности, якобы, откроет двери "бесклассовому обществу", в котором не будет разделения труда, а это, со своей стороны, поведет к "отмиранию государства", которое, по Марксу, есть исключительно инструмент одного класса для подавления другого. Трудящиеся, которые в таком случае являются в то же время и собствен-

никами средств производства, на которых они работают, сами управляют заводами, планом, прибылью, капиталовложениями, и так как больше нет никакого эксплуататорского класса, то отпадает потребность в государстве и организованной политической жизни, потребность партий, выборов и парламента по той причине, что партии являются выразителями классовых интересов, а никаких классов больше не будет. Вот это и есть идеал самоуправления, который противоплагается, с одной стороны, власти капиталистических классов на Западе, и с другой стороны — власти монопольной партии, "коллективного капиталиста" на Востоке.

Однако, именно этот идеал общества всеобщего самоуправления является полностью *утопическим* и открывает дорогу всевозможным демагогическим и тоталитарным движениям, хотя как боевой лозунг может, особенно в социалистических странах, принести некоторую пользу в борьбе за ограничение умертвляющей власти монопольной партии.

Необходимо выступить с критикой идеи самоуправления, тем более, что, хотя плачевные результаты и отрицательные стороны однопартийного социализма хорошо известны, к сожалению, мало известны отрицательные результаты и проблемы, возникающие в "самоуправленческом социализме", которые оказываются не легче, а часто даже труднее разрешимы, чем в других общественных системах.

Почти двадцатилетний опыт югославского "самоуправленческого" социализма дает возможность оценки самоуправления, и хотя этот опыт был неполным в связи с тем, что самоуправление не охватило все сферы общественной жизни, так как монопольная коммунистическая партия держала в своих руках партийный и государственный аппарат и средства информации, но все-таки во многих отраслях промышленности, в очень обширных сферах культурной жизни, почти во всех научно-исследовательских институтах, даже в банках, — самоуправление трудящихся, они же и собственники средств производства, на которых работают, полностью соответствовало идеалам социализма по Марксу и Ленину.

Коллективы трудящихся сами выбирают управленческий аппарат на заводах и предприятиях, выбирают рабочие советы, контролирующие этот управленческий аппарат и принимающие наиболее важные решения относительно вопросов производства, плана и заработной платы. Никакого централизованного плана в Югославии нет, а существует свободный рынок, на котором конкурируют производители — коллективные собственники. Казалось бы — идеал общественного устройства, конечно, в тех сферах, в которые не вмешивается партия.

Однако это не так. На всех заводах и предприятиях, кроме разве уж совсем маленьких — в несколько человек, с невероятной

быстротой создались группы и клики, враждующие между собой за власть в правлении, за главенство в рабочих советах и за большинство голосов в коллективе. При том нужно подчеркнуть, что далеко не всегда в этих внутриколлективных междуусобицах брали верх самые умные и дальнзоркие руководители производства, чаще как раз наоборот, а самым способным специалистам приходилось убраться по добру по здорову из "своего собственного" предприятия.

Наивное предположение о том, что самоуправление коллективных собственников-трудящихся устраняет возможность доминирования одной группы общества над другой, — полностью опровергнуто практикой самоуправления в Югославии. Демагогия, коррупция, дезинформация, моральный террор возможны ведь не только на уровне государства, но и на каждом заводе, в среде его "собственников", тем более в положении, в котором от правильного или неправильного решения зависит не только прибыль всего предприятия, но часто и его будущее. Если бы была правильной основная предпосылка идеи о самоуправлении, — то неспособные руководители сами бы уступали место в управлении заводом более способным людям — ведь это сулило бы коллективу большие выгоды, а значит и тому, менее талантливому. Однако практика показывает, что такие случаи чрезвычайно редки и что очень часто бездарное руководство приводило предприятие к границе банкротства, в то же время все силы прилагая к ликвидации возможной конкуренции за руководящие посты на уровне своего завода. Коллективы трудящихся и рабочие советы такому положению дел мало могли препятствовать по той причине, что для оценки правильности или неправильности принимаемых решений необходима специализация, потребность в которой все возрастает поскольку возрастает уровень, на котором решение принимается.

Индустриальная культура, в которой мы живем, сама по себе, и вне зависимости от разных систем собственности на средства производства, требует специализированных руководителей, которыми ни в коем случае не могут быть коллективы или рабочие советы, в лучшем случае играющие роль контрольного органа или законодательного парламента. Роль руководителей производственных и других общественных организмов не может быть исполнена никакими самоуправлениями, и эта роль всегда будет требовать людей, имеющих врожденный талант к руководству, или просто любителей власти как таковой, даже если положение руководителя не будет сопряжено с какими-либо материальными выгодами. Там, где кого-либо выбирают — руководителя ли правления отдельного завода, председателя рабочего совета или главу государства, выбирают по-настоящему, а не по-коммунистически, — там ведь сразу же появляются и разные мнения и группировки единомышленников, а это значит —

партии. Чем крупнее, чем сложнее общественный организм, будь то завод, железнодорожный транспорт или государство — тем необходимее разделение труда и управления, или, при нынешнем уровне техники в самых передовых странах, разделение разных видов управления. И основной предпосылкой здорового общества является демократическая организация политической жизни, свобода партий, профсоюзов и "классического" парламента, вне зависимости от системы собственности на средства производства. Раз в процессе самоуправления даже небольшим заводом сразу же зарождаются группы, партии, лидеры, то на уровне государства и подавно. А для правового демократического строя, являющегося единственной защитой от того, что руководство заводом, железнодорожным транспортом или торговлей на длительное время захватит группа, не соблюдающая жизненные интересы общественного организма, которым руководит, — необходимо именно государство, и говорить об "отмирании государства", об обществе, в котором все и во всякое время будут принимать решения, обществе самоуправления на всех уровнях, в котором функции труда и владения-управления воссоединятся, — это значит сознательно или бессознательно вводить себя или других в обман.

Вот какую картину представляет из себя в наше время самоуправление в Югославии: в связи с тем, что все предприятия являются собственностью трудящихся, работающих на них и распоряжающихся "прибавочной стоимостью" по своему усмотрению, и что никакого строгого центрального планового управления нет, а существует свободный рынок, то оказалось, что на свободном рынке коллективы собственников-трудящихся ведут себя так же, как и всякое капиталистическое предприятие, и что все язвы *раннего* капитализма (невероятные прибыли некоторых предприятий за счет потребителя, нелояльная конкуренция, тайные тресты и монополии, повышающие цены товаров, коррупция, безработица, обнищание производственных предприятий и подпадание их под власть банков — тоже коллективных собственников) — расцвели в полную силу.

Особенно большое негодование трудящихся вызывает огромная разница в оплате за одинаковый труд на разных предприятиях, что, конечно, не может быть урегулировано никаким решением рабочих советов, по той причине, что прибыль предприятий зависит не только от производительности, но и от рынка, у которого, как известно, свои законы, неподвластные решениям рабочих коллективов. Научная и гуманистическая интеллигенция возмущена сокращениями всевозможных фондов в связи с ограничением функции государства, финансирующего деятельность научных и культурных учреждений, в то время как "коллективные собственники" не особенно заинтересованы такой деятельностью, а частных капиталистических

меценатов нет. Я повторяю, все это происходит в сферах, в самоуправление которых монополия не вмешивалась. Там, где она вмешивалась, результат не был много лучше, но он был другого рода — такой же, как и в СССР.

В курьезном положении находятся крестьяне в связи с тем, что земледелие по преимуществу частнособственническое. Им, хотя они то и есть в полном смысле слова единственные труженики, полностью сами собой управляющие, не дан статус "самоуправляющихся трудящихся", они суть остатки капитализма.

Однопартийное или "самоуправленческое" *беспартийное* (это излюбленный термин югославских марксистов) общество, — это большое общество, хотя, конечно, преимущества югославского социализма перед советским бесспорны, в силу того, что самоуправление в производстве, экономическом обмене и культуре все-таки ограничило роль партии и тем самым способствовало некоей нормализации жизни общества, хотя самоуправление поставило новые проблемы, решение которых возможно лишь *в правовом демократическом многопартийном строе*, а возможность которого ни в коей мере не зависит от формальной собственности на средства производства. Развитие производительных сил, новейшая индустриализация, отодвигают на второй план вопросы собственности, а на первом плане появляются вопросы политической власти. Поэтому возможность демократического, многопартийного социализма, или смешанного, в смысле частной собственности, общества является важнейшим вопросом наших дней, и попытка разрешить этот вопрос в плане самоуправления, попытка у югославских марксистов иногда почти искренняя, не приводит ни к чему. Самоуправление может быть только вспомогательным механизмом в маленьких производственных объединениях, или в микро-коллективах больших производственных организмов, влияние же на управление чуть-чуть бóльших объединений трудящихся, они же в социалистическом хозяйстве — собственники, можно, в силу нашей индустриальной культуры, осуществить исключительно путем организованных и независимых партий, выборов и парламента, а это значит, в здоровом, не однопартийном государстве.

СОЛЖЕНИЦЫН И ЮГОСЛАВИЯ

Недавно западные газеты сообщили, что "Архипелаг ГУЛар" будет переведен и напечатан в Югославии.

Всех, знакомых с нынешним политическим положением в десятилетиями самой либеральной коммунистической стране, это сообщение не могло не обрадовать, и в то же время оно должно было вызвать глубокие сомнения. И правда, через неделю после сообщения западной прессы, в загребском еженедельнике "Весник в среду" ¹ появилась статья, поясняющая, что сообщение западных журналистов неверно, что два югославских издательских предприятия действительно запросили "опцион" и экземпляр книги, однако это ни в коем случае не значит, что книга будет напечатана, так как до этого она должна получить положительную оценку с идеологической и художественной точки зрения.

Однако сам тон статьи и вся атмосфера последнего времени культурной жизни Югославии, с началом сего года находящейся под знаком пятидесятилетия со дня смерти Ленина, с бесчисленными выставками, торжественными собраниями, лекциями, фильмами, театральными и телевизионными вечерами, посвященными "величайшему гуманисту человечества", — не оставляют никакого сомнения, что "Архипелаг ГУЛар" не вызовет идеологических восторгов у власть имущих.

И в то же время, нельзя с полной уверенностью сказать, что книга не будет напечатана.

Солженицын в Югославии — тема чрезвычайно интересная, и заслуживающая серьезных раздумий. Югославия — страна коммунистическая, однопартийная монополия в ней по существу не так уж отличается от советской. Однако, в Югославии до сих пор напечатаны все произведения Солженицына. Но одновременно малейшая критика югославских порядков, малейшая попытка осветить новейшую югославскую историю с той самой точки зрения, с которой в отношении к послеоктябрьской России это делает Солженицын, — занятие не менее опасное, чем в СССР.

Самое парадоксальное это то, что публикация произведений Солженицына не только не свидетельствует о демократии в Югославии, но в некотором, совершенно определенном смысле, помогает поддержанию однопартийной коммунистической диктатуры и

подавление инакомыслия. Понять этот парадокс, значит понять современную Югославию, значит понять тот факт, что совершенно все равно, во имя каких идеалов оправдывается и проводится диктатура. Однопартийная диктатура есть однопартийная диктатура, даже когда она антисталинская.

Пример югославского антисталинского коммунизма не мог не привлечь внимания Солженицына. В романе "В круге первом" о Тито и Югославии все время думает Сталин, рабочим контролем на предприятиях втайне восторгается старый большевик серб Радович, о "полуфашистском режиме в Югославии" ² вещает прокурор Макарыгин. Замечательно описание того, как Иосифу Сталину отравило семидесятилетний юбилей постоянно мучавшее его воспоминание о Иосифе Тито:

"...Иосиф споткнулся на Иосифе.

Ничуть не мешал Сталину доживающий где-то Керенский. Пусть бы из гроба вернулся и Николай Второй или Колчак — против всех них Сталин не имел личного зла: открытые враги, они не изворачивались предлагать какой-то свой, новый, лучший социализм.

Лучший социализм!.. И н а ч е , чем у Сталина! Сопляк! Да кто ж бы мог построить социализм б е з Сталина?!.....

...Давно заснули все, кто спорили, кто упоминался в старых примечаниях, все, кто думал и н а ч е строить социализм. И вот, когда даже в шелесте тайги уже не слышать ни критики, ни сомнения — выползает Иосиф Тито со своим начетчиком Карделем и говорит, что что-то надо было делать н е т а к !...

...Так отнимает у него Тито последнее спокойствие, последний аппетит, последний сон". ³

Заманчивость и популярность более либерального коммунизма Тито годами была величайшим соблазном для всех восточноевропейских "ревизионистов" и советских сателлитов. Запад учитывал этот факт и на многое в Югославии закрывал глаза, так что парадоксальным образом, о грехах "югославского варианта" долгое время можно было узнать главным образом из сталинской прессы, которой, конечно, никто не верил. И лишь после 1955-го года и признания Хрущевым правоты Тито, да после падения и заключения в тюрьму Джиласа, — положение нормализовалось: советская пресса избегала критиковать Югославию, западная — печатала югославских инакомыслящих.

А ведь история коммунистической Югославии в сжатом виде повторила всю историю СССР и теперь, в историческом смысле, опережает на одно десятилетие развитие советского коммунизма, почему происходящее ныне в Югославии и вызывает такой интерес у всех наблюдателей коммунистического мира. Если не брать в расчет местные, специфические условия и только грубо схематически обрисовать

развитие югославского коммунизма, то время Второй мировой войны и послевоенный период до ссоры со Сталиным в 1948-ом году, — это югославская революция, гражданская война и военный коммунизм. То, что в глазах внешнего мира выглядело величайшей борьбой со Сталиным за самостоятельность, в то же время внутри страны явилось полной исторической параллелью с годами коллективизации и "ежовщины" в СССР.

И в самом деле, после 1948-го года началась насильственная коллективизация сельского хозяйства, правда, от которой партия отступила после нескольких лет, однако земледелие было разрушено на многие десятилетия, и все еще не восстановлено полностью. Лишь после столкновения со Сталиным, и в кровавой борьбе со сталинистами, окончательно формировалась титовская коммунистическая партия, так же, как сталинская родилась в борьбе с внутрипартийными оппозициями. Причем, надо подчеркнуть, что югославские "сталинцы" имеют мало общего с советскими. В Югославии Сталин не был всемогущим генсеком, им был Тито, а Сталин в глазах югославских фанатиков революции был далеким мифическим существом, каким являлся Ленин для антисталинской партийной оппозиции. Если учесть и то, что борьба с югославскими "сталинцами" велась типично сталинским способом (волны арестов, самооплевывание раскаивающихся, террор, провокации, доносы, лагеря и т. д.), — то тогда нетрудно понять, что югославские сталинцы, это по существу те же советские троцкисты и всевозможные партийные оппозиционеры.

Из этого заключать, что титоизм является просто югославским сталинизмом, как некоторые делают, по-моему, неправильно.

Находясь между двумя мирами — западным демократическим и восточным тоталитарным, югославская компартия вынуждена была искать какой-то собственный новый путь, причем прагматически шла на всевозможные новшества и либерализации во всех сферах жизни общества, в хозяйственной, культурной, идеологической, правовой и так далее, — причем единственным и неизменным, не подлежащим никакому сомнению условием и постоянной ее целью оставалась однопартийная политическая монополия. Менялись конституции, проводились хозяйственные, административные и правовые реформы, велись партийные чистки и происходили разгромы республиканских и городских комитетов партии, зажимы сменялись волнами либерализаций, и наоборот, громилась служба госбезопасности и потом опять усиливалась, — но незыблемой оставалась однопартийная монополия, как остается она и теперь после шумного провозглашения новейшей "самой, самой демократической" конституции, кстати, как это юристы уже заметили, очень похожей на Муссолиниевскую, только в Италии речь шла о корпорациях, выдвигающих своих

делегатов, а в Югославии речь идет об "организациях объединенного труда". Однако основа всей системы — однопартийная политическая монополия, оставалась в Италии и остается в Югославии неизменной.

Но благодаря тому, что сталинизм стал синонимом крайнего тоталитаризма, а югославский коммунизм обширные сферы жизни оставлял вне своего руководства, хотя и пытался держать под своим контролем, — то мне кажется, что титоизм более законно считать "югославским ленинизмом", или "хрущевизмом", или даже "пост-хрущевизмом", а не сталинизмом. Если и была полоса в жизни Югославии, которую легче всего сравнить со сталинизмом, то это, опять парадоксально, — период борьбы со Сталиным.

Отсюда и двусмысленное положение Солженицына в Югославии. Уже четверть века критиковать Сталина не только можно, но и должно, и за малейшее открытое высказывание симпатий к Иосифу Виссарионовичу все еще сажают. Помню, с каким удивлением наблюдал я на каторге группу националистов одной маленькой, соседней с Югославией, державы, тайком переписывающих и изучающих "Вопросы ленинизма" Сталина. Очень трудно было спорить с этими, по существу прекрасными парнями, ведь они сидели за такие же преступления, за какие сажали и сажают в сталинском и послесталинском СССР, а мне в споре приходилось защищать югославскую борьбу со Сталиным. И мало пользы приносили ссылки на Солженицына — ведь собственный опыт всегда намного убедительней.

А о сталинском СССР в Югославии написано и напечатано было вряд ли меньше, чем на Западе. Еще в начале пятидесятых годов в Югославии издавались книги воспоминаний узников советских лагерей и жертв кровавых чисток. Печатались известные книги Вейсберга-Цибульского, Маргареты Бубер-Нейман, Георгия Климова, Артура Кестлера и югославских коммунистов, бывших советских "зеков". Когда в "Новом мире" появился "Один день Ивана Денисовича", то крупнейшие газеты страны изо дня в день печатали перевод. То же самое повторилось и с "Размышлениями о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе" академика Сахарова. В Югославии шесть лет тому назад присудили первую (и кажется, единственную) литературную премию Булату Окуджаве. Напечатан и "Крутой маршрут" Евгении Гинзбург, вышел и шеститомник избранных произведений Троцкого и немало еще других, запрещенных в СССР книг.

И все это в определенном смысле помогало и помогает политическому и идеологическому оправданию диктатуры коммунистической партии в Югославии, и служит кляпом, которым, перед лицом мирового общественного мнения, затыкается рот людям, то же самое пережившим на "югославской Колыме". Деяния Сталина и сталинизма явились большой удачей для югославской компартии,

ведь все диктатуры, по сравнению со сталинской, выглядят демократичными и гуманными. Тем более, как не посмотреть сквозь пальцы на дела той, которая сама вела борьбу со Сталиным?!

А между тем, так же как между Лениным и Сталиным, разница между Югославией и Советским Союзом не качественная, а количественная. Меньше людей сидит, менее широк круг запретных тем, менее ограничены возможности свободной информации благодаря открытым границам, более высок уровень жизни, так как нет партийного "административного руководства" в хозяйственной сфере, и т. д., и т. п.

Но сущность однопартийной монополии — та же. Так же годами ведется жестокая борьба со всякими проявлениями "буржуазного национализма", с "вражеской пропагандой" и "клеветой на социалистический строй", с "религиозными пережитками". Так же фальсифицируется новейшая история, а особенно история югославской компартии, так же замалчивается "югославская Колыма" — Голый остров, так же периодически ведутся партийные идеологические кампании против разных "уклонов" в искусстве и философии. И так же всякое выступление, несогласное с постановлениями последнего пленума ЦК партии, возможно только в западной прессе, с теми же последствиями, как и в России.

И все же, хотя и существует немалое число людей в Югославии, пострадавших в годы борьбы со сталинизмом и ненавидящих Солженицына именно за то, что его книги служат оправданием деятельности их притеснителей (это те же советские "старые большевики", пострадавшие в лагерях, но не потерявшие веру в Ленина), — действие произведений Солженицына оборачивается и другой стороной. Нередко теперь уже можно услышать слова — "эх, если бы у нас был такой Солженицын, чтоб все описал..." И к тому же, постоянные усилия партии ограничить всякую критику только Сталиным и сталинизмом все менее удаются.

Для всякого мыслящего человека раньше или позже становится несомненной неразрывная связь Ленина и Сталина, и за последние два-три года появились книги югославских философов, выявляющих эту связь. Вышел двухтомник группы авторов "Ленин без мифа", напечатана в Любляне интереснейшая работа молодого словенского философа Урбанчича — "Ленинизм — как идеология империализма", в 1972-ом году переведена, напечатана и не запрещена книга Гроссмана "Все течет", посягающая на священные ризы Ильича.

Все это, вместе с другими причинами, вызвало теперешнюю догматическую реакцию партии, в критике Ленина законно усмотревшей опасность для собственной монополии. Поэтому так мало вероятно издание "Архипелага ГУЛаг", первой книги Солженицына, в которой он открыто показывает, что корни сталинизма заложены в ленинизме.

Хотя югославская компартия пережила все ступени развития, от "ленинской" революционной до постхрущевской, однако именно благодаря несменяемости ее руководителей и типично сталинистской форме борьбы со Сталиным, — надо думать, что в будущем и Югославию ожидает своеобразный "Двадцатый съезд" с надлежащими разоблачениями. Однако неизвестно, в каком направлении будет вестись основная критика — не исключена возможность рецидива и радикального сталинизма. Надежду на то, что этого не произойдет, представляет тот факт, что, кроме сталинцев, десятилетиями после введения коммунистической диктатуры в лагерях и тюрьмах сидели и многочисленные участники разных националистических вооруженных движений народов Югославии во время войны, лидеры и члены бывших политических партий, просто демократы, каким-либо способом высказавшиеся против диктатуры, крестьяне, сопротивляющиеся насильственной коллективизации (так называемые "житари"; жито по-сербски — пшеница), священники и обыкновенные болтуны. Единственным отличием от советских обстоятельств является то, что в Югославии никогда не было антисемитизма и евреев не сажали просто так.

Благодаря всему этому, в будущем не может не появиться и югославский "ГУЛаг", хотя, конечно, превзойти ужасы и масштабы советского ему вряд ли дано.

Что сам Солженицын совершенно реально оценивает "югославский вариант", показывает его прошлогодняя статья "Мир и насилие", в которой он написал о возможности присуждения Нобелевской премии мира генсеку югославской партии следующие слова:

"Высшее недоумение и разброд в оценках вызвало бы сегодня и увенчание такого деятеля, который может быть отчасти и способствовал ослаблению мировой напряженности методами "неприсоединения", но у себя в стране известен как подавитель свободы и национальных движений".

И все же, если в Югославии "Архипелаг ГУЛаг", раскрывающий механизм всякой коммунистической однопартийной диктатуры, а не только сталинизма, — будет переведен и напечатан, то, вопреки всему, Солженицыну придется немного изменить свое мнение, высказанное в этой статье, чему несомненно, вместе с гражданами Югославии, и он сам будет рад.

1974

1. Номер от 6.3.1974.
 2. "В круге первом", ПОСЕВ, карм. издание, стр. 410-411.
 3. Там же, 101-102.
- P. S. "Архипелаг ГУЛаг" так и не был напечатан в Югославии.

1981

СВОЕВРЕМЕННЫЕ МЫСЛИ

О "Письме вождям Советского Союза" А. Солженицына

"Авторитарность есть антихристово начало".

Н. Бердяев, "Русская идея". 1

Видно, так уж судьба определила: без ложки дегтя не бывать бочке с медом. Одновременно с "Архипелагом ГУЛаг" появилось и "Письмо вождям Советского Союза".

Ну что ж, о "ГУЛаге" уже теперь можно свободно сказать, что это произведение является в отношении к коммунизму тем же, чем и протоколы Нюрнбергского процесса — к национал-социализму. И так же несомненно то, что до конца истории никто не сможет отделить гитлеровское движение за "Новую Европу" да нацистскую свастику от страшных Нюрнбергских анналов, — не отделить уж никому "Архипелаг ГУЛаг" от движения коммунистического. Жив и актуален будет "ГУЛаг" до тех пор, пока на свете будет существовать хоть малейшее поклонение Ленину, "диктатуре пролетариата", Октябрьскому перевороту, красной пятиконечной звезде с серпом и молотом. Вечная слава автору! Как после Нюрнбергского процесса, так и после "ГУЛага" мир уже не тот, каким был раньше.

Вот именно поэтому так трудно говорить о "Письме вождям" и так хотелось бы обойти его молчанием и просто сделать вид, что "Письма" этого нету, не было, не будет.

Однако пословица говорит: что написано пером, не вырубить и топором. "Письмо" есть, будет, и отмахнуться от него, к сожалению, никак нельзя. И если бы в нескольких десятках прочитанных мною критических или восторженно-хвалебных статей, написанных советскими свободомыслящими, западными авторами, старыми и новыми русскими эмигрантами, кроме многого полезного и умного, сказано было бы и о том самом главном в "Письме", — то не взялся бы я за эту статью, понимая, какую тяжелую ответственность беру на себя, выступая с христианской точки зрения и именно в настоящий момент, против социально-политической программы создателя "ГУЛага".

Но, словами самого Солженицына, — промолчать, ничего не предпринять — ответственность еще большая.

Великий писатель всегда *свидетель*, даже когда идет речь о вымышленных и в реальности не существовавших людях и событиях, а тем более это можно сказать о Солженицыне и его "ГУЛаге". Да, так и никак иначе, чувствовали, думали, поступали Раскольников, Пьер Безухов, Анна Каренина, Иван Денисович. В правдивости такого свидетельства и состоит гений писателя. Однако в истории человечества чрезвычайно редки *свидетели*, которым бы удалось осмыслить в широком объеме свое собственное свидетельство, а тем более взять на себя роль идеологов и реформаторов общества. Одно дело — Толстой писатель, а совсем другое — Толстой — проповедник "опрощения", "непротивления злу" и основатель "толстовства". Автор "Преступления и наказания" отнюдь не тождествен Достоевскому — политическому публицисту из "Дневника писателя", вещающему о том, что в скором будущем "Константинополь будет нашим". То есть автор-то тот же, но в одном случае он свидетельствует о самой глубокой реальности души человеческой и поэтому зачастую уподобляется пророку, а в другом случае пытается социально-политически "мыслить" и указывать людям путь. Это два разных дела, две различных духовных сферы.

И ничего нового в том, что я сейчас пишу, — нету. Все это люди знают издавна. Новое лишь то, что в нашем веке, стремящемся к цельности, тотальности мировосприятия (а стремление это и породило псевдототальность — тоталитаризм), не только уже на нашей планете нет больше никаких внутренних дел, — или лучше было бы сказать, что нет "внешних" дел, все, что происходит, стало нашим *внутренним* делом, — но и невтерпех стало раздвоение человеческой деятельности на разные сферы: на внутреннюю, главную, и внешнюю. И читателю, а тем более читателю тоталитарных стран, проивести разграничение между писателем-свидетелем и тем же писателем — социальным реформатором — уже очень трудно.

А ведь "ГУЛаг" огромный, а "Письмо" маленькое. Времени — мало. Значит "Письмо" будут читать больше, чем ГУЛаг", и по нему судить об авторе.

Именно поэтому отделить писателя Солженицына от Солженицына — идеолога русского национального возрождения, — необходимо. Отгородить "ГУЛаг" от "Письма", защитить Солженицына-художника от Солженицына — социального реформатора — самое насущное дело, нужное тем более по тому одному, что все, о чем свидетельствует Солженицын в "ГУЛаге", прямо противоречит тому, что он проповедует.

Мне дорог Солженицын, и немало я писал о нем с 1962-го года, сперва в югославской (журнал "Форум", № 6, 1964, "Мертвый дом Достоевского и Солженицын"), а потом и в мировой прессе, но истина для

меня дороже Солженицына. А истина, как я ее вижу, в том, что при определенном стечении обстоятельств, духовный вред от его "Письма вождям" может превзойти пользу "ГУЛага". Солженицын воистину Великий Свидетель, однако осмыслить собственный опыт, очевидно, ему не дано.

Много критически верного было высказано об этом "Письме" и с точки зрения гуманистически-прогрессивной (статья академика Сахарова), и с научной точки зрения, и с демократической, экологической, экономической, политической, технологической, философской и так далее. Однако, быть может, благодаря тому, что Солженицын открыто делает упор на возрождение христианства, осталась полностью незамеченной глубоко *антихристианская* духовная установка этого послания. И не в отдельных положениях автора дело, а именно в отношении ко всем почти важнейшим сторонам социального бытия. А так как русская культура всегда, от Пушкина до Бердяева, была христиански-универсальной, а не узко национальной, то в духовной смысле "Письмо" Солженицына можно оценить и как *антирусское*.

Добровольно политическую программу Солженицына вожди, конечно, не примут, так как ими движут совсем не те силы и стремления, какие им приписывает Солженицын. Однако, в момент *неминуемого* грядущего кризиса советской системы, то ли вызванного столкновением с Китаем, то ли в результате усиления внутренней оппозиции, а то и столкновения "в верхах", — программа, выдвинутая "Письмом", станет, *к сожалению*, с исключением ее демократических элементов, чересчур *реальной и возможной*, и только на такой идейной платформе на долгие годы сможет быть продолжено и, главное, оправдано — русское рабство. Вот поэтому "Письмо" и является собой огромную опасность и величайший соблазн для будущего России и всего человечества.

Власть и идеология

Тематически "Письмо" можно разбить на три части: во-первых, описание плачевного состояния России и всего мира, во-вторых, — анализ причин этого плачевного состояния (в СССР, по мнению автора, во всем виновата идеология марксизма, а на Западе — вера в прогресс и мягкотелая демократия), и в-третьих, — выход из положения, каким видит его автор (отказ от "прогрессивной идеологии" и безграничного технического прогресса). Не случайно редактор самиздатского националистического журнала "Вече" Владимир Осипов назвал "Письмо" — "манифестом века". Действительно, из таких же трех частей состоит и "Коммунистический манифест".

Часть "Письма" описательная — *свидетельская* — бесспорно самая лучшая, и менее всего уязвима для критического анализа. Десять лет тому назад и мне самому приходилось писать и об опасностях будущей войны с Китаем, и о непосильном рабстве женщин в советском обществе, и о тупике, в который завела человечество вера в безграничный научно-технический прогресс, и почти обо всем, о чем пишет Солженицын. Да и не мне одному.

Однако *центральная* часть, посвященная анализу, в которой-то и доказывается, что во всем виновата марксистско-ленинская идеология, — не выдерживает никакой критики. Тут *все неверно*, от первого слова до последнего.

По Солженицыну, выходит, что вожди Советского государства с его основания являются верными слугами, и даже рабами, ложной идеологии (к тому же ненаучной), и отсюда все несчастья и вся беда. Поэтому он и видит выход в том, чтобы отбросить ложную идеологию и начать служение истинным национальным интересам русского народа.

Странно, что Солженицын-мыслитель не заметил того, что Солженицын-писатель рассказал в своих книгах. Вряд ли существуют на свете, и даже в истории, люди более свободные от служения *всякой идеологии*, чем вожди коммунизма. И не теперь это так стало, а с самого Ленина. Именно Ленин показал, как можно *в целях захвата и удержания власти* вольно пользоваться марксистской идеологией. Он-то и перевернул на голову весь марксизм, создавая теорию о "самом слабом звене капитализма" в отстающих странах. По Марксу ведь наоборот. Не большевики, а скорее меньшевики служили идеологии, а для большевиков, от начала и до нынешнего дня, верховной целью и основным двигателем всегда была исключительно жажда власти, и только власти одной. Власти как самоцели. А идеология ничего не определяла, а было лишь средством, которое то отбрасывалось, то менялось до неузнаваемости, и всегда в зависимости от нужд власти. То "Государство и революция" Ленина, упраздняющее всякую государственность, а то полная противоположность — "отмирание государства через его усиление" Сталина. Так что абсолютно все примеры, на которые ссылается Солженицын, желая показать, что во всем виновата идеология, — говорят *о прямо противоположном*.

Не идеология уничтожила советы в 1918-ом году, а введение однопартийности, чего, кстати, у Маркса вообще нет. Никакое "следование уродливым западным доктринам" не повинно в коллективизации крестьянства и в уничтожении мелкого ремесла. Таких доктрин в марксизме (и даже у Ленина) тоже нет. Отнюдь не по идеологическим причинам велись чистки, основывались лагеря, осуждались люди особыми тройками. Солженицын сам замечательно показал в "ГУЛаге", что идеологические причины тут были не при чем, а что

цель всего долголетнего кровопролитного террора была неизменно одна: укрепление безграничной власти и уничтожение даже потенциальных противников (власти, а не идеологии). И единственный по настоящему идеологически одержимый, которого находим в произведениях Солженицына, это честнейший человек, заключенный Рубин в "Круге первом".

Борьба с религией не из-за идеологии ведется, а из-за власти. Ведь религиозный человек в глубине души всегда остается *свободным* от партийной и вообще от всякой земной власти. И в психотюрьмы сажают свободомыслящих отнюдь не из-за того, что идеология не может ответить на их критические высказывания, а из-за того, что *высказывают не спрошенные*. Когда генерала Григоренко посадили, то он был как раз марксистом-ленинцем, вот он-то и служил идеологии, а не те, что его посадили.

Ни одной идеологической войны СССР не вел за всю свою историю, и идеология никогда не определяла внешней политики Кремля (другое дело, что ею часто оправдывалась). Пакт с Гитлером, выдача немецких коммунистов-евреев гестапо в 1939-40-х годах, ликвидация Коминтерна во время войны, предательство испанских республиканцев в гражданской войне (в целях натравить Гитлера на западные демократии и из-за опасения, что победа над Франко сплотила бы их), ликвидация греческого коммунистического движения генерала Маркоса после войны, и многое многое в том же духе показывает, что именно марксистская идеология никакого влияния не имела на внешнюю политику СССР, начиная с захвата *социал-демократической* Грузии еще при Ленине.

И в Венгрии, и в Чехословакию советские войска вторглись менее всего по идеологическим причинам, ведь и Имре Надь, и Дубчек были марксистами. Нет лучшего примера того, что ничуть не идеология определяла политику Сталина, как его столкновение с Тито в 1948-ом году. В момент столкновения, да еще несколько лет после него, идеологически Тито *ничем не отличался от Сталина*, и все дело в том, что, благодаря югославскому самобытному партизанскому движению, Тито не был ставленником Сталина и поэтому менее зависел от *его власти*, чего, как известно, мудрейший не терпел.

Не Мао Цзе-дуна годами поддерживал Сталин, как это считает Солженицын, исходя из своей неверной идеологической установки, а именно Чан Кай-ши, и Мао *вопреки* требованиям Коминтерна начал свой "великий поход" и гражданскую войну. И только когда стало ясно, что именно он, а не Чан Кай-ши возьмет верх в Китае, тогда лишь Сталин изменил свою политику. Затаил ли Мао уже в те времена обиду на Москву или все простил "гениальнейшему" — неизвестно, однако несомненно, что и Мао отнюдь не является рабом идеологии и так же вольно ею пользуется, как Ленин и Сталин: то "цветение ста

цветов”, а то ”великий скачок”, то ”культурная революция”, а то дружба с Америкой.

Не по тому адресу направил свое негодование Александр Исавич. Идеология тут не при чем. И не идеология виновата в том, что Россия стала ”безгласным придатком” Москвы, — Москва что ли ”гласная”? И в уничтожении природы и жизненной среды идеология неповинна — ведь в этом отношении СССР топаёт за промышленным Западом, ну, а какая там на Западе идеология? На Западе именно ”новая левая” да разные марксистские группировки ратуют за сохранение природы.

Нужна партии ”передовая” идеология в целях поддержания или расширения власти — ею пользуются всюду. Стала мешать, — ее в нафталин, а из нафталина вытаскивается ”старое русское знамя, отчасти православная хоругвь”. Да только от этого знамени да хоругви не легче стало в лагерях да тюрьмах, о чем сам Солженицын свидетельствует.

Дело совсем не в идеологии и не в том, что, как говорит Солженицын, руководствуясь ложной идеологией, вожди КПСС служат ложным целям. Именно они-то никакой идеологией не руководствуются, а единственной целью для них была и есть власть. Об этом замечательно писал Милован Джилас в ”Новом классе”: ”Если бы у него (коммунизма — М. М.) были другие цели, кроме власти, пришлось бы допустить и другие силы, соперничающие с ним, и которые вошли бы с ним в законную борьбу”.²

Если бы, в самом деле, цели партии были определяемы идеологией, даже ”передовой” (ну, скажем, мировая революция или построение социализма, или технический прогресс и экономический рост), то партийной монополии сам по себе пришел бы конец. Не говоря уж о таких целях, которые предлагает Солженицын. Вот поэтому свобода служения даже передовой идеологии является уже огромным шагом на путях к раскрепощению. Служение передовой идеологии *не менее* опасно для *властепоклонников*, какими являются коммунисты, чем порицание передовой идеологии. Знаменательно то, на первый взгляд парадоксальное, явление, что при нынешней попытке поворота к тотальной диктатуре в Югославии, первыми были атакованы со стороны монополярной партии идеологически полностью выдержанные профессора-марксисты, объединяющиеся вокруг журнала ”Праксис”. Они опасны *именно тем*, что служат идеологии, а не партии. Ведь не по идеологическим причинам Сталин рагромил Троцкого, Бухарина, Зиновьева и т. д.

Не идеологией заинтересованы вожди КПСС, а *единомыслием*. И даже не тем заинтересованы, чтобы все думали так, как определил последний партийный пленум, а чтобы вообще *не думали*. Десятилетиями ежедневно насильственно насаждается идеологическая ложь

не потому, что очень долго вожди в нее верили, а теперь уж и не верят и по инерции повторяют что по наследству досталось, да не держится на ней ничего, "фанерная" она, — а потому, что всякая насильственно навязываемая идеология (а не только "передовая") служит орудием духовного порабощения, и в этом смысле является отнюдь не фанерной.

Не в идеологии зло, а в приятии принципа *авторитарности* какой-либо идеологии, религии, доктрины.

Зло всякой авторитарности

Солженицын в "ГУЛаге" все время сопоставляет страшную реальность тоталитарного Советского Союза с авторитарной дореволюционной Россией. Я тоже нередко это делал, и сопоставление, конечно, не было в пользу СССР. Однако часто забывается, что то, что было хорошего в самодержавной России, особенно в XIX столетии, зачастую являлось результатом борьбы *антиавторитарных* сил русской интеллигенции с самодержавием. В первой книге "ГУЛага" сам Солженицын пишет об этом: "Раскачка и расслабление царской тюремной системы не сами, конечно, стались — а от того, что все общество заодно с революционерами раскачивало и высмеивало ее как могло".³ А в "Письме" мы находим прямо противоположное утверждение: "Но и русская интеллигенция, больше столетия все силы клавшая на борьбу с авторитарным строем, — чего же добилась с огромными потерями и для себя и для простого народа? Обратного, конечно, результата".⁴ Такое заключение уже является последствием неверной идейной установки Солженицына — социального реформатора, желающего доказать, что все зло не в авторитарности, а в идеологии, которой авторитарность оправдывается.

При такой точке зрения просто закрываются глаза на то, что все тоталитарные режимы XX века оказались возможными только в странах, имеющих долгую авторитарную традицию: Россия, Германия, Китай, Албания... Можно свободно сказать, что *тоталитаризм* является лишь углублением авторитарности, расширением ее на все сферы общественного бытия, и чем меньше традиций авторитарности в каком-либо народе, — тем менее возможен тоталитаризм. Подтверждает это и сравнительно мягкий итальянский фашизм, и Пражская весна, только в Чехословакии, с ее демократическими традициями, возможная. И Кастро на Кубе сменил долготлетнюю диктатуру нетоталитарного типа, да и *все авторитарные* режимы — в Бразилии, Чили, — к сожалению, лишь готовят почву для тоталитаризма. (Потому-то так боязно за Португалию — сорвется в тоталитарность или нет.)

Не Февральская революция и низвержение авторитарного строя повинны в коммунистическом тоталитаризме в России, а ленинский авторитаризм, нашедший подходящую почву на психо-социальных традициях самодержавия (что, конечно, не значит, что победа ленинизма в Западной Европе создала бы более гуманный строй). И кровь потекла нескончаемыми потоками не в результате падения авторитарного строя, а в результате и после введения нового, еще более авторитарного и *максимально самодержавного*.

И теперь, выступая, причем совершенно искренно, за авторитарное будущее России, парадоксальным способом, Солженицын, в идейном смысле, повторяет грех Ленина. И последователи, конечно, сразу же найдутся, и договорят до конца то, что Солженицын удержал про себя. Ведь пишет уже националист самиздатовец Осипов:

“Англичанину, французу, столичному интеллектуалу, впитавшему западное мироощущение, российское неприятие демократии кажется нелепым и отвратительным. Однако таков россиянин. Издеваясь над чиновничеством, бунтуя против воевод и губернаторов, он любил и почитал царя... Русскому человеку нужна цельная правда, и он не может представить ее себе склеенной из социал-христианской, социал-демократической, либеральной, коммунистической и прочих прав”.⁵

Вот на этом и держалось все единомыслие сталинизма. Доколе бить человека?

Пусть авторитарный, да не на ненависти, а на человеколюбии основанный — взывает Солженицын. Авторитарный строй не означает беззакония и произвола — пишет он (отнюдь не по тактическим причинам, что видно из его критики демократии). Ну что ж, придется просто повторить то, что для европейской юридической мысли давно уже стало аксиомой.

Законность, правовой строй, прямо противоположны *всякой* авторитарности и возможны лишь в плюралистическом, демократическом обществе. Законность неразрывно связана с *равными* правами всех перед законом. А авторитарность предполагает не подлежащее сомнению первенство одной определенной идеологии, принципа, религии, доктрины, и тем самым — одной определенной группы людей (партия, церковь, аристократия, ученые), являющихся выразителями, носителями и толкователями главенствующего принципа. И совершенно все равно, идет ли дело в таком случае о коммунистической, национальной, самодержавной, имперской или даже “христианской” идеологии. Дело в авторитарности.

Нельзя противопоставлять порядок свободе, как делает Солженицын. Никакого порядка в авторитарном строе не было и нет. Порядок неразрывно связан со свободой, в чем теперь он сможет убедиться, оказавшись в Швейцарии. Там, где законодательная,

исполнительная и судебная власти самостоятельны, — то это и есть демократический строй. А в каком-либо авторитарном по настоящему самостоятельными они быть не могут. Забыт, что ли "Ревизор" Гоголя? И на человеколюбии основывается только демократический строй.

Тривиальным становится повторять, что именно попытка "христианизации" (ведь на человеколюбии!) мира со стороны католической церкви авторитарным путем прямо привела к реакции рационализма и атеизма, и что деятельность Инквизиции, да государство иезуитов в Парагвае в XVIII столетии, в сущности, являются праобразами коммунистических тоталитаризмов. Размах, конечно, был меньшим, да ведь все во времени растет и развивается. Прогрессирует, значит.

И как бы предвидя в будущем такой "Манифест века", каким является "Письмо" Солженицына, написал, умудренный опытом и годами, Бердяев перед Второй мировой войной: "Духовно бороться против коммунизма имеют право лишь те, которые обличили социальную неправду, породившую коммунизм... Государство, которое символически объявляет себя христианским, теократическим государством, есть самое плохое, самое зловредное для судеб христианства государство. Мы, русские, должны молить Бога, чтобы у нас больше никогда не было "православного государства", и жить надеждой, что подобное несчастье никогда не случится".⁶

Христианство и демократия

На экранах югославских телевизоров недавно полных два месяца, из недели в неделю, шла новая советская серия "17 мгновений весны" по сценарию Юлиана Семенова. Хотя в серии рассказывалось о советском резведчике-чекисте, работающем в конце войны в самых верхах гитлеровского Рейха, однако благодаря замечательной постановке Татьяны Лиозоновой и игре главного артиста Вячеслава Тихонова, — вместо стереотипного чекистского комикса получилось высокохудожественное произведение. Интереснее всего то, что автор сценария Семенов втиснул в серию большое количество интереснейших раздумий и мыслей о тоталитарном строе, и зритель не мог не почувствовать, что в этих мыслях речь идет именно о Советском Союзе, что судьбой России болеет автор. Вот характерная сценка из фильма: герой встречает в поезде пьяного немецкого генерала-патриота, который ругает нацистов, Гитлера и искренне страдает за судьбу Германии. Со слезами на глазах, во всех несчастьях диктатуры, в зверствах гестапо, военных потерях он считает самой виновной... демократию, и поэтому проклинает ее.

Не прусская вековая военщина, подготовившая тип несвободного человека, не немецкий национализм, духовно зародившийся вместе с литературным романтизмом, не авторитарный Вильгельмовский строй, не красный тоталитаризм, вызвавший к жизни тоталитаризм коричневый, не великий экономический кризис капиталистического мира в тридцатых годах, — а во всем виновата одна демократия! И чувствуется, что и Семенов именно так думает.

И вот странное согласие в осуждении демократии за все грехи мира сего: у официального советского писателя, у западной "новой левой", у различных прокитайских группировок, у итальянских неофашистов, у старых русских эмигрантов-монархистов, у самиздатовца Осипова, и заодно с ними... у Солженицына.

Правда, Солженицын осторожно, не открыто осуждает демократию, а ругает лишь ее разнузданность, да считает, что Россия еще не подготовлена для какого-либо другого строя, кроме как авторитарного. Но — человеколюбивого. Все же чувствуется, что именно демократический строй, в котором каждый человек имеет право на *свою истину*, и право по этой истине жить, — его отнюдь не привлекает, как и Осипова. Истина ведь точно одна, как же это так — допустить каждому иметь какую-то свою?

Однако, чтобы не осуждать открыто демократию, производится такой ход: дескать, у разных народов, в силу исторических традиций, складываются разные формы политической организации общества. На Западе — демократия, а у нас — авторитаризм.

Ну, так раз и навсегда надо уяснить вот что: у разных народов и впрямь бывают разные формы авторитарности и разные формы демократии, но никак нельзя на одну доску ставить авторитаризм и демократию под предлогом того, что это только разные национально традиционные формы общественной организации.

Переход из авторитарного в демократический строй означает переход в другую, высшую сферу общественного бытия. Самые обманчивые, демагогические, подкупные выборы в каком-нибудь американском провинциальном Штате, — в моральном, этическом, духовном и христианском смысле, — несравненно выше *всей* многовековой истории русского самодержавия (нередко героической), так же, как самый мелкий, трусливый, дрянной человек находится все же на высшем уровне бытия, чем самая умная, смелая и верная собака. В человеке, как и в демократическом строе, заложена искра свободы, которой нет у животного и нет в авторитарном строе.

И если правда, что воля большинства не застрахована от ошибок, то уж во всяком случае от этого несравнимо менее застрахована решающая воля авторитарного меньшинства, с той только разницей, что ошибки большинства в демократии всегда легче и быстрее исправляются и только на таких собственных ошибках целое общество,

каждый человек учатся зрело политически мыслить. Ошибки же авторитарного меньшинства учат только одному — греху прития всякого авторитаризма. И никаким авторитарным путем нельзя воспитать людей к демократии. Единственное воспитание, это активная борьба с авторитаризмом.

Идея демократии отнюдь не западноевропейская, как это считают Солженицын и Осипов, и не буржуазная, как толкуют коммунисты, а — *христианская*. К сожалению, в наше время об этом забывается и на Западе, но во время зарождения величайшего исторического социального чуда — политической демократии (античная — дело особое, так как в рабовладельческом строе демократия по существу являлась олигархией свободных граждан), — материнские корни христианства людям были ясно видны.

Джон Локк, на заре демократии, обосновывает ее совершенно религиозно: человек принадлежит Богу и потому не может ни отдать себя в полное распоряжение другому человеку, ни взять другого в свое распоряжение, но, в качестве "Божьей собственности", человек может "право распоряжения своей волею *лишь на время* доверить другому, *свободно избранному* им человеку".⁷ В противоположность этому, утверждение Владимира Осипова, что — "русскому человеку мучительно недоверие, лежащее в основе выборной системы, а также расчётливость, рационализм демократии"⁸ — дышит явным идолопоклонничеством, "культом".

Весь нынешний "разгул" демократии свидетельствует только о том, что ее недостаточно, а не что она чрезмерна. "Сопливые террористы" появляются только там, где в самом деле под видом демократии скрывается какая-либо форма неравенства перед законом, а значит и скрытый авторитаризм, идет ли речь о расовых столкновениях в Соединенных Штатах, национальных беспорядках в Северной Ирландии или о городской партизанщине в Южной Америке с ее вопиющим экономическим неравенством.

Нелегко сказать — была ли Россия так уж полностью неподготовленной в 1917-ом году к демократическому строю. На единственных во всей русской истории демократических выборах подавляющее большинство народа не поддавалось экстремистской пропаганде (как это случилось с германским народом, отдавшим 37% голосов за национал-социалистов), а подало свои голоса за самую разумную и умеренную эсеровскую программу, поэтому и принятую Лениным в демагогических целях. Неподготовленность выразилась лишь в том, что не сразу люди раскусили опасность нового авторитаризма (во имя благих целей — ведь земельная-то программа эсеровская!), ну а потом было поздно что-либо делать. В гражданской войне и вовсе выбора не было, — белые ведь не обещали осуществления воли народа, выраженной на свободных выборах (только перед

концом, уже в Крыму, догадались заниматься "землеустройством").

Ну, а теперь, еще менее ли Россия подготовлена к демократии, чем в 1917-ом году? Солженицын считает, что менее подготовлена. А как обстоит дело с Буковским, Сахаровым да с другими свободо-мыслящими, включая самого Солженицына? Они-то, надо думать, подготовлены? А ведь пока движущее ядро народа не станет такими сплошными Буковскими да Сахаровыми, никакие существенные перемены не произойдут, даже если передовую идеологию заменит православная хоругвь. Потому именно приятие солженицыновской программы "человеколюбивого авторитаризма" является величайшим соблазном, так как сбивает людей с единственно возможного пути преодоления тоталитаризма — радикального сопротивления всякому внешнему насилию, всякой авторитарности.

Конечно, свобода, не добытая кровью и страданием — легко теряется, и без духовного возрождения никакие политические перемены не сделают людей свободными. Но духовное возрождение, *христианское* возрождение, есть возрождение свободной личности, а не российского национализма, культа родины, отечества и земли. И если Буковский и тысячи других нынешних российских героев ведут борьбу не за демократию, а за авторитарную, национально-сознательную Россию, то тогда люди на Западе с полным правом могут сказать — это не наше дело.

Однако, к счастью, все обстоит иначе. В Советском Союзе и впрямь ведется борьба именно за самую реальную демократию, какая даже на Западе еще не была осуществлена, и об этом в своих же книгах свидетельствует Солженицын (да и всей своей жизнью), и об этом же так крепко забывает, пытаясь создать социально-политическую программу. И ведется борьба не только за Россию, а за всех людей на Земле, и за тех же арабов (конечно, не в Брежневском смысле).

Соблазн национализма

Полностью разделяя мысли Солженицына о том, что кризис современного мира является лишь кризисом того духа поверхностного рационализма и атеизма, зародившегося в Возрождении и достигшего высшего расцвета в XVIII столетии, к сожалению, должен установить, что и Солженицын не преодолел этого кризиса, а как раз выявляет и продолжает его. Спор между Солженицыным и Сахаровым является не чем иным, как простым повторением спора, начавшегося во времена европейского Возрождения (и *своеобразно* откликнувшегося в споре славянофилов и западников в XIX веке в России).

Христианин и религиозный человек, Солженицын ратует за антихристианский авторитарный строй, а ученый Сахаров, подписавший атеистический "Гуманистический манифест номер 2", — выступает в защиту христианской социальной политики. Раздвоение, начатое Возрождением, — продолжается.

И, в то время как демократия является не западноевропейской, а глубоко христианской идеей, проекцией христианства в социальную сферу, — национализм, именно западноевропейского происхождения, причем сравнительно очень недавнего. Никаких национализмов (душа, тело, язык и земля нации), до Возрождения, а еще вернее будет сказать, до конца XVII столетия, в мире вообще не было. В Европе, и Западной, и Восточной, были христиане (или "крестьяне") — восточные и западные, была интеллигенция со своим языком — латынью, были государства, отнюдь не по национальному признаку созданные.

И вот, величие и общечеловеческое значение русской культуры XIX столетия состоит в том, что в ней продолжил жить дух христианского универсализма, к тому времени уже утерянный в Западной Европе (да и русской монархией утерянный, и из имперской к концу века скатившейся в национальную). И снова Бердяев, как бы предвидя "Письмо" Солженицына, пишет:

"Русскому сознанию XIX века был свойствен универсализм, всечеловечность, и универсализм есть русская традиция. Русский коммунизм лишь подтверждает универсализм русского призвания, хотя и в извращенной, больной, мучительной форме. Национализм не русское явление, скорее западное и националистическая идеология — измена великой русской традиции. Это явление провинциальное и второстепенное, оно было всего характернее для русских немцев... Националистическое перерождение большевизма, которое видят в правящем, бюрократическом слое и которое многих радует в эмиграции, мне представляется самым зловещим исходом русской революции, новой формой империализма. Даже в "интернационализме" есть больше правды и русской правды, хотя и связанной с ложным мирозерцанием".⁹

Историческая роль и залог великого будущего Америки именно в том, что Соединенные Штаты не являются национальным государством, и не дай Бог, чтобы случилось такое несчастье и американцы заменили бы универсальное, общечеловеческое сознание национальным, как хотелось бы Солженицыну.

И если выход из коммунистического тоталитаризма в самом деле в возврате к "человеколюбивой авторитарности", к тому же "национально сознательной", то тогда прав Осипов, который, возражая Сахарову, дополняет Солженицына и пишет об "ужасе всей мучительной бесцельности наших полувековых страданий".¹⁰ Однако

Солженицын-свидетель рассказывает во второй книге "ГУЛага" о том, что страдания не были бесцельными, и даже благославляет тюрьму и пройденные муки, благодаря которым он стал "человеком" (надо сказать бы по христиански — личностью). Значит, не бесцельны были муки, значит, не бессмыслен тоталитарный ад, через который проходит русский и остальные народы коммунистических стран.

Но если это так, тогда все обесмыслить может лишь программа возврата к русской национально-православной авторитарности. Как писал крупный русский мыслитель Степун: "Превращением большевистского зла в бессмыслицу, в разрушительную грозу, ни с того ни с сего налетевшую на праведную русскую жизнь, мы только лишаем себя возможности серьезной борьбы с ним".¹¹

Скажут, как можно все время ругать сравнительно мягкий царский авторитаризм, перед лицом страшнейшего тоталитарного рабства, да еще признавать за ним некий глубокий смысл. Однако все дело в том, что тоталитаризм, бесконечно увеличивая и до конца проявляя антихристианскую суть авторитаризма, поставил под угрозу окончательного уничтожения все живое в человеке и тем самым вызвал огромные, отчаянные силы сопротивления живой человеческой души, и только в высшем напряжении этого противостояния всему *внешнему*, происходит чудо возрождения свободной личности, на которой и зиждется демократический строй. Да, конечно, и у демократического строя есть своя идеология, часто неосознанная, однако она *не авторитарна*. В этом вся суть. И *определяема* эта идеология демократического общества внутренним стремлением к *свободе*, языком религии — стремлением к Богу, в отличие от всех авторитарных идеологий (включая авторитаризм исторических Церквей), *определяемых* стремлением к власти. При этом цель полностью тождественна со средством. Цель власти — власть, и никак не может быть лишь средством для воспитания свободного человека.

В "Письме" затронута и проблема безграничного технико-промышленного прогресса, грозящего умертвить все биологически живое на планете. Однако это вопрос основных целей всей нашей культуры, а не политическо-социальный, а тем менее идеологический (идеология всегда производна и целями определяема, сама же ничего не определяет), и даже поставлен он может быть лишь в демократическом обществе. Тут, конечно, жажда власти над природой и всей жизнью, на которой основывается не только вся технология безграничного прогресса, но и *сама идея науки*, — соприкасается с жаждой к власти, которая движет коммунизмом, но выяснение общих корней этого стремления к власти выходит за пределы критики политико-социальной программы Александра Солженицына.

СНОСКИ

1. Издание ИМКА-ПРЕСС, Париж 1971, стр. 157.
2. Изд. ПРЕГЕР, Нью-Йорк 1961, стр. 197.
3. Изд. ИМКА-ПРЕСС, Париж 1973, стр. 461.
4. Изд. ИМКА-ПРЕСС, Париж 1974, стр. 45.
5. Владимир Осипов, "Пять возражений Сахарову". *Русская мысль* от 27 июня, 1974, Париж.
6. Н. А. Бердяев, "Испанская трагедия перед судом христианской совести". *Новый Град*, номер 14/1939, Париж, стр. 24-25.
7. *Новый Град*, номер 8/1932, стр. 18.
8. В. Осипов (см. сноску 5).
9. Н. А. Бердяев, "О социальном персонализме", *Новый Град*, № 7/1933, стр. 57-58.
10. В. Осипов (см. сноску 5).
11. Ф. Степун, "О свободе". *Новый Град*, № 13/1938, стр. 38.

ОПЯТЬ НА СВОБОДЕ

Ответы на 4 вопроса К. Д. Померанцева

Вопрос 1:

Вы принадлежите к той новой категории людей, которая недавно появилась в СССР и в других восточно-европейских странах, которых на Западе называют *диссидентами*, и у которых так называемые "новые философы" — Б. А. Леви, А. Глюксман, Ж. М. Бенуа и др. — считают, что должна учиться теперешняя молодежь, чтобы найти некую равнодействующую между западным капитализмом и восточным коммунизмом. Что Вы можете об этом сказать, исходя из Вашего столь обширного и глубокого опыта, пережитого в Югославии? Что лично Вам дал этот опыт и что помогло бы людям Запада лучше разобраться в происходящем в нашем мире?

Ответ:

Во-первых, само название "диссиденты", или даже "инакомыслящие", очень поверхностно и неверно. Дело совсем не в том, якобы, все думают так, а некоторые иначе. Именно большинство-то и думает так, как "инакомыслящие", но об этом отнюдь не сообщает во всеуслышание. Правильнее было бы название "инакосмелые", хотя и этот термин не всегда верен. Часто то, что со стороны выглядит как невероятная смелость, в глазах осмелившегося является единственным спасительным выходом.

Это, конечно, очень отраднo, что в среде молодой западной левой интеллигенции появилась группа "новых философов", поведавших всему миру о своем разочаровании в марксизме-ленинизме. Нас, живущих в коммунистических странах, всегда поражали своей слепотой разные Ролланы, Барбюсы и Сартры, а для знакомых с русскими мыслителями религиозно-философского ренессанса начала века самоочевидным являлся тот факт, что в XX столетии почти что нет другой глубокой философской мысли, кроме русской, и что прошло время, когда можно было учиться думать у Запада. Надо надеяться, что, вслед за Солженицыным, "новые философы" откроют и русскую религиозно-философскую мысль, так как само по себе разочарование в коммунизме ("Бог умер, и Маркс умер") все еще не означает выхода из духовного тупика современного человечества.

Конечно, не надо быть таким уж великом пророком, чтобы в наше время понять, что не в таком далеком будущем с Ленинградом произойдет то же самое, что и со Сталинградом после 20-го съезда, и что, может быть, еще на нашем веку сроят мавзолей "бессмертного" с Красной площади (надо бы применить осиновый кол, буквально, а не метафорически!). Для всех, чувствующих духовные течения в коммунистическом мире, несомненно то, что возврата к послеоктябрьскому мракобесию не будет, что такой возврат невозможен. Возможно только временное "замораживание" по меткому выражению и своевременному совету Константина Леонтьева, правда относящемуся к другой эпохе. Духовные потрясения, вызванные 20-м съездом, раньше или позже логически приводят к мысли о том, что отцом тоталитаризма является Владимир Ильич, и что Сталин и Гитлер — близнецы-братья — его законные сыновья, а отсюда до полного уравнивания свастики и красной звезды — полшага, которые ныне и проходят французские "новые философы".

Все это, конечно, отрадно, но тем не менее, само по себе разочарование в марксистских идолах, без глубокого духовного возрождения индивидуальной человеческой личности, а это значит, без религиозного возрождения в самом широком смысле слова (не путать с оживлением православной или какой другой Церкви), — не вылечит болезни века, но может лишь переменить симптомы болезни. Обманутыми бывают только те, кто хочет быть обманут, и если человечество не найдет новый язык для откровения древних истин, то новому обманщику, оперирующему на сей раз не "пролетарским классом" и его диктатурой, а, например, национальным возрождением, народными традициями, "моральной авторитарной властью" и тому подобным, — не так уж трудно будет лишь заменить нынешнюю идеологию в головах людей, желающих иметь "твердую опору" бытия, и не узревших Творца.

Социально-политические проблемы не могут быть разрешены в плане социально-политическом, а лишь в религиозном. "Права человека", о которых так много говорят, с легкой руки президента Картера, не могут быть обоснованы ни научно, ни биологически, ни социально, ни политически, а только религиозно. И ныне в мире существует только одно настоящее разделение, к сожалению, чересчур часто неосознаваемое и нередко прикрываемое противоположным флагом по обе стороны, — это разделение между атеизмом и религиозностью. Выявление этого раздела, по-моему, и является решающей задачей человеческой мысли в наше время. "Новые философы" пока что до этого не дошли, и большой вопрос — дойдут ли. Чужой опыт — дело хорошее, но только личный опыт дает понимание таких глубин, о которых трудно и говорить на человеческом языке. Мне лично этот опыт дал понимание того, что несправедливости

в мире нет, что человек свободен не абстрактно, а конкретно, и что духовный мир совершенно реально определяет события в нашем, материальном мире.

Вопрос 2:

Не кажется ли Вам, что, наблюдая происходящее в западноевропейских странах, в частности в Италии, Испании, Франции и Португалии, мы словно присутствуем при диалогах между героями "Бесов" Достоевского, например, при последней встрече между П. Верховенским и Кирилловым, между Россией 70-х годов XIX столетия и Европой 70-х годов XX века?

Ответ:

Конечно, происходящее во многих западноевропейских странах нередко напоминает знаменитый роман Достоевского, однако надо помнить и то, что сам Достоевский не усмотрел другого пути к изживанию бесовского наваждения кроме того, которым прошел Раскольников (а уже можно сказать — и вся Россия) — долголетнего страдания и потери свободы. Это конечно не особенно оптимистично, однако надо надеяться, что и Достоевский иногда ошибался. Хорошо, что Вы упомянули Испанию и Португалию. Их пример показывает, что ни в коем случае не является панацеей от "бесовщины" — долголетняя авторитарная власть, как это теперь слишком уж многим кажется. В классически демократических странах — англосаксонских, скандинавских, — "бесовщины" почти что не наблюдается.

И тем не менее самым трагическим мне кажется не само бесовское наваждение, а полное отсутствие большой идеи, которая могла бы в западных странах противостоять "бесам", так же как эта идея полностью отсутствовала в дореволюционной России, да и теперь только кое-где наклеивается. Противостоять бесовщине во всяком случае не могут никакие защитники нынешнего, "капиталистического" мира. Только истинная духовность может победить злодуховность, а не отсутствие всякой духовности.

Вопрос 3:

Как Вы относитесь к еврокоммунизму? Согласно заявлениям Москвы (Сулова и Пономарева, в частности) он несовместим с марксизмом-ленинизмом. Предвидите ли Вы возможность разрыва между КПСС и еврокоммунистическими компартиями? Или же еврокоммунизм — лишь тактический маневр для захвата власти в западноевропейских странах?

Ответ:

Еврокоммунизм очень сложное явление, и, по-моему, намного более положительное, чем отрицательное. Конечно, для многих

вождей еврокоммунистических партий, декларативное отречение от "диктатуры пролетариата" является только тактическим маневром для захвата власти, и поэтому необходимо постоянно повторять, что еврокоммунистам нельзя верить до тех пор, пока хоть в одной коммунистической стране не появится политический и идейный плюрализм. Однако, с другой стороны, влияние еврокоммунизма на общественность в коммунистических странах чрезвычайно положительно, и трудно верить в то, что вожди КПСС долго будут терпеть критические и "аналитические вылазки", и разрыв между Кремлем и наиболее далеко зашедшими еврокоммунистическими партиями — не за горами.

Мне кажется чрезвычайно неверным утверждение, которое на Западе часто слышится, что еврокоммунисты просто агенты Москвы и что приход к власти коммунистических партий в западной Европе означал бы усиление КПСС. Во-первых, всюду, во всех странах, где коммунисты приходили к власти самостоятельно, они очень скоро разрывали с Кремлем и становились первейшими врагами Москвы. Думать, что коммунисты какие-то идеалисты, желающие послужить "мировой революции" под "ленинским руководством", — наивно. Их интересует власть как таковая, и на КПСС они опираются только тогда, когда без поддержки Советской Армии невозможно ее удержать, как например в восточноевропейских странах. Однако, как только они сами могут удержаться у власти (Китай, Албания, Югославия), то они первым делом освобождаются от московской опеки. Во-вторых, тот факт, что коммунистическая страна независима от КПСС, ни в коем случае не означает, что она более демократична. И Китай, и Албания, и даже Румыния — более тоталитарны, чем СССР.

До тех пор, пока на Западе будут считать, что главнейшая опасность — это диктатура КПСС, а не диктатура как таковая, — не избежать ошибочных оценок по отношению к эволюции политических движений современности. Для коммунистических стран самой соблазнительной и потенциально взрывной является только идея *плюрализма*, и поэтому так опасны для монопольных партий еврокоммунисты, и поэтому нередко высказывания испанских и итальянских коммунистов вызывают прямо восторг у граждан комстран. Даже в Югославии, официально поддерживающей еврокоммунистов из-за независимости по отношению к Кремлю, не решились напечатать книгу Карильо "Еврокоммунизм и государство".

Словом, те элементы демократичности, появляющиеся в еврокоммунизме, настолько значительны для всего коммунистического движения, что огульно осуждать еврокоммунистов просто вредно.

Вопрос 4:

Каковы Ваши пожелания "Русской мысли"?

Ответ:

”Русскую мысль” я не читал более двух лет. С начала 1977-го года я получал ее нерегулярно. (В тюрьме — ред.) Только теперь я могу без помех следить за всей русской свободной прессой. Я должен признаться, что меня неприятно удивила атмосфера непринципиальных споров в русской среде, как мне кажется, отсутствовавших 4 года назад.

Совершенно неуместны в идеологическом споре обвинения оппонента в сотрудничестве с КГБ, обращения к судам западных стран и т. п. Что касается именно ”Русской мысли”, то у меня такое впечатление, что газете как бы недостает чего-то самого главного. Тут и диссидентские воззвания из СССР, и недельный обзор политических событий, и интереснейшие статьи из истории русской культуры, и рецензии на новые зарубежные журналы, и т. д., — однако мне кажется, что нехватает как бы нитки, на которую нанизывают бусы, и без которой нету ожерелья, а кучка бусинок рассыпается во все стороны.

Словом, я не вижу в ”Русской мысли” духовного и идейного целеустремления в поисках путей преодоления нынешнего исторического кризиса, конечно, если не считать, что принципиальный анти-социализм является таким путем. Конечно, может быть, я просто не имел в руках тех номеров газеты, в которых шел разговор о самых существенных и важных нынешних явлениях и идеях, однако все же удивляет то, что, насколько я правильно осведомлен, на страницах газеты просто не были критически проанализированы (а только восхваляемы), например, работы о социализме Шафаревича или ”Жить не по лжи” Солженицына. Не знаю, заметил ли кто-либо, что в призыве Солженицына нет ничего национального, он именно над-национален, какими впрочем являются и все важнейшие требования диссидентских деятелей не только из СССР, но и из всех восточно-европейских стран. Так же не знаю, подверг ли кто-либо серьезной критике очень интересные работы Шафаревича, в которых, однако, поверхностно и натянуто связывается ”инстинкт смерти” и социалистическое движение, что довело автора до анекдотической иллюстрации этой связи, в сборнике ”Из-под глыб”, словами революционной песенки:

Смело мы в бой пойдем
За власть Советов
И как один умрем
В борьбе за это!

— являющейся по существу лишь немного измененной русской солдатской песней (мелодия та же):

Смело мы в бой пойдем
За Русь святую
И как один прольем
Кровь молодую!

— словами которой, если следовать логике Шафаревича, можно было бы иллюстрировать утверждение, что любовь к России есть ничто иное как влечение к смерти.

А ведь вопросы о национализме-интернационализме и социализме-антисоциализме являются, можно сказать, самыми ключевыми вопросами наших дней, от решения которых зависят и бесчисленные другие вопросы, и отношения к актуальным явлениям. И вот, мне как-то нехватает того, что за полгода регулярного чтения "Русской мысли", я просто не нашел ни слова об этом самом важном.

1978

ВОЗВРАЩЕНИЕ ВЕЛИКОГО ИНКВИЗИТОРА

О политических выступлениях А. Солженицына

Недавно мне довелось встретиться с одним из лидеров крупнейших американских профсоюзов "AFL-CIO", и разговор как-то пошел о последних политических выступлениях Солженицына в журнале "Foreign Affairs" и в журнале "Time". Мой собеседник очень резко высказал свое отрицательное мнение об этих статьях и добавил, что, дескать, Солженицына больше нельзя принимать всерьез. Так как я тогда еще не читал статьи "Чем грозит Америке плохое понимание России", большой статьи, напечатанной в известном политическом журнале "Foreign Affairs", то я промолчал. Однако, надо признаться, что замечание моего собеседника меня очень удивило и, в некотором смысле, опечалило. Дело в том, что американские профсоюзы десятилетиями оказывали и продолжают оказывать сильнейшую поддержку диссидентскому и правозащитному движению во всех коммунистических странах. Никто другой, как именно лидеры "AFL-CIO", включая моего собеседника, организовали несколько лет тому назад чрезвычайно значительные публичные выступления для Солженицына, создавая ему трибуну, с которой его слова могли быть услышаны не только по всей Америке, но и во всем мире. И, несмотря на то, что я, так же, как и первый в истории диссидент Милован Джилас, академик Сахаров и многие другие, отнюдь не согласен с идеологическими и политическими взглядами Александра Исаевича, тем не менее резкая критика моего собеседника для меня была чрезвычайно неприятной. Слишком долго все мы, так называемые диссиденты, отождествляли свою борьбу с борьбой и блестящей победой автора "Архипелага ГУЛаг". Для меня такой резкий отзыв лидера профсоюза был особенно неприятен, благодаря тому, что издатели моих книг, по рекламным соображениям, несмотря на все мои протесты, пришли мне бессмысленную кличку "югославского Солженицына". Бессмысленную потому, что я в жизни не написал ни одного романа или рассказа, а в моих книгах я меньше всего говорю о Югославии.

Конечно, вскоре я достал статью Солженицына и прочел ее. И вот, должен признаться: моя печаль полностью рассеялась, и я даже почувствовал радость и наплыв оптимизма по поводу того, что мой влиятельный собеседник-американец так отрицательно отнесся к

политическим взглядам Соженицына. И, наоборот, — после прочтения статьи в журнале “Foreign Affairs” положительное мнение о ней одного из лидеров могучего американского профсоюза привело бы меня в полное уныние.

В своей статье “Чем грозит Америке плохое понимание России” Солженицын углубляет и повторяет все основные свои политические идеи, уже раньше высказанные в “Письме вождям Советского Союза” в 1974 году, в своей на шумевшей гарвардской речи (1978 год), в статье “Коммунизм: у всех на виду и не понят” в журнале “Time”, и во всех интервью по политическим вопросам. Свободно можно охарактеризовать статью в “Foreign Affairs” — законченным и полным идеологически-политическим *сredo* Александра Солженицына.

Конечно, нельзя не согласиться с Солженицыным в том, что политика западных демократий в отношении тоталитаризма чаще всего вызывает один лишь пессимизм у вдумчивого наблюдателя. Однако, мне приходится признаться, что еще больший пессимизм, по моему мнению, могут вызвать взгляды Солженицына на то, как противостоять общемировому злу тоталитарного коммунизма. Сразу же хочется подчеркнуть, что, если бы в этой, в некотором смысле программной идеологически-политической статье Солженицына все было неверно, то я бы не стал писать, а просто бы махнул рукой, как это сделал мой американский собеседник. Однако, имнно своеобразная смесь верного и неверного, правдивого и ложного делает такими опасными идеологическо-политические призывы Солженицына именно в наше время. Опасными даже более для Европы, чем для Америки, до сих пор почти что не знающей восторгов и разгула национализма. Очень симптоматично то, что французское издательство “Грассет” на днях уже выпустило книгу политических статей Солженицына под названием “Ошибка Запада” (даже до публикации русского оригинала).*

В чем же состоит опасность взглядов Солженицына? С тех пор, как существует коммунизм, не прекращается постоянный спор о том, как можно ему противостоять. По существу, есть только две идеологически-политические концепции. Одна, которую можно было бы условно назвать интернационально-демократической, и в основе которой лежит убеждение, что против интернационального зла коммунистического тоталитаризма можно бороться тоже только интернациональным объединением, ратующим за плюралистическое демократическое общество, свободу личности и то, что ныне называется правами человека. Несмотря на долгодетний газетный шум так нелюбимых Солженицыным “либералов”, надо сказать, что до сих пор нигде и ни разу

*Теперь уже и по-английски отдельным изданием вышло: “The Mortal Danger: How Misconceptions about Russia Imperil the West” (tr. by Michael Nicholson and A. Klimoff; Bodley Head, London; Harper & Row, New York).

эта интернационально-демократическая концепция не получила перевеса над второй идеологической концепцией. Только несколько месяцев в начале президентства Картера казалось, что общемировая борьба за права человека становится определяющим фактором в сопротивлении коммунистическому тоталитаризму западных демократических стран. Однако, очень скоро выяснилось, что борьба за права человека была лишь временным средством, а никак не целью даже американского правительства. Вторая идейно-политическая линия, которую тоже условно можно было бы назвать национально-авторитарной, начиная с 1917 года и, к сожалению, по сей день, все еще является определяющей в стратегии и тактике борьбы западных демократий против коммунизма. Главную опасность последних политических выступлений Солженицына я вижу в том, что он, критикуя западные демократии за якобы следование по путям первой — интернационально-демократической концепции, — систематически подменяет борьбу за свободу и права каждого отдельного человека борьбой за национализм, за возрождение национализма, за права наций. Солженицын не замечает, что за многими разговорами о демократии и правах человека, к сожалению, все еще внешняя политика западных демократических стран, включая США, определяется именно сугубо национальными интересами, в результате чего демократический мир отстает перед тоталитаризмом на всех фронтах.

Вполне логично, что, если самое важное в борьбе с коммунистическим тоталитаризмом — возрождение национализма и так называемого "национального самосознания", то под удар попадает и демократия. Дело в том, что *никакой национальной демократии нет и не может быть*. Сама демократия базируется на равенстве прав, независимо от национальной, религиозной, идеологической, расовой или политической принадлежности человека. Вот поэтому *демократия всегда интернациональна*, и тот факт, что западные демократические государства, к сожалению, все еще ведут национальную внешнюю политику, является величайшим недостатком и непоследовательностью демократий. Солженицын же призывает на путь утверждения этого недостатка, несмотря на его абсолютно противоположное, чем у западных политических деятелей и многих западных ученых, отношение к русскому национализму. К сожалению, надо признаться, что никто до сих пор не дал столько аргументов профессору Ричарду Пайпсу, как сам Солженицын. На меня более угнетающе действуют идеологически-политические статьи и высказывания Солженицына, чем тоже не совсем уж объективные работы проф. Пайпса. Однако, в книгах и статьях гарвардского профессора речь идет о прошлом России, а у Солженицына — о ее будущем. Вот это-то и трагично.

В самом начале статьи Солженицын подчеркивает, что очень распространены две ошибки в понимании коммунизма. Одна — это непонимание полной враждебности коммунизма всему человечеству, и что нет никаких "лучших вариантов" комдиктатуры, а также, что либо коммунизм прорастет человечество, как рак, и убьет его, либо человечество должно от него избавиться. Вторая ошибка, по мнению Солженицына, это то, что мировую болезнь коммунизма неразделимо смешивают с той страной, которой он овладел первой — Россией. С одними этими утверждениями можно согласиться, добавив, однако, что трудно найти лучшие варианты диктатур и некоммунистических. Все диктатуры не могут существовать без террора, также и националистические диктатуры. Верно и то, что чрезвычайно вредно отождествление коммунистической опасности только с Советским Союзом, как это происходит в наше время, когда на Западе трагедию китайского коммунизма или югославского практически не замечают. Полностью прав Солженицын, называя чудовищной резолюцию Конгресса США от 6-8 июля 1959 года "О порабощенных нациях", где всемирный коммунизм назван русским, России приписано порабощение континентального Китая и Тибета, и русским отказано числиться в составе угнетенных наций. Сотни раз Солженицын прав в том, что угнетенные народы являются лучшими союзниками демократического мира, и что непонимание этого приводит западные правительства к непоправимым ошибкам. Замечательно верна критика Солженицыным передач "Голоса Америки", из которых убирается все, что могло бы раздражить правящих коммунистов. Если бы Солженицын слушал передачи "Голоса Америки" на Югославию, то он бы мог намного резче осудить бездарное использование "самого могучего средства, которое находится в руках Соединенных Штатов, для того, чтобы установить взаимопонимание и даже союз с угнетенными народами".* Правда в том, что:

"Коммунизм нельзя остановить никакими уловками детанта, никакими переговорами, — его может остановить только внешняя сила или развал изнутри. Гладкое, легкое, многолетнее шествие западного отступления должно было кончиться когда-то, — и вот оно кончается: пусть не последний рубеж, но уже предпоследний. Не защитив дальних границ, придется защищать ближние. Уже сегодня весь Запад под опасностью большей, чем нависала в 1939 году... Накануне планетарной битвы между

* Все цитаты по русскому тексту статьи "Чем грозит Америке плохое понимание России" из *Вестника РХД* № 131.

мировым коммунизмом и мировой человечностью хотя бы ясно видел Запад, где враги человечности и где друзья ее, и не искал бы союза врагов, но искал бы союза друзей. Так много уже уступлено, отдано и расторгнуто, что сегодня Запад уже не может устоять даже при единении всех западных государств, — а лишь в союзе с поработанными народами коммунистических стран”. (“Чем грозит Америке плохое понимание России”).

Все это полностью верно, однако является результатом именно отсутствия интернационального подхода к проблеме коммунизма. Тогда, когда отождествляется русский народ с коммунистами, проявляется лишь националистический пережиток демократических стран, правда, с совершенно противоположным знаком, чем у национализма Солженицына. Однако, Солженицын прав, констатируя факт непонимания природы коммунизма Западом, хотя его объяснение и, главное, его средства борьбы против тоталитаризма отнюдь не лучше, чем западные. Пафос критики Солженицыным несопротивленчества демократического мира перед напором тоталитаризма в планетарном масштабе и является той правдой политических высказываний Солженицына, правдой, которая может увлечь очень многих, желающих бороться с мировым злом, на ту ложную и опасную дорогу, на которую зовет Солженицын в девяти десятых частях своей большой программной статьи.

Раскол или плюрализм

Ныне уже ни для кого не секрет, что в среде диссидентского движения в Советском Союзе, а также и на Западе, существует идеологическое столкновение, вызванное отношением к так называемому “возрождению национализма”. И, несмотря на то, что людей, как например академик Андрей Сахаров или Милован Джилас, ни в коем случае нельзя назвать “ненавистниками России”, тем не менее всякая идеологическая критика националистических взглядов Солженицына вызывает именно обвинение в ненависти к России, а иногда и прозрачные намеки на то, что несогласные с солженицыновскими взглядами желают внести “раскол” в антикоммунистическое движение и, значит, являются агентами или же по крайней мере играющими на руку КГБ. Об этом, например, пишет Александр Глезер в статье “Хоть бы кто объяснил” в ньюйоркском еженедельнике на русском языке “Новый американец”, от 11-16 июля 1980 года:

”Впрочем, может, подойдет такое простое объяснение: каким-то действительно влиятельным, а не мифическим русским силам очень нравится тот раскол, который вносят в русскую эмиграцию вышеупомянутые господа...”

Защитники Солженицына более серьезные, как например Владимир Буковский (в 23-ем номере журнала ”Континент”), напирают на идею, что, дескать, Солженицын не политический деятель и не политик, а просто художник-писатель, и что поэтому не стоит и не надо критиковать его политические высказывания. Однако, журнал ”Foreign Affairs” является сугубо политическим, и в своих статьях Солженицын преследует именно политические цели. Многие защитники Солженицына признают в его взглядах явные нелепости, но считают, что его никак нельзя критиковать за это, так как, якобы, все дело диссидентской борьбы падает вместе с ним, уже давно ставшим символом диссидентства. Этот взгляд очень напоминает советский запрет критиковать ”своих” в условиях ”вражеского окружения”. Также нередко говорят, что в своих политических выступлениях Солженицын прав в основном, хотя во многих частностях он ошибается. Мне же лично кажется, что он неправ в основном, а что во многих частностях он совершенно прав. Однако, абсолютно подавляющим отношением к идеологическому спору со взглядами, защищающими русский национализм и особенно к критике Солженицына, является замалчивание. Просто какая-то типично советская боязнь публичного столкновения идей. Вот Солженицын пишет, что ”возрождение русского национального сознания — единственно что может противостоять коммунизму изнутри” (статья ”Коммунизм: у всех на виду — и не понят”, *Русская мысль*, 21 февраля, 1980), и почти в то же время академик Сахаров из своей горьковской ссылки посылает свою статью ”Тревожное время”, в которой находятся вот эти слова: ”Националистическая идеология, как я убежден, опасна и разрушительна даже в ее наиболее гуманных, на первый взгляд, ”диссидентских” формах” (*Новое Русское Слово*, от 14 июня, 1980). И нигде в зарубежной свободной русской прессе не найти комментария, полемики, идеологического анализа этих совершенно-противоположных идейно-политических установок двух самых известных ныне в мире русских свободомыслящих. Всякая же попытка полемики и открытого обсуждения вызывает обвинение в расколе. Сахарова и Джиласа, очевидно, от этих обвинений спасает лишь то, что они находятся на самой первой линии борьбы с коммунистическим тоталитаризмом.

По-моему, тревогу вызывает не плюрализм идейно-политических установок и отсутствие единомыслия в диссидентском движении, а величайшую тревогу вызывает факт попытки замолчать и

затушевать всякую критику поклонников националистической идеологии. Благодаря атмосфере умолчаний и попытке представить перед лицом западного мира некое якобы единомыслие диссидентов, настоящим праздником для свободного духа явился 23-й номер "Континента", в котором напечатана критическая статья Чалидзе о национализме Солженицына и ответ Буковского.

Несколько противоречий

Прежде, чем начать анализ основного заблуждения Солженицына, мне хочется выявить несколько явных противоречий в его статье, которые как-то мало замечаются. Солженицын осуждает западные демократические страны за корыстный союз с коммунистами во время Второй мировой войны для борьбы против Гитлера: "...А между тем, при бесстрашной преданности принципу *всеобщей* универсальной свободы, он не должен был покупать лендлизом помощь кровавого Сталина, укреплять его господство над народами, ищущими своей свободы. Запад должен был открывать независимый фронт против Гитлера и сокрушить Гитлера своими *собственными* силами, и эти силы у демократических стран были, но их жалели и предпочли загордиться несчастными народами СССР". И почти что на той же странице, оправдывая нежелание бороться с немцами в первый год войны миллионов красноармейцев, он говорит: "Для них весь смысл новейшей войны был — освобождение от коммунистической чумы. Народ, естественно, стремился в первую очередь решить не европейскую задачу, а свою национальную — освободиться от коммунистов".

Упрек Солженицына Западу был бы полностью уместен, если бы западные демократии не на словах только, а в самом деле были бесстрашно преданы принципу всеобщей универсальной свободы. К сожалению, это не так, и западные демократические страны вели именно национальную политику, которую Солженицын оправдывает, когда идет речь о русском народе, и, наоборот, осуждает у Запада.

Отсюда же вытекает и второе противоречие, — Солженицын совершенно справедливо осуждает тенденции изоляционизма Соединенных Штатов и, в то же время, настаивает на том, что для выздоровления русского народа необходимо 150-200 лет "мирной национальной России", посвященной внутреннему оздоровлению и никак не вмешивающейся в мировую "толкучку". Правда, он пытается сгладить это противоречие утверждением, что, дескать, одно дело — изоляционизм мирового защитника США, а другое дело — изоляционизм мирового агрессора Советской России. Однако, ведь не о коммунистической России идет речь, когда он говорит о 150-200 годах выздоровления. И теперь, когда процесс борьбы с тоталитаризмом охватил

всю планету, совершенно бессмысленно думать не только о двух веках самоизлечения без участия в мировой "толкучке", но с полной уверенностью можно сказать, что не будет даже полутора лет и ни для одного народа такой спокойной жизни, посвященной только внутренним задачам. Ведь даже если бы осуществилась мечта Солженицына, остается огромный коммунистический Китай и все другие многочисленные коммунистические страны в Азии, Африке и Южной Америке.

Также противоречиво обвинение Солженицыным западной прессы. По Солженицыну, за 30 лет не нашлось "ни одного честного пера" в западной прессе, которое описало бы выдачу антикоммунистических сил Сталину в 1945 году. Солженицын возмущается — "свободная, гордая, ничем не связанная английская и американская печать... промолчала об этом предательстве своих правительств". И дальше — "бесперебойная гласность Запада вдруг в этом случае отказала". Обвинение Солженицына, конечно, имеет смысл, но только в том случае, если признать, что западная пресса не такая уж свободная и все-таки кое-чем связанная. Другими словами, западную прессу можно критиковать, но отнюдь не за ее чрезмерную свободу, а, наоборот, за то, что и она все же недостаточно свободна. Но вот несколькими страницами дальше в своей статье Солженицын выступает за ограничение западной прессы, однако, как он говорит — ограничение "не свободы слова, а только безответственных аморальных злоупотреблений ею". И сразу же иллюстрирует, что под этим подразумевает: "Но нас, проживших суровые годы, оскорбляет получать от прессы подробности, что у бывшего британского премьера оперировано не что-нибудь, а именно яичко, и какое одеяло у Жаклин Кеннеди, и какой напиток предпочитает певица дешевых песен". Позволительно поставить вопрос — а кто же это заставляет Солженицына читать эту легковесную прессу, тем более, что на Западе огромное количество серьезных газет и журналов, в которых таких сплетен не найти. Ведь не существование же желтой прессы виновно в том, что за 30 лет серьезная западная пресса молчала о выдаче антикоммунистов Сталину и Тито?

И вот еще одно странное противоречие: говоря о безвылазной бедности существования в Советском Союзе, Солженицын пишет: "Такая материальная пропасть существования — и уже полвека! — ведет и приводит к биологическому вырождению нации, к упадку телесному и духовному — тем более усиленному отупляющей политической пропагандой,.. свободой для одного лишь пьянства,.. и ограблением детского ума. Падение бытовых нравов — жестоко, но не потому, что так плох народ, а потому, что коммунисты лишили его пищи физической, пищи духовной..." Кому не памятли слова Солженицына из гарвардской речи, что "смертно давящая жизнь Востока

выработала характеры более глубокие, чем регламентированная жизнь Запада". Вспомнил об этих словах и Солженицын и попытался снять законное недоумение читателей: к чему же, по существу, коммунизм приводит, к вырождению и упадку телесному и духовному или же, наоборот, — к выработке характеров более глубоких, чем на Западе? Делает это он таким способом: "Но открытое давление Зла не так коварно растлевает людей, как его привлекательное вползание". Так что же все-таки лучше — открытое давление зла или же его привлекательное вползание ("жир благополучия")? Ответа нет, хотя вся деятельность Солженицына направлена на уничтожение или же только ослабление этого давящего зла.

В таком же плане противоречива критика Солженицыным молодых американцев, не желающих отбывать воинскую повинность, и его собственное предложение — "освободить нашу молодежь от обязательной всеобщей воинской повинности". Всюду повторяется эта *двойная мерка* — критика то с одной стороны, то с совершенно противоположной. Америка критикуется за нежелание взять на свои плечи интернациональную задачу планетарной борьбы с коммунизмом, и в то же время оправдывается и восхваляется национализм и желается России 150-200 лет внешнего покоя и терпеливого занятия "внутренними проблемами". Пресса демократических стран то критикуется за чрезмерную свободу, а то — за отсутствие ее. И так во всем.

Смещение национального и религиозного

Однако, в статье Солженицына есть нечто и похуже, чем критика, высказываемая то с одной точки зрения, то с совершенно противоположной, первую точку исключаящей. Если такого типа критику можно еще и объяснить неосознанной идейной путаницей, то постоянное смешивание религиозного, духовного, национального, православного и христианского возрождения скорее смахивает на вполне сознательный прием. Этот прием помогает защитить так называемое возрождение национализма от критики. В своей статье в "Foreign Affairs" Солженицын пишет, что "новейшие информаторы Запада спешат уверить, что это неоскудеющее христинство и есть величайшая опасность". Никто нигде не утверждал, что христинство и религиозное возрождение являются величайшей опасностью. Однако, очень многие, начиная с академика Сахарова и Джиласа, критиковали, и очень резко, идею национального авторитаризма, каким-либо образом связанного с православной церковью. Если же всюду смешивать, как это делает Солженицын, и писать то о национальном возрождении, то о христианском возрождении, то о православном возрождении, то о религиоз-

ном возрождении, нигде и никак не отделяя одно понятие от другого, — то тогда, конечно, можно критику национализма воспринимать как критику религиозного и даже вообще духовного возрождения. Необходимо сразу же подчеркнуть: *национализм сам по себе, а религиозное возрождение само по себе*. И между ними нет ничего общего. В мире существует русское православие, сербское, румынское, но нет, не было и не может быть никакого русского христианства или же русской религии. Тем более бессмысленно упоминание национальности, когда речь идет о духовном возрождении. Именно христианство явилось первой в истории общечеловеческой религией и поэтому столкнулось с религией национальной — иудаизмом. Разве опять надо повторять слова Апостола Павла о том, что "нет больше ни Иудея, ни Еллина, ни Скифа..." (Послание Колоссянам 3.11, Галатам 3.28). Существование же разделенных церквей сами христиане воспринимают болезненно.

Особенно хочется напомнить Солженищину слова Гегеля о том, что до Христа существовали народы, а после Христа — личности. Вот поэтому именно на христианских корнях могла расцвести первая в истории общечеловеческая демократия в Соединенных Штатах, так как демократия возможна только там, где свобода личности ставится выше вообще всех других ценностей. Национализм часто сравнивают с принадлежностью каждого человека к своей семье, но именно Христос говорил о том, что — кто не оставит мать свою и отца своего и не пойдет за Ним, не спасет своей души... (Лука 18.29; Марк 10.29). Или: "Враги человеку — домашние его" (Матф. 10.36). Другими словами, между национальным и религиозным нет абсолютно ничего общего. Общее только то, что возрождение национализма совпало по времени с возрождением духовным и вообще с возрождением всего, что десятилетиями в России было загнано в подполье. За последнее десятилетие в Советском Союзе можно наблюдать также и возрождение всевозможных христианских и нехристианских сект, теософии, спиритизма, джазовой музыки, абстрактной живописи и даже наркомании. Однако, не станет же Солженищын смешивать все это и употреблять то одно, то другое понятие, как это он делает с национальным, религиозным, духовным, христианским и православным возрождением?

Смешение религиозного и национального особенно опасно. Именно это смешение, которое Солженищын все время делает, и является благодатной почвой для русского мессианизма. В своей статье в журнале "Foreign Affairs" Солженищын так прямо и пишет, что никакого русского мессианизма нет, и что это "сочиненный вздор" и "бредовая выдумка". К сожалению, это отнюдь не так. Солженищына надо отослать к книге Николая Бердяева "Истоки и смысл русского коммунизма". Вспоминается также статья редактора самиздатского

журнала "Вече" Осипова, так прямо черным по белому и написавшего: "Но посуху приходят к нам лжепророки. "Бог не есть Бог русских, но всего мира," — говорят они... Но слова их ложь. Бог живых не может быть Богом мертвому миру... Да грядет русский Бог во спасение мира!" (Владимир Осипов, Предисловие к журналу "Земля", номер 2, Самиздат, Москва). Однако, необходимо добавить: не сам по себе плох мессианизм, а опасно его содержание, когда он связан с национализмом. Разве плох христианский мессианизм или тот, приписываемый в свое время президенту Картеру "американский мессианизм" в борьбе за права человека?

Невозможно не испытывать восхищения при взгляде на тот вклад в дело борьбы за свободу, который уже десятилетиями дает католическая церковь в Польше. Однако, для всякого знающего новейшую историю Европы вполне законно сомневаться в том, что монополия католической церкви в Польше была бы намного лучше, чем нынешняя монополия коммунистической партии. Как это ни прискорбно, но самый полный, законченный тоталитаризм возможно построить только на авторитарно-теократической, церковной основе. Тогда, когда в руках монопольной власти находится не только физическая жизнь человека, но и власть над спасением или гибелью человеческой души. В наше время религиозно-церковная монополия была бы в сотню раз хуже атеистической. Испанская католическая инквизиция с нынешней техникой — это было бы почище Советского Союза. Именно программный атеизм коммунистического тоталитаризма можно расценивать как его самую слабую сторону, затрудняющую использование присущего человеку религиозного импульса на дело зла.

Самая главная, основная, неправда Солженицына

От начала и до конца всей своей программной статьи в журнале "Foreign Affairs" Солженицын бесконечное число раз повторяет слова: "национализм, национальное самосознание, национальный дух, национальная душа", и так далее, и по существу задача всей его статьи заключается в том, чтобы доказать, что только национализм, и именно русский национализм, является единственной силой, которая может противостоять коммунистическому тоталитаризму и спасти весь мир. Не борьба за свободу, не демократическое общество, не плюрализм, а только возрождение национализма. Отнюдь не надо быть коммунистом для того, чтобы считать национализм, всякий национализм, злом. Я лично тоже принадлежу к тем людям, которые видят в возможности возрождения идеологии русского национализма намного большую опасность, чем в существующей марксистско-

ленинской идеологии. Дело просто в том, что советским коммунистам в самом деле, кроме миллионной бедноты в южно-американских странах, — никто больше не верит. В наше время коммунизм держится только на голой физической силе. Национальная же идея, как и все десятилетиями запрещенные в Советском Союзе идеи, тем более после вынужденной долголетней изоляции от всех духовных течений демократического мира, — еще как может увлечь многих и многих людей. Опасность национализма не только в том, что он может быть использован коммунистической властью, как это произошло во Второй мировой войне, и не только в том, что национализм не может быть демократическим, а исключительно авторитарным, но главная опасность его в том, что он подрывает основы, на которых единственно только и можно противостоять мировому тоталитаризму. Коммунистический интернационализм, несмотря на свою "пролетарскую" ограниченность, все же является первым в новейшей истории общемировым движением с общечеловеческими целями. Для думающего человека несомненным является факт создания в наше время одного единственного мирового общества. Если в 19-ом еще столетии могло произойти такое, что колониальные войска Англии и Франции воевали между собой где-то в Африке, в то время как Франция и Англия в Европе не воевали, — то в наше время малейшее политическое изменение в каком-либо тихоокеанском микроскопическом островном государстве сразу же отзывается во всем мире и влияет на судьбу всего человечества. Вот эта происходящая планетаризация всего человечества, взаимосвязанность, необходимость наднациональной идеологии, именно и давали силу в XX столетии коммунистическому движению. И противостоять интернациональному движению никакое национальное не может. Солженицын с опозданием в полвека повторяет ошибки всех антикоммунистов, выступающих против коммунизма с позиций докоммунистических. Результатом этого страшнейшего заблуждения, что национализм может противостоять коммунистическому интернационализму, и является нынешнее положение вещей, когда почти две трети человечества находится в тоталитарном рабстве.

Лучшим примером может послужить гражданская война в Югославии. Националистические силы сербов, хорватов, словенцев, албанцев вместе взятые были намного больше, чем силы коммунистические. Но тем не менее, благодаря именно национальной междуособице и отсутствию наднациональной идеи сопротивления коммунистической диктатуре, победили коммунисты. Югославия в этом смысле может послужить прообразом нынешнего мирового положения. Если не будет наднационального демократического движения, если не родится общемировая, интернациональная борьба за защиту прав отдельного человека, то так же, как и в Югославии во время

Второй мировой войны, коммунизм победит во всем мире. Марксистский интернационализм является ложным ответом, но на совершенно правильный вопрос. А вопрос этот — вопрос идейных и духовных основ для объединения всего человечества в единое общество. И если это мировое общество не будет плюралистическим и демократическим, то оно может быть только тоталитарным. Третье не дано. В будущем совершенно невозможны, кроме как на короткий срок, национальные авторитаризмы, либо основанные на "человеколюбивых" началах, за что ратует Солженицын, либо какие-то другие. Никогда не лишне повторить критику национализма русским философом Николаем Бердяевым: "Даже в 'интернационализме' есть больше правды и русской правды, хотя и связанной с ложным мирозерцанием". (Н. Бердяев, "О социальном персонализме, журнал "Новый Град", № 7 за 1933 год, стр. 58).

Странно, что человек, с такой огромной художественной силой в своих произведениях описавший неистребимую жажду свободы, невероятную силу сопротивления одиночки в самых страшных условиях сталинских концлагерей, начиная говорить о мировой политике, как бы забывает все то, что он написал, — отдельный человек полностью исчезает из его взгляда, и единственной реальностью являются нации, даже не народ, а национальные объединения. Слова — русский национализм, национальное самосознание, национальное возрождение повторяются и склоняются бесчисленное количество раз со всевозможными прилагательными. Тут и "подымающееся русское религиозно-национальное самосознание", и "национальные круги в СССР, преследующиеся всеми уголовными методами", и "последний конец национальных традиций", и "уничтожение русского национального существования", и "биологическое вырождение нации", и "исключительно подавленное и униженное всем происшедшим русское национальное сознание", и "элементы религиозно-национального сознания", и "мирная национальная Россия", и "русское национальное возрождение и освобождение", и "антирусская кампания западных информаторов", и "угнетенный русский народ", и "истинные поиски национального духа", и "возрождение национальных чаяний", и "национальная задача", и "природа коммунизма всегда антинациональна", и "возрождение здоровой национальной России", и "сдача национального самосознания", и "разумная национальная политика", и "затаенно-мстительные отношения наций", да бесчисленное повторение сочетаний: "национальные силы", "национальный дух", "национальные чувства". В то время, как в художественных произведениях Солженицына самой глубинной, единственно все определяющей реальностью является дух человеческий, дух именно отдельного человека, — как только Солженицын перестает быть художником и начинает выступать в идеологическо-политической сфере, все то, им же самим с такой

силой описанное в его произведениях, просто исчезает. Остается одна единственная реальность — нация. И оказывается, коммунизм ведет борьбу не против свободы человека, именно свободы каждого отдельного человека, а только против национальной жизни. Причем даже другой мотивировки для поступков человека, кроме "поисков своих религиозных и национальных истоков", Солженицын вообще не видит. Поэтому совершенно логично его осуждение выехавших из Советского Союза по израильской визе, но не уехавших в Израиль, а выбравших своим местожительством какие-либо другие демократические страны. Желание жить и творить свободно, просто быть свободным как мотивировка для поступков человека в политических статьях и выступлениях Солженицына отсутствует полностью. И даже национальная принадлежность, по Солженицыну, определяется "не одним происхождением, ... но душой, но направлением преданности". Не трудно себе представить, какое огромное число русских людей, то есть все, не разделяющие взгляды Александра Исаевича, включая Сахарова и Бердяева, а не только Брежнева, оказались бы исключенными из русского народа. Как это ни прискорбно, но все же и Леонид Ильич Брежнев по национальности — русский. Вот из этого оригинального определения национальности по идеологической преданности совершенно логично вытекает и утверждение Солженицына, высказанное им в известном интервью для Би-Би-Си полтора года тому назад: "Не может быть, чтобы тысячелетнее существование нашего народа в какой-то еще неизвестной нам форме не пересилило 60-летнего оголтения коммунистов! Все-таки наша жила крепче, и мы должны пересилить их, отряхнуться от них!" (Журнал "Посев" № 4, за 1979 год).

Само собой понятно, что если единственную реальность представляют нации, то, конечно, только национальное возрождение может противостоять коммунизму. Солженицын в этом настолько не сомневается, что даже пишет: "Ибо только национальные характеры во всей истории создавали общества". Пишет он это, находясь в стране, которую и сам признает все еще сильнейшим оплотом против коммунизма, в стране, созданной именно выходцами из всевозможных европейских наций, видящих в духовной свободе ценность высшую, чем принадлежность к своей национальной родине. Кстати, всякий национализм, всякое общество, построенное на началах националистических, не может не быть антисемитским, хотя, конечно, антисемитизм может принимать намного более мягкие формы, чем в нацистской Германии или в Советском Союзе. В фашистской Италии евреев не уничтожали, и тем не менее никак нельзя утверждать, что еврей был равен в правах с итальянцем. Если единственной, важнейшей реальностью является национальная, и если жизнь общества определяют "национальные чувства, национальный дух и национальная

душа”, — то само по себе происходит то, что люди, не имеющие этого духа, души и чувств, воспринимаются как инородное тело или даже как болезненные бактерии. Опять-таки, благодаря смешению, производимому Солженицыным, национального, религиозного и православного, Солженицын смог заявить, что “Эти люди (имеет в виду своих критиков — М. М.) и эти перья... бесстыдно сплетают православие с антисемитизмом, даже отождествляют их”. (Статья “Персидский трюк”, *Русская мысль* от 22 ноября 1979 г.) Критиковали ведь национализм за антисемитизм, а не православие.

Мысленно озирая солженицынские произведения, что-то никак не могу вспомнить образ русского националиста. Среди заключенных, описанных Солженицыным в “Одном дне Ивана Денисовича”, в “Круге первом”, в “Архипелаге ГУЛаг” с большой художественной силой изображены десятки и сотни заключенных — эсеры, и принадлежавшие к всевозможным внутрипартийным оппозициям, и религиозники, и иностранцы, и украинские да балтийские националисты, и “истинные ленинцы”, попавшие главным образом в лагеря за то, что критиковали Сталина с марксистско-ленинских позиций, а к таким принадлежал и сам Солженицын в то время, когда его посадили. Вспоминаются описанные Солженицыным бывшие власовцы, пленные немцы, русские эмигранты антикоммунисты, добровольные возвращенцы с Запада, служащие Китайской восточной железной дороги, оптом посаженные в лагеря, редкие монархисты, раскулаченные крестьяне и многие, многие другие. И все же никак мне не удается вспомнить образ русского националиста. Очевидно, такие люди, как Огурцов или Осипов — явление новейших дней. И тем не менее, в этом нет ничего странного. Русский национализм такого типа, какой проповедует Солженицын, не говоря уж об Осипове, — явление в некотором смысле совершенно новое. На протяжении всего 19-го столетия, во время расцвета великой русской культуры, можно буквально на пальцах одной руки насчитать всех выдающихся деятелей русской культуры, ратующих за “национальное самосознание”. Банальным стало уже повторять, что непреходящей ценностью великой русской литературы является именно всечеловечность, христианский универсализм, но ни в коем случае не русский национализм. И это совершенно понятно: национализм является болезненной реакцией угнетенных, обиженных людей и народов, и поэтому маленькие народы намного более примчивы к националистической идеологии, чем большие. Национализм можно рассматривать как симптом и реакцию на болезненное состояние, но ни в коем случае не как средство излечения общественного организма.

Очевидно, именно потому что я воспитан почти что исключительно на русской литературе и культуре 19 столетия, а также и потому, что я прожил почти что всю жизнь в многонациональной стране, в которой все еще свежо воспоминание о кровавой междунациональной

резне и разгуле многочисленных национальных страстей, в результате чего все еще в Югославии коммунисты успешно поддерживают свою диктатуру, — у меня нет никаких симпатий к какому-либо национализму: русскому, сербскому, хорватскому, еврейскому или же французскому. Поэтому я себя так прекрасно чувствую в космополитическом Нью-Йорке. Однако, будь я националистом, то, по правде говоря, я бы обиделся на Солженицына. Дело в том, что, несмотря на свое преклонение перед "национальным духом, душой и чувствами", Солженицын не находит лучшего сравнения, чем постоянное уподобление национализма лошади. В статье "Чем грозит Америке плохое понимание России" даже есть такой подзаголовок — "Когда коммунизм едет верхом?". Конечно, как пишет Солженицын, "коммунизм оседлал русский национализм, убийца оседлал полуубитого", "оседлание спасло западный мир от Гитлера", и так еще десяток раз спрягается глагол "оседлать" с маленькими вариациями, как "толкать конем под коммунистического всадника", а в статье "Коммунизм: у всех на виду — и не понят" можно прочесть даже такое интересное политически-кавалерийское предложение: "Сейчас коммунистическая верхушка со своей одряхлевшей идеологией снова мечтает оседлать русский национализм для своих имперских целей, — а такие западные руки толкают коня под всадника — под всадника против себя самих! — не оставляя коню никакого другого выхода, никакой надежды". (*Русская мысль*, Париж, 21 февраля 1980 г.) Будь я националистом, с полным набором националистических "души, духа и чувств", — право я бы обиделся за такое сравнение. Да и странно как-то, коммунизм то сравнивают со всадником, а то с болезнью. Но и во втором сравнении Солженицын не совсем прав, утверждая, что мы не смешиваем человека с его болезнью, и требуя того же самого по отношению к болезни общества — тоталитаризму. К сожалению, очень часто мы все еще смешиваем болезнь и человека и поэтому говорим: прокаженный, сифилитик, сумасшедший.

Потеря художественного чувства у большого писателя является первой и вернейшей приметой того, что он занимается делом, к которому у него нет никакого призвания. Должен признаться, что меня просто коробило от вот таких стилистических перлов: "коммунистические убийцы народной души", "зарезать Россию кривым ленинским ножом", "соскрести Россию с лица земли брежневским бульдозером", "откормленный дракон коммунизма, занесший ракетно-танковую лапу", "освобождение от коммунистической чумы", "помощь кровавого Сталина", "мерзость коммерческих передач", "кровожадно-империалистическое развитие коммунизма", "трусливый террорист в Западной Европе" (террористы, конечно, злодеи, однако назвать их трусами вряд ли верно), "злое Полютбюро" и так далее, и так далее. Осуждая профессора Пайпса за тенденциозный

подбор подходящих для его тезисов русских пословиц, Солженицын пишет: "На меня этот прием производит такое же впечатление, как, вероятно, на ухо Растроповича произвел бы волк, севший играть на виолончели". Разве в самом деле один и тот же человек написал "Один день Ивана Денисовича", "Архипелаг ГУЛаг", "Бодался теленок с дубом" и эти статьи, переполненные убогими метафорами с конем и волком, да такими детски-банальными выражениями, как "кривой ленинский нож", "кровавый Сталин", "злое Политбюро"?

А стоит ли говорить о таких нелепостях, как "парашютный десант на заводскую крышу" для разгона голодных рабочих забастовок, или же утверждение Солженицына, что "несчастных крымских татар сегодня не пускают в Крым по той единственной причине, что они стеснили бы охотничьи угодья Брежнева". Парашютные десанты ни на заводские, ни на какие другие крыши просто невозможны. В села и в дома выселенных крымских татар поселились другие люди, а отнюдь их деревни не были превращены в охотничьи угодья. Очевидно, существуют более веские причины, почему советские руководители не позволяют крымским татарам вернуться, чем охрана охотничьих угодий. Все это, конечно, пустяки по отношению к основной неправде статьи Солженицына, однако требования читателей к нобелевским лауреатам всегда очень большие.

Как это обыкновенно водится, у Солженицына нашлось сразу же немало последователей. Когда недавно, во время московской Олимпиады, в Италии был напечатан экземпляр якобы "Правды" с антикоммунистическим содержанием, то оказалось, что он весь выдержан в духе солженицынского национализма. Вот что, например, в статье "Логика самоопределения" написал Василий Бетаки: "Борьба за национальную независимость других народов — самое действенное оружие против тоталитаризма вообще, ибо он может держаться лишь в государстве многонациональном, действуя по принципу "разделяй и властвуй". Следовательно, задача борьбы против тоталитарного коммунизма — это прежде всего борьба национально-освободительного характера". И дальше: "Главная сила современности — национальное самосознание". Не надо бы обращать внимание на то, что по Бетаки — "задача борьбы... прежде всего борьба", однако смехотворно утверждение, что тоталитаризм возможен только в многонациональных государствах. Первое европейское демократическое общество создала именно многонациональная Швейцария, а величайшая демократия нашего времени — также многонациональная Америка. И, наоборот, коммунистический тоталитаризм процветает и на Кубе, и в Албании, и в Румынии, то есть в странах совершенно национально однородных. А как обстоит дело с Китаем? Если считать, что Китай не многонациональная страна, то, очевидно, Бетаки неправ, взяв во внимание, что китайский тоталитаризм в полном расцвете. Если же считать Китай

многонациональной страной, то, очевидно, ликвидация коммунистической диктатуры в Китае будет означать и его раздробление на несколько десятков государств. Ведь в Китае нет даже общего языка, и жители разных провинций могут общаться только с помощью иероглифов, единых для всех, — главным же ханьским наречием, которое изучают иностранцы, пользуется и понимает его только одна десятая часть китайского народа. Как быть? А если же серьезно поверить Солженищину в том, что дореволюционная Россия в самом деле была такой замечательной, здоровой, свободной страной, то тоже не совсем понятно, как это — ведь Русская Империя была именно многонациональной.

Дело просто в том, что совершенно никакого значения не имеет по отношению к коммунистическому тоталитаризму — многонационально государство или нет. Так же, как существуют многонациональные демократические общества и национально однородные демократические страны, существуют и многонациональные тоталитарные государства и национальные тоталитарные. По существу национальной может быть только культура и быт, а не общественно-политический и государственный строй. Общественно-политический строй может быть только или недемократическим или демократическим. В национальной коммунистической Албании не больше свободы, чем в многонациональном Советском Союзе. Демократическая Дания или Норвегия мало чем отличаются от демократических многонациональных Соединенных Штатов. Поэтому верно сказать — *национальное само по себе, а тоталитаризм сам по себе*. И видеть в возрождении идеи национального государства панацею против тоталитаризма просто нелепо. Нелепо тем более, что ныне даже исторически сложившиеся большие национальные объединения, какими являются Франция, Испания, Англия, например, все чаще бывают потрясены возрождением маленьких местных национализмов, как например бретонский, корсиканский, баскский, шотландский, уэльский и т. д. Именно этот процесс показывает, что даже без всякого коммунистического влияния идет раздробление больших национальных организмов и подготовка человечества к общемировому единению. Конечно, вопреки желаниям носителей нынешних мини-национализмов, ведущих борьбу с макси-национализмами. Я глубоко уверен в том, что если осуществится идея Солженищина о возрождении России как национального государства, очень скоро и в России можно будет наблюдать то же самое, что ныне происходит во Франции, Испании или Англии, то есть возрождение или же рождение местнических "национализмов" с идеями независимой "Казакии" или "Уралии", ныне существующих только в резолюциях американского Конгресса. Все это показывает, что даже национализм демократических стран отжил свой век, и что дело идет в общемировом масштабе к поляризации между такими

обществами как многонациональная демократическая Америка, с плюрализмом всевозможных культур и традиций, и тоже многонациональным, но тоталитарным строем, с полным подавлением всех вообще национальных культур и традиций. Проповедь Солженицыным возрождения русского национализма является ни в коем случае не выходом из тоталитарного тупика, а попыткой возврата в предтоталитарную, предкоммунистическую эпоху. Необходимо подчеркнуть, что раздробление больших национальных объединений на меньшие местные национальные единицы отнюдь не являются концом этого процесса. Возможные национальные объединения басков, корсиканцев, бретонцев, белоруссов, украинцев и т. д. сами по себе были бы подвержены ударам еще более местных "национализмов". В крайнем пределе речь идет о раздроблении на роды, семьи или даже одиночки. Выходом из этого заколдованного круга все более умножающихся "национализмов" является только интернациональная борьба за права отдельного человека, интернациональная именно потому, что нет и не может быть никаких национальных прав личности. *Немыслимы русские, немецкие или китайские права человека.* Моральная величина нынешнего Израильского государства отнюдь не в том, что оно в некоторых аспектах является теократическим, а, наоборот, в том, что, несмотря на десятилетия полувоенного положения, Израиль является демократической страной, в которой свободно и нормально существует коммунистическая партия (до недавнего времени — даже две).

В нынешней борьбе между коммунистическим тоталитаризмом и демократией, конечно, западные демократические государства очень и очень виноваты. Однако, как раз в противоположном тому, в чем их обвиняет Солженицын. Несчастье как раз и состоит в том, что большинство западных государств, включая даже США, придерживается тех самых принципов, за которые ратует автор "Архипелага ГУЛаг". Не в том виноваты западные демократии, что не поддерживают так называемого "национального возрождения", а в том, что недостаточно поддерживают борьбу за интернациональные, универсальные права человека. Не в том беда, что природа коммунизма "антинациональна" (антинационален и всякий национализм по отношению к маленьким местным национализмам), а в том, что он подавляет свободу каждого отдельного человека, вне зависимости от его национальной принадлежности или так называемого национального самосознания. И так как путь планетаризации человечества необратим, в чем и состоит правда "пролетарского интернационализма", то попытка Солженицына вернуть вспять историческое развитие может только прибавить силы международному тоталитарному движению. Ну, что же, остается только и Сахарову, и Джиласу, и мне, и многим другим неустанно повторять западному демократическому миру,

что в наше время планетарного столкновения между демократией и тоталитаризмом нет более опасной дороги для защиты демократии и противостояния коммунизму, чем та, на которую зовет Солженицын.

Национализм и авторитарность

Возвращение к поклонению дохристианской идее духовно-национального вполне законно приводит к критике демократии и к восхвалению авторитарного строя. Хотя в статье "Чем грозит Америке плохое понимание России" Солженицын оговаривается, что у него насчет выбора между демократическим и авторитарным строем для будущей России нет окончательного мнения, однако именно в этом своем выступлении он подверг критике не только недостатки демократии, но и самую ее идею. В этом смысле данная статья является принципиально новой по отношению к предыдущим политическим высказываниям Александра Исаевича. Вот что он пишет: "По исконным русским представлениям, истина не может быть найдена голосованием, большинству не обязательно лучше видеть ее (а по особенностям массовой психологии скажем чаще и хуже)... Создание партий, то есть частей, борющихся за свои частные интересы за счет других частей народа, представляется нелепостью. (Да и не соответствует достоинству человечества, каким ему пора бы стать)". И дальше: "Я не считаю, что осуществлялась воля английского народа, когда Англию годами губило лейбористское правительство, избранное всего лишь сорока процентами населения. Или воля немецкого народа, когда левый блок имел в парламенте перевес на одно место. Или воля всякого народа, когда половина его, разочаровавшись, не является к избирательным урнам. Я не могу отнести к достоинствам демократий их бессилие против малых террористических кучек или расцвета гангстеризма или безудержной наживы капиталистов в ущерб морали народов. И я напомним, что страшный тоталитаризм, родившийся на земле, скажем, четырежды, ни один раз не родился из авторитарной системы, но всегда из слабых демократий: февральской, веймарской, итальянской, чан-кай-шистской. А ведь большая часть государств в человеческой истории были авторитарными, — а вот тоталитаризма никогда не рождали".

Совершенно верно то, что демократии пока что не нашли способа борьбы с терроризмом. Однако, не нашли этого способа и авторитарные страны. Несмотря на весь разгул терроризма в Западной Европе, он ни в какой счет не идет с терроризмом в правых авторитарных странах, например, в Южной Америке. Успешно бороться с терроризмом пока что может только тоталитарный строй, сам по себе являющийся террористической властью. Полностью ликвидиро-

вали гангстеризм, и вообще организованную преступность, только Гитлер, Муссолини, Сталин, Мао Цзе Дун. Утверждать, что авторитарные страны на протяжении всей истории никогда не порождали тоталитаризма — просто бессмыслица. Тоталитаризм — явление XX столетия, и утверждение Солженицына ничем не более оправдано, как если бы мы сказали, что средневековые войны были гуманнее чем нынешние, так как их участники ни разу не сбросили атомной бомбы. Наоборот, все, абсолютно все нынешние тоталитарные страны — это страны с вековой авторитарной традицией, не сумевшие вовремя стать демократическими. И ни одна единственная демократическая страна не подпала под коммунизм, если не считать советских завоеваний Второй мировой войны в Восточной Европе. Необходимо также подчеркнуть, что и немецкий народ не избрал Гитлера в диктаторы, а что Гитлер после успеха его партии на выборах, и после того, как он стал канцлером, — совершил, по существу, государственный переворот и разогнал оппозиционные партии, воспользовавшись поджогом Рейхстага. О демократии в Китае говорить вообще не приходится, однако нельзя забывать, что началом долголетней гражданской войны, приведшей коммунистов к власти явилась резня всех левых элементов в Шанхае и Кантоне в конце двадцатых годов. С полным основанием можно сказать, что авторитаризм удобряет и подготавливает почву для тоталитаризма. Конечно, тоталитарный строй нельзя просто назвать *продолжением* авторитарного. Однако, соотношение тут можно сравнить с курением табака и раком легких. Рак легких ни в коем случае не является *продолжением* курения, однако курение его подготавливает. Менее всего можно противостоять тоталитаризму авторитарным строем.¹

В то время, как демократический строй не устраняет возможности процветания национальных культур и национальной самобытности, — к примеру, Франция и Япония, демократические страны, тем не менее это два различных мира, — общества, построенные не на демократическом, а на национальном принципе, то есть в которых идея и суверенитет национального бытия ставится выше прав отдельного человека, не могут не быть авторитарными. Ну, к примеру, Солженицын преклоняется перед идеей вечной России, а другой кто-нибудь предпочитает копченую колбасу. В демократическом обществе это нормальное повседневное явление, не вызывающее никаких трений по той причине, что свобода отдельного человека является краеугольным камнем демократии. Если же этим краеугольным камнем становится так называемое "национальное бытие", то само собою дело доходит до создания авторитарного строя, так как никаким другим путем невозможно заставить людей преклоняться перед одной единой ценностью или же делать вид, что они преклоняются. Солженицын ссылается на то, что он имеет в виду "авторитарный

строй, основанный на человеколюбии,... авторитарность — с твердой реальной законностью, отражающей волю населения,.. устойчивый спокойный строй, не переходящий в произвол и тиранию,.. отказ от негласных судов, от психиатрического насилия, от жестокого мешка лагерей... допустить все религии без притеснений,.. свободное книгопечатание, свободная литература и искусство". Эх, и угораздило же написать человека! Все это — твердая реальная законность, отражающая волю населения, строй, не переходящий в произвол и тиранию, и все остальные свободы еще как существуют, однако исключительно в демократическом обществе. Никогда не было, нет и быть не может *по определению* такого авторитарного строя. А что, если "по особенностям массовой психологии" большинство не будет ставить интересы "вечной России" над интересами, ну, скажем, личной свободы? Или вдруг станет объединяться в политические партии, против чего выступает Солженицын? Как же тогда со всеми свободами? Или же свободы относятся только к тем, признающим главенствующую идею самого Солженицына? Солженицын, конечно, прав, что истина не может быть найдена голосованием, однако нигде никто никогда и не ищет истину голосованием. Голосованием определяются цели и методы демократического общества, что, конечно, не имеет ничего общего с поисками истины. И нет ничего хуже и опаснее, как связывать политическую и государственную жизнь с вопросом об истине. Все равно, идет ли дело об "единственно истинном марксистском мировоззрении" или о "вечных, непреходящих истинах православной церкви". Как бы то ни было, в обществе, где существуют такие свободы, какие Солженицын приписывает своему воображаемому авторитарному строю, само собою сразу бы сложились политические партии. Позволительно заметить, что "достоинству человечества, каким ему пора бы стать", менее всего соответствует единомыслие, что в сфере общественной является отсутствием политических партий. Ну, вот, к примеру, в уже упомянутой недавней статье "Тревожное время" Сахаров пишет: "В перспективе, вероятно, нужна многопартийная система и устранение партийной монополизации всей идеологической, политической и экономической жизни". ("Новое Русское Слово" от 14 июня 1980 г.). Можно было бы процитировать десятки и десятки схожих утверждений советских и несветских диссидентов, ратующих именно за многопартийную плюралистическую систему. Значит, самоочевидно, что взглядов Солженицына очень и очень многие не разделяют. Значит — взгляды Солженицына являются взглядами одной части (часть — это и есть парт, партия) русского народа, и посему их можно назвать сугубо *партийными*. Вот поэтому *всякая борьба против многопартийности по существу является не чем иным, как борьбой за монополию своей партии, монополию своей политики и идеологии*. Это так же верно в отношении

к Солженицыну, как и к "единственно истинной научно-марксистской идеологии". И совершенно прав профессор Роберт Такер, написавший в ответ на солженицынскую статью в следующем номере "Foreign Affairs", что идейно-политические взгляды Солженицына разделяются некоторыми людьми в России и некоторыми людьми на Западе, однако так как очень многие в и в России, и на Западе придерживаются прямо противоположных мнений, то нет никакого основания считать, что Солженицын представляет "русский взгляд на мир и историю", которому якобы противостоит западный, как это Солженицыну кажется.

Перед лицом ужасающей политической, духовной, информационной и экономической ограниченности, в которой живут люди в коммунистических странах, совершенно уж фантастически звучит уверенность Солженицына в том, что только самоограничение может спасти нынешний мир. Солженицын так и пишет: "А я — не вижу никакого спасения человечеству, кроме самоограничения каждого человека и каждого народа. И в этом — дух идущего сейчас в России религиозно-национального возрождения". Очевидно, призывы к самоограничению направлены не по адресу, и надо думать, что Солженицын имеет в виду западный мир, а не Россию. И в западном мире, это следует из всех высказываний Солженицына, "самоограничению" на первом месте подлежит плюрализм, многопартийность и вообще "чрезмерная свобода". Вот как это самоограничение толкует один из последователей Солженицына Владислав Краснов в статье "Русский склад ума и западное состояние умов":

"По мере того, как нынешнее пораженческое состояние умов на Западе будет увеличивать угрозу окончательного соблазна коммунистическим тоталитаризмом, западные демократии неизбежно окажутся перед выбором: или доказать свою жизнеспособность посредством самоограничения своих свобод, как это было сделано, например, в борьбе с национал-социализмом и фашистским тоталитаризмом, или уступить свое место более авторитарным режимам, тысячелетняя история которых доказывает, что они не только сами по себе никогда не приводили к тоталитаризму, но и могут послужить наиболее надежным заслоном демократии против тоталитарной угрозы... Все остальное — перекладывание вины, но не с больной головы на здоровую, а с дурной на несчастную: с западного состояния умов на русский склад ума. Как рыба гниет с головы, так и современное человечество — с Запада". (Журнал "Континет" № 17.)

А вот другой последователь Солженицына: "Для свободного мира более важен вопрос о самоограничении прав и более трезвом осознании опасности, исходящей с коммунистической стороны... Страшные тучи нависли над Южной Кореей, и сегодня еще неизвестно будущее этой страны, но кое-какой урок извлечь уже можно: борьба

за права человека больше расшатывает свободные страны с ограниченными правами человека, чем коммунистические государства, в которых человек вообще никаких прав не имеет. Борьбой за гражданские права в Южной Корее скорее всего воспользуются коммунистические "друзья" южнокорейского народа... Правозащитное движение в коммунистических странах является такой же иллюзией, как и мнимая разрядка, его породившая. Как и всякая иллюзия, она — наравне с той же "разрядкой" — уводит человечество от решения действительно насущной задачи — защиты от угрозы коммунистического рабства". (Макс Шендер в статье "Права человека: реальность и заблуждение", *Новое Русское Слово*, 17 июля 1980 г.)

Даже "идеологическое" неприятие Солженицыным джазовой музыки нашло своих последователей: "Во многих домах и хижинах на Филиппинах, несмотря на скромность их быта, красуются японские стереофонические установки. По вечерам и в выходные дни эти "хай-фай" изрыгают на полную громкость децибеллы американской музыки "диско", рок и поп. Тут вам и сексуальные судороги, и зарифмованные барабанные призывы сокрушить и растоптать "несправедливый капитализм", и несколько устаревшие антивоенные шлагеры типа "Феликс, не будь героем". Короче — весь аморальный набор, сработанный с известной целью: расшатать устои общества, деморализовать, оболванить народ". (Т. Шуман, статья "Письма из Манилы", *Новое Русское Слово* от 12 августа 1980 г.)

Что же это такое, что дает возможность расшифровать "зарифмованные барабанные призывы сокрушить и растоптать" демократический мир? На это, очевидно, отвечает еще один последователь Александра Исаевича: "Возникает вопрос: почему, что ни возьми, видение Солженицына предстает более истинным, более глубоким, наконец, более отвечающим "последнему слову науки"? Ответ прост: дело в занятой им духовной позиции. С вершин религии видно больше, чем из долин (даже цветущей) культуры... Он знает то, о чем говорит. Его оппонент этого не знает, его суждение штамп либерала, априорно уверенного в преимуществах парламентаризма над авторитарной властью". (Борис Параманов, статья "Религиозная правда и либеральный миф", газета *Русская Мысль* от 3 апреля 1980 г.)

После всего этого почти что не удивляет заявление Александра Гинзбурга: "Я думаю, что поэтому сегодняшние разговоры о завтрашней демократии в России — споры просто праздные, и что к нам в страну свобода придет раньше демократии, а если мы сумеем добиться свободы, то тогда решим, какой строй будет завтра, но еще и до этого очень далеко". (Из выступления Александра Гинзбурга в Париже, *Русская Мысль* от 28 декабря 1979 г.)

Как это все схоже с советским отрицанием "формальной демократии буржуазного мира", с советской уверенностью, что только

обладая "единственно истинной идеологией", можно постигать глубокую сущность явлений, и даже с тем, что барабанная джазовая дробь подрывает основы общества. Кстати, я уже 2 года живу в Америке и слушаю только классическую музыку. Для этого мне нет надобности переводить радио с одной станции на другую, как в Европе, так как здесь существует немало радиостанций, 24 часа транслирующих только лучшую классическую музыку. Совершенно непонятно, что же это заставляет Солженицына слушать звуки, которые он не любит. И является законный вопрос — запрещен ли был бы джаз в "человеколюбивом авторитарном строе"? Или же самоограничение будет касаться только политической сферы, а не музыкальной, несмотря на подрывную деятельность барабанов? — Неясно.

Как не вспомнить слова умнейшего Г. П. Федотова: "Мы живем среди людей, сделавших из отрицания большевизма свое исповедание веры... В сущности многие из нас вполне готовы к тоталитарному строю — только, конечно, не коммунистическому. Для многих важнее не свобода, а символы, во имя которых попирается свобода. Они предпочитают символ нации символу пролетариата, двуглавый орел — серпу и молоту. Вот и все. Борьба идет не за свободу и даже не за Россию, а за СВОЮ Россию". (Статья "Завтрашний день" в журнале *Современные записки*, № 66, Париж, 1938 г.) Недавно почти то же повторил Милован Джилас в "Диалоге" с В. Белоцерковским: "Я, между прочим, не верю в отмирание религии. Да и что есть, что не религия? Однако, объединение религии и политики, то есть клерикально-авторитарный порядок, сегодня может иметь лишь катастрофические последствия как для религии, так и для политики. То, что существовало на протяжении веков, не обязательно должно существовать и впредь. Петр Великий и Ленин продемонстрировали последствия объединения религии и политики, или идеологии в качестве религии. Я могу допустить, что Россия снова станет православной, но не верю, что православие могло бы руководить русским государством и русской политикой. И что выиграла бы Россия, что выиграл бы мир от смены одного авторитарного режима другим? Россия имеет — и какая нация не имеет — свою специфику, свой специфический путь развития. Но формы будущего развития жизни и то, какой облик примет свобода, нельзя предвидеть. Возьмем конкретно свободно избираемые институты, законы, свободу совести, свободу личности и слова. В них достаточно простора для специфических национальных черт... Да, Запад переживает кризис... Многие, в частности и в России, уже 150 лет — кто начал первым? — говорят о загнивании и гибели Запада. Но демократический строй может и до определенной степени терпеть загнивание. Это в его природе. Без такого "загнивания" или брожения нет ни свободы, ни омоложения. В различных же предсказаниях катастрофы Запада путают кризис отдельных форм,

экономических и социальных, с кризисом сознания и демократических методов. Но методы и сознание на Западе не переживают кризиса, по крайней мере катастрофического... Но я люблю свою страну и считаю любой авторитаризм неприемлемым ни для себя, ни для своей страны. Я знаю по собственному опыту: чем сильнее власть, которая руководствуется "самым передовым учением" на правах истинной веры, тем слабее человек и сильнее ущемляется человеческое достоинство". (Журнал "Синтаксис", № 6, Париж, 1979 г.)

Совершенно последовательно, с национально-авторитарных позиций, такие право-диктаторские страны как Филиппины или Южная Корея провозглашаются "бастионом антикоммунизма". В то время как рабочие забастовки и требования интеллигенцией свободы слова и свободных выборов в Польше и в других коммунистических странах оцениваются положительно, точно такие же рабочие забастовки и выступления интеллигенции в право-авторитарных странах расцениваются типично в советском духе как провокация коммунистической агентуры. Оказывается, угроза со стороны соседних коммунистических стран оправдывает "самоограничение" свободы, то есть попросту введение диктатуры. (См. статью "Борьба с оппозицией в Южной Корее", П. Маргушина, *Новое Русское Слово*, от 4 сентября 1980 г.) Как известно, именно так оправдывалась ликвидация демократических свобод и откладывание до бесконечности свободных выборов в Южном Вьетнаме еще со времен Нго Дин Дьема. Плачевные результаты вьетнамского конфликта прекрасно известны. Однако, нет еще исторического примера, что страна, в которой демократия не была бы "самоограничена", страна, в которой не запрещали бы коммунистическую партию, — подпала бы под коммунизм. Поэтому с полным правом можно сказать, что право-авторитарные страны являются просто *пятой колонной* коммунистического тоталитаризма. Столкновение идет между демократией и тоталитаризмом, и всякое "самоограничение" демократии и свободы идет только на пользу тоталитаризму и ослабляет сопротивляемость демократии. *Запрет коммунистической партии в какой-либо стране мира можно расценивать как первый шаг к коммунистической диктатуре.*

К сожалению, западные демократии и Соединенные Штаты все еще, так же, как Солженицын и его последователи, расценивают правые диктаторские режимы как бастион антикоммунизма. Вина Запада отнюдь не в том, что он якобы пытается насадить во всем мире демократию, без всяких "самоограничений", а, наоборот, в том, что на деле Запад, к сожалению, чересчур часто поддерживает страны с существенным "самоограничением" свободы, в результате чего побеждают коммунисты. Пример Ирана является прекраснейшей иллюстрацией этого. Четверть века Соединенные Штаты поддерживали право-авторитарный режим иранского шаха и закрывали глаза на

расправу иранской полиции со всяким инакомыслием даже за границей, даже на территории Соединенных Штатов (как это происходит и ныне с югославским коммунистическим режимом — тоже "союзником" Америки). Когда 6-7 лет тому назад в Иране начало крепнуть прозападное демократическое оппозиционное к шаху движение, то оно не получило никакой поддержки демократического мира, и иранский режим расправился с движением тюрьмами и убийствами, при полной поддержке Запада. Само по себе понятно, что антидиктаторское движение, не получающее поддержки демократических стран, становится антизападным и антидемократическим. Приход к власти фанатика Хомейни не является результатом того, что Соединенные Штаты начали борьбу за права человека в Иране, а, наоборот, — потому что они начали слишком поздно.

Несмотря на то, что Солженицын в своей статье "Чем грозит Америке плохое понимание России" впервые критикует *саму идею демократии*, плюрализма и свободных выборов, — он все же оговаривается, что авторитарный строй он видит лишь как переходный для посткоммунистической России. В то время как авторитарные страны со слабыми демократическими традициями легко и быстро переходят в коммунистический тоталитаризм, весь опыт борьбы с коммунистической диктатурой в восточно-европейских странах и Советском Союзе говорит о том, что из коммунистического тоталитаризма переход возможен только в демократический плюралистический правовой строй, а ни в коем случае не в авторитарный. О причинах этого прекрасно писал священник Михаил Меерсон-Аксенов: "Много говорилось о неспособности русского человека к демократии... Об отсутствии необходимых для нее психологических предпосылок: уважения к человеческой личности, любви к свободе, инициативы, индивидуальной ответственности. Таковы и в самом деле были плоды своеобразия исторического развития России. Однако, при этом забывается, что существуют периоды стремительного взросления нации, и одним таким периодом для России стал, увы, коммунизм. В результате в советской действительности появилась новая и очень прочная основа демократии, которой, оказывается, лишены очень многие страны и культуры с длительными либеральными традициями. Эта основа — *опыт* тоталитаризма, идеологической демагогии и общенародных страданий, опыт трагического бесправия личности перед лицом насилия. Доказательством тому служит стихийное распространение *правового движения*... Правовое движение поэтому подавить вообще невозможно, ибо оно питается не интеллигентской оппозицией, не программой, не идеологией, а пробуждающейся общенародной жадой *справедливости, права*, личной безопасности перед лицом государства. Оно беспартийно и безнационально, но по природе своей человечно, поскольку ставит целью своей защиты ЧЕЛОВЕКА от

произвола власти. Но по существу именно принцип суверенитета личности, ее ограды от произвола коллектива или государства есть та *основа* демократии, лишь служебными средствами которой являются многопартийность и парламентарная система". (Статья в сборнике "Самосознание", издательство "Хроника", Нью-Йорк, 1976 г.)

Вот этот опыт тоталитаризма, думается, будет сильнейшим препятствием к возникновению русского, да и всякого другого, авторитаризма в странах, переживших коммунистический тоталитаризм, несмотря на все призывы Солженицына и его единомышленников. Все мы, живущие на Земле, на планете, ставшей в результате технического развития очень маленькой, имеем совершенно равные права вне зависимости от принадлежности к какой-либо нации. Чрезвычайно симптоматично то, что в самых передовых и развитых странах, как например Швеция, ведется очень успешная борьба даже за то, чтобы равноправно и свободно участвовали в политической жизни не только шведские граждане, но и рабочие из южно-европейских стран, приезжающие на определенное время в Швецию. Надо думать, что если демократический мир все же в предстоящем столкновении одолеет тоталитаризм, то никаких национальных объединений, государств, основанных по национальному принципу, вообще в мире не будет. А национальными останутся только культуры. В наше время в самом деле происходит поляризация между тоталитаризмом и демократией, но ни в коем случае не между тоталитаризмом и национализмами. Так называемое "возрождение национализма" является возвратом на исходные позиции, с которых и началось победное шествие тоталитаризма.

Солженицын, конечно, прав, что вредно и неверно отождествлять коммунизм с русским народом или же с китайским и т. д. Несвобода, так же как и свобода, не имеет национальных признаков. Когда некоторые западные обозреватели приписывают все грехи коммунистической диктатуры русскому народу, то они делают то же самое, что и Солженицын, утверждающий, что русский народ ничего общего с коммунизмом не имеет. Коммунистический тоталитаризм так же мало или так же много присущ русскому национальному характеру, как и национальным характерам какого-либо другого народа, несмотря на то, что, конечно, тысячелетняя авторитарная традиция русского государства во многом подготовила почву для него. Поэтому считать русский большевизм чем-то завезенным из-за границы просто смешотворно. К сожалению, в каждом народе, в каждом обществе, включая даже Соединенные Штаты Америки, антидемократические и тоталитарные идеи и движения находят всегда немало последователей. В Соединенных Штатах это не только левые студенческие группировки, но и мощные правые организации, с восторгом воспринимающие критику демократии со стороны

Солженицына. И тем не менее сетования Александра Исаевича по поводу "конца связи с землей, последнего конца национальных традиций, быта, очевидно — и народного характера, конца русского пейзажа", — не могут не вызвать улыбки даже у самых правых американцев. В Соединенных Штатах в "связи с землей", в земледелии живет и работает только 3 процента американцев, то есть в 10 раз меньше, чем в Советском Союзе. В Америке этот "отрыв от земли" намного основательнее, чем в России.

Конечно, ничем особенным русская история не отличается от истории всех других европейских стран. Никаких специфических ужасов, которые мы не смогли бы найти в истории Франции, Англии или Германии, не было в русской истории. И тем не менее, Солженицыну надо было бы найти какой-нибудь более веский аргумент, чем просто возмущение по поводу того, что профессор Пайпс в своей книге "Россия при старом режиме" указал на то, что "Уложение о наказаниях Российской Империи" от 1845 года является первым в истории законодательным актом тоталитарного строя. Профессор Пайпс пишет: "Законодательство такого типа и создаваемые для его проведения полицейские органы после революции 1917 года получили распространение сперва в фашистской Италии и в национал-социалистической Германии, а затем в прочих авторитарных государствах Европы и на других континентах. Таким образом, можно с полным основанием утверждать, что разделы 3-й и 4-ый российского "Уложения о наказаниях 1845 года" есть для тоталитаризма то же, что "Магна карта" — для свободы". (Ричард Пайпс, "Россия при старом режиме", Кэмбридж, Массачусетс, 1980 г., стр. 395). Негодованием тут делу не поможешь, факты остаются фактами: юридически тоталитарный строй был заложен именно в российском государстве, хотя сам профессор Пайпс признает, что до 1917 года у власть имущих в России не было никакой физической возможности последовательно применять свои же законы. Правда, в книге профессора Пайпса полностью отсутствуют существование и расцвет величайшей русской культуры и литературы, однако и Солженицын менее всего сетует о загубленной русской культуре, а печалится более всего о "биологическом упадке нации" и об "угнетенном национальном духе". Даже сдачу в плен миллионов красноармейцев в первые годы войны Солженицын объясняет этим самым "угнетенным национальным духом" со стороны коммунистов, а не просто человеческой жаждой свободы. И в то время как в самом деле нельзя сказать, что русские "любят рабство", как это иногда пишут поверхностные западные наблюдатели, к сожалению, самодержавная и авторитарная система Российской Империи действительно явилась подготовкой к коммунистическому тоталитаризму. Как это ни печально, однако большевики лишь увеличили масштабы даже в таком деле как

употребление монастырей в качестве мест заключения, как, например, Соловки. Практически все русские монастыри по совместительству веками служили в то же время и тюрьмами для политических противников. Да и лагерные сроки в 25 лет очень уж напоминают "забывание" крепостных в солдаты на тот же срок.

В то время как нелогично и нелепо приписывать русскому народу "любовь к рабству", совершенно справедливо расценивать историческое русское самодержавие ответственным за подготовку почвы для коммунистического тоталитаризма. В то время, как нет в мире народа или человека, которые добровольно избрали бы рабство, — о чем свидетельствует история многочисленных бунтов, восстаний, выступление декабристов, революционного движения в Российской Империи и позже — в СССР, а потому и обвинять русский народ в "любви к рабству" — нелепо, еще более нелепа защита исторического русского самодержавия. К счастью, в русской истории существует также и традиция борьбы за демократию, за свободный парламент, за свободные выборы. Поэтому есть все основания надеяться на то, что *повторится Февраль* и повторятся свободные выборы в Учредительное Собрание, и никакие враги демократического плюралистического строя с левой или *на этот раз более вероятно с правой националистической стороны*, не смогут его разогнать. Вспоминая слова священника Меерсона-Аксенова о труднейшем тоталитарном опыте, создавшем в людях неприятие какой-либо несвободы, хочется надеяться, что урок Февраля, точнее его конца, будет воспринят правильно. Февраль пал не из-за чрезмерной демократии, а именно из-за того, что вожди Февраля медлили с проведением первых демократических выборов. Падение Февраля учит прямо противоположному тому, что пытается доказать Александр Солженицын. (Интервью Солженицына для Би-Би-Си.)

Несколько заключительных мыслей

Родина человека — это свобода, а не географическая, государственная или национальная принадлежность. В борьбе с коммунистическим тоталитаризмом единственное реальное значение имеют только права человека, каждого отдельного человека и его духовной свободы, и борьба эта совершенно невозможна без духовного и религиозного возрождения, восстанавливающего высшую ценность, — ценность каждой отдельной человеческой личности. Национальное возрождение тут совершенно не при чем, хотя несомненно в будущей демократической плюралистической России, если коммунистический тоталитаризм когда-либо будет уничтожен в мировом масштабе, — "национальная партия" Солженицына, конечно, будет свободно участво-

вать на выборах. До тех пор, пока ценностью высшей, чем ценность отдельной человеческой личности, будет — Россия (или Германия, или Франция), — не выйти из заколдованного круга исторической несвободы. До тех пор пока в свободной русской прессе не будет возможным печатание карикатур главы русского правительства в виде, например, поросенка с перышком в зад, как это возможно во всех демократических странах, — русскому народу быть поработленным. И, не в обиду Солженицыну будь сказано, никакой свободной прессы не может быть, если не будет свободы и для желтой прессы, занимающейся сплетнями. Кстати, даже такая желтая пресса намного больше говорит и читателю, и историку, чем "идеологически выдержанная", представляющая людей, как некие беспольные абстракции, не имеющие никакой личной жизни.

Что же, — замалчиванием делу не поможешь. Идеологическое столкновение между приверженцами плюрализма и демократии, с одной стороны, и Солженицыным с его национализмом, с другой, намного серьезнее, чем столкновение между национализмом и коммунизмом. В одном случае речь идет лишь о смене идеологии, в другом же о ликвидации самой авторитарно-тоталитарной структуры при полном плюрализме всех идеологий, включая марксистскую. Кстати, очень интересно было бы посмотреть на то, как русские националисты смогли бы сговориться, например, с украинскими националистами, причем не в абстрактном признании права на самобытное государство для каждой национальности, а совершенно конкретно — о разделении территорий. Таких же проблем в мире почти столько же, сколько и народов. Даже без постоянной угрозы коммунистического тоталитаризма совершенно немыслима переделка планеты в том смысле, что каждый народ будет иметь свою отдельную территорию и государство. К счастью, для процветания национальных культур и традиций этого отнюдь не требуется. Требуется одно — плюралистическая демократия.

Шесть лет тому назад после известного "Письма вождям Советского Союза" Солженицына я написал, что это "письмо" — при определенном стечении обстоятельств может принести духовный вред, который превысит пользу "ГУЛага". (Статья "Своевременные мысли", *Посев*, сентябрь 1974 г., и *Новое Русское Слово*, август 1974, включена также в данный сборник). Через месяц, в октябре того же года, меня посадили, и на одной пресс-конференции в Швейцарии, на вопрос о моей критике его взглядов Солженицын заявил, что он не считает возможным отвечать человеку, находящемуся в тюрьме. Тем не менее многие другие критики его политических выступлений, как, например, академик Сахаров, Валерий Чалидзе, Борис Шрагин и т. д., не находились в то время или несколькими годами позже в тюрьме, однако ни на один их *аргумент* Солженицын просто

не выдвинул ни одного своего *контр-аргумента*. Боязнь серьезной полемики у Солженицына имеет те же корни, что и у советских идеологов: отсутствие аргументов! В статье "Чем грозит Америке плохое понимание России" он оправдывает это вот таким способом: "Всякое публицистическое выступление неизбежно влечет за собой много откликов — большей частью рассудительных, добросовестных, но зато искажительные всегда крикливо лезут в истерические заголовки, стараются запасть в людскую память, даже и берут верх. По роду своей жизни, работы и принципам поведения я обычно никак не откликаюсь на весь этот ворох". Но вот, что очень симптоматично: если Солженицын все же откликается на этот "ворох" (а в упоминаемой статье он это делает), то отвечает он только на в самом деле несерьезные критические высказывания, оставляя без внимания практически все серьезные аргументы против его идей о демократии, авторитаризме, национализме. И так как ответить ему просто нечего, то он только снова повторяет все те же идеи, уже высказанные в "Письме вождям". Однако, если в русской зарубежной прессе и диссидентских кругах "культ личности" Солженицына помогает замолчать и затушевать тот факт, что его идеи не выдерживают серьезной критики и вызывают отрицательное отношение со стороны большого числа инакомыслящих именно из коммунистических стран, то на такой же прием в западной демократической прессе ему рассчитывать никак не приходится. Как раз на днях в Вашингтоне выходит сборник под названием "Солженицын в Гарварде: его речь, 12 ранних ответов и 6 позднейших очерков", под редакцией Роналда Бермана.* В книге участвуют и идеолог американской

* Книга появилась в Вашингтоне в сентябре 1980 г. в издании *Этического и политического общественного центра*, с предисловием Президента центра Эрнеста Лефевра. В предисловии Лефевр объяснил, почему сборник критических статей о Гарвардской речи Солженицына вышел с таким опозданием. Оказывается, Солженицын не давал разрешения перепечатать его Гарвардскую речь в сборнике, и издателям пришлось добиться права перепечатки через американский суд. Суд в Вашингтоне стал на такую точку зрения, что запрет Солженицына нарушает Первую поправку к Американской Конституции, и так как речь уже была много раз напечатана в газетах, журналах, передавалась по телевидению, — то является общественным достоянием, и поэтому издатели сборника имеют право ее перепечатать. Конечно, сборник без самой речи был бы странным явлением, особенно для Америки. Однако законно задать вопрос — если даже в США Солженицын попробовал препятствовать появлению сборника, критически освещающего его идеи, в чем и преуспел, и оттянул издание ровно на 14 месяцев, — что можно было бы ожидать в других условиях, если бы, скажем, у Солженицына были более широкие возможности? Надо сказать, что этим поступком многие американцы были поражены не меньше, чем самой Гарвардской речью.

социал-демократии Сидни Хук, и гарвардский профессор Ричард Пайпс, и многие другие известные американцы. Подробно анализируя гарвардскую речь Солженицына, большинство американцев, участников сборника, приходит практически к тому же выводу, как и критики Солженицына в диссидентской среде. Коротко можно было бы резюмировать словами американского философа Сидни Хука: "Даже если мы согласимся со многим в обвинениях Солженицына,... несомненно лечением будет не ограничение демократии, а еще лучшая демократия...". Положительнее всего оценил гарвардскую речь Солженицына известный религиозный публицист Майкл Новак, написавший, что "анализ Солженицына является классически-католическим".* Вряд ли эта похвала понравится Александру Исаевичу. Тем не менее, очевидно, Солженицыну придется или в самом деле выставлять какие-то контр-аргументы против аргументов его критиков, или же перестать повторять, как это он теперь делает, одно и то же. К счастью, Соединенные Штаты все еще демократическое государство, без всяких "самоограничений свободы", и в отличие от тоталитарных или авторитарных систем, свои идейно-политические взгляды здесь надо как-то аргументировать (а не только возмущаться!).

С тех пор, как существует мир, все общественно-политические критики разделялись на тех, которые критиковали существующее, имея перед собой картину возможного будущего, и тех, которые идеализировали прошлое. Еще в древнем Риме последних называли *laudatur temporis acti* — те, кто хвалит прошедшие времена. Солженицын именно и принадлежит к таким *laudatur temporis acti*. Однако, именно теперь, когда ведется такая страшная борьба между всемирным рабством тоталитаризма и все еще свободной частью человечества, такая позиция чревата чрезвычайно опасными последствиями. Противостоять коммунизму можно только с пост-коммунистических позиций, а не с до-коммунистических, как это пытается делать Солженицын. Никто не знает, сумеет ли человечество спасти духовную свободу, последнее решающее столкновение еще не началось. К тому же нельзя забывать, что тоталитаризм еще как может изменить свои формы и даже отбросить атеизм. То единственное, чего тоталитаризм никогда не может принять, есть свобода личности. Отнюдь необязательно, что в мировом масштабе победит именно нынешний вариант марксистско-ленинского коммунистического

* Теперь уже и Майкл Новак после статьи Солженицына "Чем грозит Америке плохое понимание России" выступил резко против него, и на "Религиозном семинаре" в Вашингтонском Американском Исследовательском институте", 10-го декабря 1980 г., в своем докладе сравнил Солженицына с Великим Инквизитом Достоевского, не имея понятия об этой моей статье.

тоталитаризма. Возможен вариант еще более худшего, неатеистического тоталитаризма.

В знаменитой легенде о "Великом Инквизиторе", в романе "Братья Карамазовы", Достоевский вложил в уста самого Инквизитора интереснейшее видение будущего, которое настанет после нашей эпохи гуманизма, науки, атеизма и т. д. Достоевский устами Великого Инквизитора отнюдь не предсказывает, после эпохи расцвета атеистической секулярной культуры и всех зверств рабства и тоталитаризма, возвращения ко Христу с его свободой, *а наоборот* — еще худшее рабство "во имя Христа", которое будут проводить инквизиторы. Интересно, что никто до сих пор не заметил этого места в легенде о Великом Инквизиторе. Вот что говорит Инквизитор Христу: "О, пройдут еще века бесчинства свободного ума, их науки и антропофагии, потому что начав возводить свою Вавилонскую башню без нас, они кончат антропофагией. ...Знаешь ли Ты, что пройдут века, и человечество провозгласит устами своей премудрости и науки, что преступления нет, а стало быть, нет и греха, а есть лишь только голодные. "Накорми, тогда и спрашивай с них добродетели!" — вот что напишут на знамени, которое воздвигнут против Тебя и которым разрушится храм Твой. На месте храма Твоего воздвигнется новое здание, воздвигнется вновь страшная Вавилонская башня, и хотя и эта не достроится, как и прежняя, но все же Ты бы мог избежать этой новой башни и на тысячу лет сократить страдания людей, — ибо к нам же ведь придут они, промучившись тысячу лет со своей башней! Они отыщут нас тогда опять под землей, в катакомбах, скрывающихся (*ибо мы будем вновь гонимы и мучимы*) (курсив мой — М. М.), найдут нас и возопиют к нам: "Накормите нас, ибо те, которые обещали нам огонь с небеси, его не дали". И тогда уже мы и достроим их башню, ибо достроит тот, кто накормит, а накормим лишь мы, во имя Твое, и солжем, что во имя Твое... О, мы убедим их, что они тогда только и станут свободными, когда откажутся от свободы своей для нас и нам покорятся. И что же, правы мы будем или солжем? Они сами убедятся, что правы, ибо вспомнят, до каких ужасов рабства и смятения доводила их свобода Твоя. Свобода, свободный ум и наука заведут их в такие дебри и поставят перед такими чудами и неразрешимыми тайнами, что одни из них, непокорные и свирепые, истребят себя самих, другие, непокорные, но малосильные, истребят друг друга, а третьи, оставшиеся, слабосильные и несчастные, приползут к ногам нашим и возопиют к нам: "Да, вы были правы, вы одни владели тайной Его, и мы возвращаемся к вам, спасите нас от себя самих". (Ф. М. Достоевский, "Братья Карамазовы", том 1, Париж, 1946 г., стр. 330, 336 и 337).

Очень и очень многое в политической проповеди Солженицына, к сожалению, напоминает слова Великого Инквизитора. Тут и

”самоограничение свободы”, и предложение изменить только идеологию, а не структуру авторитарной власти, и многое другое. Особенно же надо иметь в виду то, что в наше время гонимы и в катакомбах находятся не только свободолюбцы, но и инквизиторы. И все же надо надеяться, что пророчество Великого Инквизитора Достоевского может быть и не осуществится, несмотря на то, что, как показывают политические статьи Солженицына, опасность этого реально существует. Солженицын в статье ”Чем грозит Америке плохое понимание России” пишет: ”Какой путь я действительно предлагаю — я закончил этим гарвардскую речь и могу повторить: *путь вверх*. Я считаю, что роскошно-материальный XX век слишком передержал нас в полуживотном состоянии, — кого от избытка, кого от голода”. Совершенно верно то, что экономическое благосостояние не может быть целью жизни ни отдельного человека, ни всего человечества. Даже самая жизнь теряет свою ценность тогда, когда она становится самоцелью. Есть ценности высшие, чем материальное благосостояние или вообще самая жизнь. Всюду, где появилось демократическое общество, его основали люди, которые ставили свободу человеческого духа, свободу каждого отдельного человека выше, чем самое физическое бытие. Однако, это не имеет ничего общего с бытием национальным, так как история показывает немало примеров национального возрождения и процветания при полном ограничении всякой свободы. Результаты же подавления свободы либо в национальном государстве, либо в многонациональном обществе всегда одни и те же — плачевные. Возрождение идей свободы как ценности высшей чем жизнь и вытекающего отсюда видения мирового свободного плюралистического демократического человечества, единственно и может противостоять тоже общемировой утопии коммунизма. Надо надеяться, что борьба за права человека, которая в первые месяцы президентства Картера, казалось, стала краеугольным камнем внешней политики Соединенных Штатов и всего демократического мира, опять возродится и перестанет быть только средством внешней политики, а станет целью.

Идейно-политические статьи Солженицына ”Коммунизм: у всех на виду и не понят” (журнал ”Time”) и ”Чем грозит Америке плохое понимание России” (журнал ”Foreign Affairs”) , к сожалению, этому отнюдь не способствуют. Хотя на словах Солженицын предлагает человечеству ”путь вверх”, на деле он призывает на дорогу, ведущую круто вниз.

1980

1. (К стр. 118) Пример Греции, Испании и Португалии ни в коем случае этому не противоречит. Надо иметь в виду, что демократический мир годами поддерживал борьбу против диктатур в этих странах, т. е. — против ”самоограничения” свободы. *Только поэтому* теперь это демократические страны, в отличие от Кубы, Вьетнама и Ирана, в которых Запад поддерживал ”самоограничения”.

СПОР НЕ ПО СУЩЕСТВУ

Недавно на страницах французского журнала "L'Histoire" и парижской "Русской мысли" разыгрался спор между Александром Солженицыным и французским историком Борисом Сувариним о том — брал ли Ленин в 1917 году деньги от немецкого правительства или нет.¹ В спор вмешались и другие авторы, а редакция "Русской мысли" заявила, что будет приветствовать присылку и других материалов, так как "тема этой полемики носит характер слишком большой исторической важности". Несмотря на то, что прямых доказательств о получении большевиками немецких денег пока что нет, в чем Борис Суварин совершенно прав, — для каждого, кто знаком с историей большевистской фракции русской социал-демократической партии до революции, является самоочевидным, что если в самом деле германское имперское правительство предложило 50 миллионов золотых марок на поддержку большевистской пропаганды, то Ленин бы не отказался. Дураком был бы Ленин, не использовав внезапную поддержку в тот самый решительный момент, после падения самодержавия. Об основателе первого в истории тоталитарного строя, конечно, можно сказать, что он был злодеем, каких свет не видел, однако никак нельзя сказать, что он был дураком. Для каждой политической партии, а не только революционной, денежные средства на пропаганду являются вопросом жизни и смерти. Большевики в этом отношении отнюдь не были щепетильны. Довольно того, чтобы вспомнить об использовании "экспроприированных" денег грузинского банка, то есть просто награбленных под руководством Иосифа Сталина, или скандала с арестом в Швейцарии видного большевика и будущего первого советского министра иностранных дел, Литвинова, при попытке "реализовать" награбленные деньги. Поэтому, если немцы дали деньги, то большевики их взяли, в этом Солженицын совершенно прав.

И, тем не менее, нет абсолютно никаких причин считать такой факт (если он имел место) столь исторически важным и решительным, как это кажется участникам спора.

Несмотря на то, что уже более полувека известно заявление идеолога Второго Социал-демократического интернационала Эдуарда Бернштейна о финансировании Германией большевистской пропаганды в 1917 году, ни это заявление, ни большая вероятность его

правдивости никакого особенного впечатления не производила ни на западных коммунистов, ни на их противников. Просто весь этот случай не считался настолько важным. Очевидно, надо было появиться людям, полностью с детства воспитанным в Советском Союзе на "культе Ильича", привыкшим к вечной пропаганде о "наймигах империализма", "изменниках родины", "диверсантских заданиях", для того, чтобы вопрос о немецких деньгах вдруг приобрел в наше время такое значение. Для людей же, живших в нормальных, а не советских условиях, вопрос о том, использовал ли Ленин немецкие деньги или нет, — в самом деле является мало значительным. Что меняется в случае, если Ленин деньги взял? Разве коммунистический тоталитарный строй был бы лучше и гуманнее без немецких денег? Разве русская империя не рухнула бы без этих пятидесяти миллионов, по всей вероятности все же полученных большевиками, начиная с апреля 1917 года?

Вот Солженицын пишет: "И на эти деньги большевики становились на ноги и осуществляли именно такие тиражи сотен газет и листовок, которые в три месяца разложили десятиmillionную армию, что и требовалось".² Совершенно верно, что с апреля до августа 1917 года тираж сорока одной большевистской газеты возрос на 320.000 экземпляров ежедневно. И тем не менее для того, чтобы заразить своими идеями, и то в течение только ста дней, всю российскую многоmillionную армию, — совершенно необходимым условием являлась полная подготовленность людей к большевистским лозунгам и желание следовать за ними. Мало ведь того, чтобы печатать газеты. Необходимо ведь, чтобы люди хотели их читать, тем более в демократических условиях того времени, когда каждая политическая партия свободно печатала свои газеты. Уверенность Солженицына в том, что "такие тиражи... в три месяца разложили десятиmillionную армию..." очень смахивает на убежденность советского прокурора, что неподцензурная печать "разлагает общество, государство и армию". Позволительно спросить — да какое же это было государство, которое можно было разрушить за сотню дней, да за 50 миллионов марок, истраченных на печатание газет? Почему же это миллионные тиражи коммунистических газет в демократических странах не разрушают государственный строй? Десятилетиями Россию разрушали не только в общей сложности очень малочисленные революционные партии, а главным образом бездарное правление руководящего слоя Российской Империи; нежелание проводить назревшие реформы; нежелание пойти по пути других европейских монархий, ставших уже в XIX столетии конституционными; трагическое опоздание с земельной реформой; неумелое ведение войны, и т. д., и т. д. Только в таких условиях клич, брошенный большевиками, — "Мир и земля!", мог быть воспринят миллионами русских солдат. Кстати, в разложении русской армии намного более повинен "Приказ № I" Временного

правительства, чем тиражи большевистских газет.

Совершенно очевидно, что и без немецких денег на финансирование газет большевистские демагогические лозунги в российских обстоятельствах 1917 года имели бы немалый успех. Как известно, в то время большевики выступали за мир без всяких контрибуций, аграрную реформу и требовали как можно скорее провести выборы в Учредительное собрание. Популярность этих лозунгов отнюдь никак не зависела от немецких денег (если они были). Можно легко себе представить, что не имей большевики возможности выпускать газеты таким тиражом, — благодаря преступному постоянному откладыванию выборов в Учредительное собрание со стороны Временного правительства, — произошел бы не "октябрьский", а "ноябрьский" или "декабрьский" переворот. Вот, все это было прекрасно известно плееде блестящих русских мыслителей и публицистов из первой эмиграции, и поэтому вопросу о немецких деньгах никто не придавал серьезного значения.

Для западных коммунистов этот вопрос тоже не имел большого значения, кроме элемента антикоммунистической пропаганды, просто потому, что всем было самоочевидно, что не Ленин послужил немецкому правительству (если брал деньги), а сам его использовал. Кстати, расчет Ленина был совершенно правильным: не прошло и полутора лет, и немецкое правительство, пропустившее несколько сотен русских революционеров в поезде через свою территорию, рухнуло вместе с немецкой монархией. Правда, Ленин надеялся на большее — на то, что и в Германии произойдет успешная коммунистическая революция.

Комичнее всего то, что очень часто люди, ужасающиеся тем, что Ленин проехал в поезде из Швейцарии в Швецию через Германию, страну, воюющую в то время с Россией, — в то же время полностью оправдывают и защищают генерала Власова, который не то что не сумел использовать немцев, а волей-неволей им послужил в борьбе не только с Красной армией, но и с западными союзниками. Кстати, надо подчеркнуть, что, в отличие от гитлеровской Германии, вильгельмовское правительство отнюдь не преследовало идею физического уничтожения и порабощения русского народа, а все силы направляло к осуществлению сепаратного мира с Россией.

Тот факт, что генерала Власова в самом деле можно оправдывать на том основании, что он был уверен, что сталинская диктатура — намного более опасный враг русского народа, чем немецкая армия, показывает, насколько нелогично и бессмысленно обвинение Ленина в "государственной измене". Именно это делает Солженицын в своей полемике с Борисом Сувариним. Очевидно, Солженицын забывает, что Временное правительство, то есть в тот момент единственное легальное российское правительство, не только не осудило Ленина

и несколько сот других революционеров за проезд по железной дороге через Германию, а даже приветствовало приезд Ленина в Россию. Солженицыну вторит и даже ставит точки над *i* израильский профессор М. Френкин.³ Этот Френкин так и пишет черным по белому: "В. Ленин предал свою страну и народ... Ленин и его единомышленники претворили в жизнь эти германские задачи диверсионного характера... Государственная измена и предательство интересов своей страны со стороны В. Ленина заключались не столько в получении им германских денежных средств для борьбы с его родиной... Суть дела заключалась в том, что русский гражданин В. Ульянов-Ленин заключил с противником своей родины формальное соглашение". Профессор Френкин разыскал две якобы "германофильские и холопские статьи" Ленина.

В самом деле, смехотворно звучит обвинение Ленина и большевиков в государственной измене. Ленин был лидером одной фракции русской социал-демократической партии, и не только его фракция и не только русская социал-демократическая партия десятилетиями вели борьбу за свержение русского самодержавия. Вели пропагандой, подпольной литературой, террором, а когда представилась возможность, то и в Думе. Все партии так называемой русской "революционной демократии" совершенно открыто преследовали цель изменения государственного строя и свержения русской монархии. Однако, в то время, когда другие революционные партии, и даже меньшевистская фракция русской социал-демократической партии, выступали за демократическую, парламентную систему, ленинская фракция открыто боролась за введение так называемой "диктатуры пролетариата". И когда разразилась Первая мировая война, то в европейском социал-демократическом движении произошел раскол. Кроме сербской социал-демократической партии, все другие европейские социал-демократы проголосовали за поддержку своих правительств, несмотря на то, что и дальше их считали классовыми врагами. Ленинская фракция и еще маленькие фракции некоторых других социал-демократических партий во время войны, в Швейцарии, на конференции в Циммервальде, открыто выступили за поражение правительств своих стран и за превращение мировой войны между государствами в гражданскую против так называемых "классовых врагов". Уверенность большевиков, что поражение русского государства в войне вызовет революцию, была полностью обоснована. Первая русская революция 1905 года явилась результатом именно поражения в русско-японской войне. Кстати, без всяких немецких денег.

Если серьезно поверить в то, что для перестройки мира, разрушения несправедливого эксплуататорского строя, для освобождения всех человеческих способностей и сил необходимо хотя бы на короткое время введение "диктатуры пролетариата", — тогда все, что делал

Ленин, полностью оправдано. Что есть бессмысленнее, чем предъявлять обвинение в "государственной измене" партии, десятилетиями открыто воевавшей с государством? Ведь большевики же совершенно открыто выступали за поражение Российской Империи, которое должно было бы привести к революции, "пролетарской революции" во всех европейских странах. Вот поэтому совершенно последовательно Ленин и утверждал, что поражение Российской Империи будет означать введение в мировую пролетарскую революцию. И поэтому Плеханова, меньшевиков и социал-демократов других европейских стран он и называл "социал-предателями".

Да не только Ленин, а вот и Максим Горький еще до Первой мировой войны, в 1907 году, опубликовал свое известное обращение к французской общественности с призывом воспрепятствовать большому государственному займу, который Франция собиралась дать России. Никто за это не назвал Горького предателем и "изменником родины", как и теперь никто в демократическом мире не называет так Солженицына за его точно такие же обращения к Западу в наши дни. А если бы какое-нибудь нынешнее западное государство, в тех же целях — восстановления мира или недопущения войны, — предоставило миллионные кредиты на распространение солженицынского "Архипелага ГУЛага" или других антисоветских книг, или на постройку мощных радиостанций, вещающих правдивое слово на Советский Союз, — разве кто-либо, кроме КГБ и вождей КПСС, протестовал бы? Разве Солженицын назвал бы это "государственной изменой"? А ведь речь идет не только о русской эмиграции, от Бердяева до Солженицына, политически, идейно и духовно воюющей с тоталитарным строем, что для людей, отождествляющих государство и народ, является чистейшей воды изменой. Разве Солженицын скажет хоть слово против тысяч немецких эмигрантов, анти-нацистов, во время Второй мировой войны воевавших не только пером и словом, но часто и с оружием в руках против армий своей родины? Так же, как и нынешняя русская эмиграция, и немецкая состояла из писателей, артистов, ученых. Нобелевский лауреат Томас Манн, Бертольд Брехт, Вилли Брандт, Марлен Дитрих и десятки других известнейших людей годами делали то же самое, что теперь делает русская эмиграция. Нельзя никак забывать, что в Нюрнберге после войны судили именно за исполнение долга перед правительством своей родины, а не за измену.

Все это показывает, что в наше время просто бессмысленно говорить о "государственной измене", о верности своей родине, несмотря на политическую систему, которая в ней господствует. То есть бессмысленны именно все обвинения против Ленина и большевиков в полемике между Солженицыным и Сувариним. Ленин и большевики в миллион раз больше повинны, но в другом, а не в том, что Ленин

проехал через Германию и что, может быть, взял немецкие деньги для печатания своей "Правды". Сами по себе и этот проезд через Германию, и возможное финансирование немецкими деньгами большевистских газет, — отнюдь не являются такими страшными деяниями. ⁴ Настоящий спор ведется только между двумя духовными, идейными и политическими установками, между людьми, оправдывающими насилие и диктатуру как средства, обычно временные, вводимые якобы в интересах своего народа, или класса, или всего человечества, и — людьми, знающими, что — словами Бердяева — "насиленно вводимое добро превращается во зло". Вот спор между этими двумя установками и явился бы настоящим спором, спором по существу. Особенно важным такой спор может быть потому, что Солженицын и многие другие русские эмигранты нередко выступают в оправдание авторитарного строя для будущей России и этим напоминают большевистскую фракцию русской социал-демократической партии, задолго до падения самодержавия ратовавшую за будущую диктатуру. По сравнению с таким спором по существу, вопрос о поддержке вражеского государства — совершенно несущественен. Изменить можно только человечности и человечеству, но никак не своему государству. А человечности нет без свободы. Значит — изменить можно только свободе.

В наше время мир стал настолько маленьким и взаимозависимым, что, конечно, все, что происходит в нацистской Германии, или в коммунистическом Советском Союзе, или в Китае, или в Африке и т. д., — еще как касается всех жителей Европы, Америки и вообще всего мира. А поэтому можно с уверенностью сказать, что больше никогда в истории ни один народ, ни одно государство не сможет рассчитывать на то, что само по своему усмотрению будет распоряжаться на своей территории. Коммунистическое движение, хотя и основанное на ложных предпосылках "классовой солидарности" и на ложных идеях насилия как "повивальной бабки истории", и так называемой "диктатуры пролетариата", — все же является первым *общемировым* движением новейшей истории. В этом его сила и его правда. Интернациональному тоталитаризму можно противостоять только тоже интернациональным демократическим движением. Трагедия нашего мира в том, что такого движения даже в идейном плане все еще не существует. Борьба ведется именно не между государствами, а между демократией и тоталитаризмом.

В споре с Сувариным Солженицын, как он это вообще стал делать в последнее время в своих статьях, упоминая коммунизм, начинает просто писать банальности. Он, например, пишет — "бандитский октябрьский переворот", "Комминтерн для России был вампир, выпивший ее кровь и соки", и так далее. К сожалению, этот прием не усиливает, а, наоборот, ослабляет впечатление от чтения его новейших текстов. Таких переворотов против легального правительства

происходит в мире бесчисленное количество, и не всегда в худую сторону. Так что опять нельзя сказать, что переворот сам по себе является злом. Я уверен, что Солженицын приветствовал бы переворот в нынешнем Советском Союзе. И Ленина, и Дзержинского, и Троцкого, конечно, можно назвать фанатиками и злодеями, но, к сожалению, они не были просто бандитами. И, ни в коем случае не желая защитить Ленина и Троцкого и их дело, мне все-таки хочется напомнить, что, до того как попал в тюрьму, и сам Солженицын верил в коммунистические идеалы, был комсомольцем и капитаном советской армии и арестован был за критику Сталина с "ленинских позиций". Это все несмотря на то, что он вырос в стране, в которой уже прошла насильственная коллективизация, кровавые чистки и все прочее. На каком же основании можно ставить Ленину в упрек фанатичную веру в коммунистические идеалы, да еще в те времена, когда "пролетарская революция" маячила в будущем, как светлая приманка, а никто, включая большевиков, не мог знать, к какому кровавому концлагерю приведет их борьба за насильственное создание рая земного? Особенно Солженицыну не стоит об этом забывать.

1981

СНОСКИ

1. Б. Суварин — "Ответ Солженицыну", в "L'Histoire" сентябрьский номер 1980, *Русская мысль* №№ 3334 и 3335, 1980.
2. А. Солженицын, "О фрагментах Бориса Суварина", *Русская мысль* от 18 декабря, 1980.
3. Проф. М. Френкин, "Немецкое золото и Октябрьский переворот", *Русская мысль* от 8 января, 1981.
4. О чем совершенно справедливо пишет Роман Днепров в статье "Казнь или убийство", *Русская мысль* от 15 января, 1981: "Ленина проклинали не за то, что брал деньги германского штаба, а за то, на что и как он эти деньги употреблял..."

III

НЕВЕДОМЫЕ ЗАКОНЫ

Личность, свобода, бессмертие души, Космос

ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Маркс и Ленин в личной жизни

В последнее время появилось несколько книг, рассказывающих о мало известных фактах из личной жизни корифеев "научного социализма". Из книги Валентинова "Малоизвестный Ленин"¹ читатель узнает такие неприглядные вещи, как то, что Ленин любил хорошо пожить, всегда иметь в кармане личные деньги, любил вкусно покушать и часто ходил в театр, и даже во время Первой мировой войны, когда в Швейцарии ввели постные дни из-за недостатка мяса, — Ленин и Крупская, не обращая на это внимания, жарили мясные котлетки. Полный веры в свою историческую "миссию" Ленин не стеснялся годами пользоваться денежными средствами своих родных, а также и "дураков-капиталистов", симпатизирующих революции, и нередко в этих целях очень приbedнялся в своих письмах.

В книге "Карл Маркс — Психограмма"² швейцарский социолог Арнольд Кюнцли описывает в еще более несимпатичных тонах личную и семейную жизнь Маркса. Оказывается, почти всю жизнь многодетное семейство Маркса прожило в ужасающей бедности, даже нищете, и все благодаря тому, что Маркс не хотел зарабатывать на пропитание семьи нормальным трудом, хотя бы уроками языков, а веря в свою миссию, только то и делал, что писал свои марксистские произведения, выключивая деньги у Энгельса, да закладывая в ломбард женины последние вещи. В результате — дети умирали, а жена мучалась, и неизвестно, чем бы это все кончилось, если бы в конце концов его состоятельный друг Энгельс не выделил семье Маркса нечто вроде ежегодной пенсии. Моральная сторона жизни Маркса тоже оставляла желать лучшего. Соккрытие ребенка, прижитого от служанки, — дело, конечно, непригодное как образец подражания для молодых поколений коммунистического мира.

Несомненно, книги эти весьма полезны, как полезна всякая правда, особенно после бесчисленных лубочных биографий "корифеев", в которых Маркс и Ленин блещут одними достоинствами и добродетелями. Однако, мне кажется очень важным подчеркнуть то, что несимпатичные черты в личной жизни сих мужей так же мало говорят против марксизма-ленинизма, как и лубочные их жития — за марксизм-ленинизм.

Пытаться с ядовитым удовольствием представить Маркса и Ленина безответственными по отношению к своим ближним, ставить в упрек Марксу то, что он жил для своей "миссии", а не для пропитания семьи, и "упорно не желал зарабатывать на хлеб насущный даже перед лицом смерти своих детей", ³ — это значит придерживаться той же ценностной шкалы, что и советские лубочники. Ведь их лубочная деятельность именно и вызвана такими же понятиями о человеческой ответственности. А проблема ответственности намного сложнее и трагичней, чем это кажется советским и антисоветским биографам. Тут есть, о чем подумать.

Даже непримиримые идеологические противники признают, что "Ленин был совершенно чужд низких побуждений, личных амбиций,.. был неподкупен, бескорыстен (если не считать мясные котлетки — М. М.), работал неустанно". ⁴ Маркс тоже, не жалея ни себя, ни своей семьи, всю жизнь проработал в тяжелейших обстоятельствах, никак не соглашаясь свои умственные силы посвятить работе, которая могла бы материально обеспечить его семью, хотя ломбардно-попрошайническая деятельность, как пишет Кюнцли, "стоила ему, без сомнения, гораздо большей затраты времени и нервной силы, чем, скажем, уроки языков, которые он мог бы давать". ⁵ Нет, значит, никакого сомнения, что и Маркс, и Ленин служили, в самом полном смысле этого слова, — надличной идее.

Оставим в стороне вопрос о том, какова была эта идея и к чему привела современное человечество, хотя есть и такое мнение, что без Маркса и Ленина невозможна была бы та назревающая духовная революция, начало которой мы теперь наблюдаем в социалистическом мире. Некоторые, отнюдь не коммунистические авторы, считают, что на вечный вопрос Бога — "кто пойдет за мной?" — отозвались именно Маркс и Ленин и получили приказ — пойти и ослепить людей. Вспоминается, что никто другой как Лев Шестов писал о том, что чрезвычайно полезно на некоторое время "материю пустить на небо", ⁶ а это именно и явилось результатом деятельности "корифеев".

Главное вот в чем: свою ответственность в служении и Маркс, и Ленин прекрасно сознавали и жертвовали этому служению все, что имели, вопреки собственным материалистическим теориям.

Обвиняя Маркса в нежелании сперва позаботиться о своих ближних, а лишь потом об идее, которой он служил, критики, очевидно, не сознают, что становятся на очень скользкую дорожку, на которой не мудрено и поскользнуться. Что, Достоевский не закладывал женины юбки в ломбард? Тургенев не приживал детей со служанками? А, например, Гогену разве надо было бросать жену, детей и хорошо оплачиваемое место в банке в Париже и тащиться на Таити, жить впроголодь с туземкой, и только рисовать, рисовать, рисовать? А Пушкин — что сказать об его моральных качествах? Сколько сот любовниц

насчитывают его биографы? А Рихард Вагнер, — не бессовестно ли эксплуатировал своих богатых поклонниц? А Рембо, Есенин, Осип Мандельштам, Чайковский? Они-то, наверное, где-нибудь не спеша себе служили, да получали жалование каждого первого — не попрошайничали ведь? Да и почти все люди, которые когда-либо сказали "новое слово" в искусстве, науке, культуре, философии, даже религии, — все они находились поистине в трагическом положении, в котором им приходилось выбирать между служением тому властному внутреннему зову, в "слепой вере" в который обвиняют биографы Маркса и Ленина, и — заботой о ближних, о ежедневном заработке, о содержании семьи, общественном мнении, общепризнанных моральных нормах и прочем в таком же роде.

Так было всегда, мало сомнений в том, что так всегда и останется. Об этом говорят не только "лубочки", но, к сожалению, и критические биографы. И одним и другим, очевидно, совершенно невдомек, что, например, нежелание Маркса зарабатывать деньги таким умственным трудом как "уроки языков", даже перед лицом смерти своих детей, которых он несомненно любил, — именно свидетельствует о том неземном зове, за которым он пошел, "не зная куда идет". Людей, никогда в себе не слышавших этого зова, конечно возмущает то, что энергичные (не лентяй же был Маркс), талантливые люди, вместо того, чтобы употребить свои дары на прокормление семьи, предпочитают мучиться и тратить невероятные усилия на унизительное попрошайничество всякого рода, лишь бы не употребить свой талант на дело, не имеющее ничего общего с их "миссией".

Странно то, что никто даже не ставит вопроса — почему Маркс предпочитал добывать средства для жизни не уроками, а попрошайничаньем, что, как признает и его критический биограф, педантичный швейцарец Кюнцли, стоило ему намного больше труда и нервной силы, чем уроки языков. Почему Спиноза тоже не давал уроков латыни или философии, а предпочитал содержаться полуфизической работой шлифовщика стекла?

А ведь ответ на этот вопрос мог бы быть чрезвычайно интересен. Может быть, даже не отличался бы от ответа верной жены, которую спросили бы: почему она предпочитает тяжелую и грязную работу, а порой и попрошайничество, заработку, который она смогла бы намного легче получить, изменяя иногда своему возлюбленному. Ведь она так красива и так умеет любить.

Дело тут не только в том, что, как это давно известно, гений и общепринятая мораль, и даже обыкновенная порядочность — невероятно редко совместимы. Если руководиться общепринятыми моральными соображениями, то придется даже Пушкина отвергнуть, что кстати и сделал совершенно последовательно Владимир Соловьев. Конечно, в таком случае появляется другая трудность — в лице людей,

которые в личной жизни, в моральном отношении могли бы служить образцом — не развратничали, не пили, не курили, даже не ели мясо — как, например, Гитлер, или знаменитый инквизитор Торквемада.

Нет, тут дело посложнее, и именно вопрос об ответственности каждого человека, ответственности — нас, рядовых людей, не только гения.

Думается, что на Лубянке неоднократно обращаются к подследственным — участникам демократического и иного сопротивления комдиктатуре — с такими словами: "Молодой человек, у вас жена и ребенок, зачем вам переть на рожон, да подумайте вы о них, подумайте, на какую участь вы их обрекаете..."

Ну вот: ответственность против ответственности. Какую предпочесть? Ответственность перед своими родными или — ответственность перед Россией, свободой, своей душой? И кто посмеет бросить камень в тех, кто сознательно обрекает себя на мученичество, а своих родных на нищенство? Упрекать их в отсутствии ответственности? Где тот судья, достоверно знающий, какая ответственность важнее? В Евангелии вряд ли Арнольд Кюнцли найдет поддержку для своего обвинения Маркса в безответственности.

Ну так вот: и у Маркса, и у Ленина в их теоретической, идеологической и политической деятельности настолько много требующего самой решительной критики, порицания и осуждения, начиная, конечно, с их воинственного атеизма, что попрекать их мясными котлетками и нежеланием давать уроки языков, да еще на основании именно этих фактов, говорить об отсутствии у них ответственности, — по-моему, просто значит заниматься делом, которое может иметь результаты прямо противоположные желаемым.

1973

1. В. Валентинов, "Малознакомый Ленин", Париж, 1972.
2. По данным из статьи Аглаи Остен — "Учитель жизни", *Русская мысль*, 2-го августа 1973 г.
3. Там же.
4. Б. Суварин, "Введение" к книге Валентинова.
5. По статье Аглаи Остен.
6. Лев Шестов, "На весах Иова", Париж 1928, стр. 149.

НОВОЕ ОБ АННЕ КАРЕНИНОЙ

”Что станется в пространстве с топором? Quelle idee! Если куда попадет подальше, то примется, я думаю, летать вокруг земли, сам не зная зачем, в виде спутника. Астрономы вычислят восхождение и захождение топора, Гатцук внесет в календарь, вот и все”.

Черт – Ивану Карамазову в ”Братьях Карамазовых”, Ф. М. Достоевского, 1879-80 г. (Книга 2, глава 9).

В 1877 году под колеса товарного поезда бросилась красивая женщина – Анна Каренина. Произошло это в России.

Очевидец не сообщил нам, ощутила ли женщина боль в последние мгновения своей жизни, но это и не столь существенно. Любая боль была бы незначительной и жалкой по сравнению с той, от которой спасалась, идя на смерть, Анна Каренина. И эту боль и мучения, от которых она спасалась, *очевидец*, Лев Николаевич Толстой, изобразил для нас с великим мастерством. Но по поводу причин этой трагедии мнения расходятся – вот уже в течение почти целого века. Мнение самого *очевидца*, уважаемого Льва Николаевича, почти никто разумным не считает. Лев Николаевич утверждал, что Анна виновна в нарушении ”святости” брака и что Господь Бог за этот гнилой либерализм обрек ее на страшные муки, от которых спасти может только смерть или безумие. Анна в последний момент обращается к своему мучителю: ”Нет, я не дам тебе мучить себя,” – подумала она, обращаясь с угрозой не к нему, не к самой себе, а к тому, кто заставлял ее мучиться, и пошла по платформе мимо станции”.

Писатель даже эпиграфом романа избрал стих из Евангелия: ”Мне отмщение и Аз воздам”, что означает: ”И наказывать и награждать буду Я”. Тот же Лев Николаевич как-то высказал яркую мысль, что художник потому и художник, что изображает вещи такими, как они есть, а не такими, какими бы он их хотел видеть. И еще: художник, как библейский Валаат, когда хочет проклянуть – благословляет.

”Анна Каренина” вне всякого сомнения художественное, большое художественное произведение — и поэтому все, что рассказал нам Лев Толстой, произошло именно так, как в романе, а не иначе. Все то, что думают, чувствуют и делают Анна Каренина, Вронский, Левин, Кити, — не подлежит никакому сомнению. Да, именно так и только так, а не иначе жила, любила, страдала и умерла Анна Каренина. Вспомним Бергсона: ”Только великие художники, освободившиеся от власти абстрактных понятий, могут проникнуть во внутреннюю жизнь человека и правдиво ее изобразить”. А Лев Толстой — великий художник.

Но одно дело — как это все произошло, а другое дело — почему все это произошло именно так. Давать ответ на этот вопрос *очевидец* Лев Толстой не компетентен. Поэтому никому и не кажется странным, что великий художник снабжает свое произведение столь неглубоким толкованием. Точно так же можно согласиться с Шестовым, что в послесловии к ”Войне и миру” Толстой ”топчется на месте” и только запутывает дело.

Для нас, детей XX столетия, для нас, от колыбели впитавших в себя *социологический* образ мышления, само собой разумеющимся кажется, что в трагедии Анны, в трагедии развитой *живой* женщины виновно общество, в котором она жила. И вот что отыскиваем мы по этому поводу в сокровищницах современных знаний.

М. Южин в Большой советской энциклопедии издания 1946 г. в статье о Толстом пишет, что Толстой в этом романе показал трагедию брака, распад семьи, трагедию необычной женщины, которая пыталась вырваться из смертельных объятий высшего общества и его морали. Прекрасный, сильный, по своей природе гуманный человек восстает против лживых законов общества и гибнет, не устояв в этой борьбе.

Известный советский историк литературы Н. Гудзий в той же БСЭ, но издания 1956 г., пишет:

”С поразительным мастерством и огромной силой психологической правды Толстой изобразил трагедию молодой женщины, стремившейся к счастью и погибшей под гнетом лживой и бездушной морали светского общества. Эгоизму Каренина и его круга, ограниченности внутреннего облика Вронского противопоставлена в романе полнота и сила чувства Анны, искренность, цельность, глубокая человечность ее натуры”. (БСЭ, 1956 г., т. 42, стр. 582.)

Западноевропейские энциклопедии называют Анну ”жертвой страстей” и таким образом по существу говорят то же самое, что и советские, так как, если бы общество считало любовь и страсть нормальными и естественными явлениями, единственным мериллом отношений между мужчиной и женщиной, то трагедии не произошло бы. Томас Манн пишет:

”Анна Каренина, которую я смело называю самым крупным общественным романом мировой литературы, — роман против общества”.

Луначарский:

”Мы восстаем против Бога, говорящего: ”Аз воздам”. Каждой Карениной, если бы она была бы нашим товарищем по классу или просто женщиной, мы говорим — ”У тебя есть право на счастье, стремись к свету, к свободе, не бойся, ни под какие колеса ты не попадешь”. (А. В. Луначарский, ”О русской культуре”, Белград, 1959 г.)

Все согласны в одном: в смерти Анны Карениной повинно общество. Сама она не виновата. Все соглашаются и в другом: трагедия, то есть страдания Анны, от которых она ищет выхода в смерти, — следствие того, что храбрая женщина обладала достаточной силой, чтобы не покориться общественным нормам, чтобы не поступать ”как все” — тем самым нарушила лживые, условные законы общества. Выходит: наказана Анна — виновато общество. Анна пострадала невинно. Значит, существовали естественные законы, исторический момент общественного развития, во время которого борьба личности за счастье неизбежно должна была завершиться трагически, без собственной вины.

А отсюда само по себе напрашивается заключение — если мы создадим общество, в котором любовь и страсть будут считаться единственными нормами естественных отношений между мужчиной и женщиной, то не будет больше и трагических, невинно пострадавших Анн.

Такие рассуждения на первый взгляд вполне оправданы и логичны. Они соответствуют нашей социологической системе мышления.

Однако некоторые большие мыслители заставили нас последовать за ”de omnibus dubitandum” Декарта и усомниться в столь ясной и понятной схеме, которая ”объясняет” Анну Каренину. Некоторые исторические личности не хотят согласиться с тем, что некая ”посторонняя причина” (общество, историческая ступень развития и т. д.) оказывается виновной в трагедии личности.

Достоевский: ”Ты виновен перед всеми уже потому, что ты бы мог быть единым светочем во тьме, но не стал им”. (”Идиот.”)

И снова Достоевский: ”Пора прекратить сваливать все на общественную среду”. (”Дневник писателя.”)

Горький: ”Мещане постоянно увлекаются обманчивой возможностью доказать себе и всему миру, что они ни в чем не виноваты. И показывают, более или менее многословно и скучно, что в жизни существуют непоборимые законы судьбы, которые создал Бог или природа, или сами люди...” (”Заметки о мещанстве.”)

Ницше: ”Человек не имеет права быть несчастным”.

Лев Шестов: ”Несчастливых людей нет, все несчастные — свиньи.

И они сами лучше всего об этом знают". ("Апофеоз беспочвенности", изд. "Шиповник", Санкт-Петербург, 1909 г., стр. 75).

И в тот момент, когда мы усомнились в правдивости общепринятого пояснения гибели Анны, усомнились в социологическом образе мышления — роман Льва Толстого начал раскрывать перед нами то, чего мы прежде не замечали. Мы увидели, что *реальность* великого произведения превращает в ничто все *социологические* разъяснения.

Цель этого исследования — фактическим анализом романа показать:

1) Что Анна Каренина сама виновна в своей трагедии, а не общество, в котором она жила;

2) что Анна Каренина наказана не за то, что поступила не так, как все женщины ее круга, не за то, что преступила "нормы и закон", а именно за то, что в один из наиболее важных моментов своей жизни поступила *как все*;

3) что все мнения, высказанные до сих пор о судьбе Анны Карениной, нашедшие свое отражение в наших современных энциклопедиях, ошибочны, что они — заранее предпрешенный результат, усвоенных их авторами социологических идей и теорий, и как бы это ни выглядело парадоксально, — Лев Толстой ближе к истине, хотя и ошибается в определении подлинной вины Анны и того, кто ее наказывает;

4) и отсюда следует, что трагедия Анны в более совершенном и прогрессивном обществе была бы не меньшей, а гораздо большей, потому что там Анне пришлось бы вдобавок сносить самой и ту *незначительную* часть вины, которая лежит на ее среде.

2

Фабула романа нам известна. Молодая, здоровая, красивая женщина, вышедшая замуж за мужчину, которого не любит, но от которого имеет сына, встретила человека, которого полюбила большой настоящей любовью. Она находит в себе достаточно смелости, чтобы вопреки всеобщему осуждению общества оставить мужа и жить с любимым человеком, но измученная разлукой с сыном (говоря банально — "распята на кресте страстей и материнства"), а также тяжело пораженная осуждением и презрением окружения, в котором жила, — совершает самоубийство.

"И свеча, при которой она читала исполненную тревог, обманов, горя и зла книгу, вспыхнула более ярким, чем когда-нибудь светом, осветила ей все то, что прежде было во мраке, затрещала, стала меркнуть и навсегда потухла".

Это — конец Анны. Это смерть, куда она уходит, преследуемая непреодолимыми мучениями. Мучения — это наказание, следствие преступления. Лев Николаевич считает, что преступление, за которое Анна наказана, — нарушение "тайнства брака". Причина — это, и по правовой, и по моральной терминологии, есть поступок, без которого не было бы и следствия, наказания. Следовательно, если Толстой прав и если поступок Анны — "преступление против брака", то значит, что без этого нарушения не было бы и наказания, не было бы мучений и смерти Анны. Представим себе на минуту, что Анне удалось "побороть" свою любовь к Вронскому и что она осталась жить с "законным" мужем Карениным. Как бы это выглядело, можно себе представить по описанию отношений Анны с мужем, которое дает нам Толстой. После того, как Анна призналась мужу, что любит Вронского и после его предложения "забыть все, если подобное более не повторится", она с отвращением размышляет вслух о своем браке:

"Прав! прав! — проговорила она. — Разумеется, он всегда прав, он христианин, он великодушен! Да, низкий, гадкий человек! И этого никто, кроме меня, не понимает, и не поймет, и я не могу растолковать. Они говорят: религиозный, нравственный, честный, умный человек; но они не видят, что я видела. Они не знают, как он восемь лет душил мою жизнь! душил все, что было во мне живого, — что он ни разу и не подумал о том, что я живая женщина, которой нужна любовь. Не знают, как на каждом шагу он оскорблял меня и оставался доволен собой. Я ли не старалась, всеми силами старалась, найти оправдание своей жизни? Я ли не пыталась любить его, любить сына, когда уже нельзя было любить мужа? Но пришло время, я поняла, что я не могу больше себя обманывать, что я живая, что я не виновата, что Бог меня сделал такою, что мне нужно любить и жить. И теперь что же? Убил бы он меня, убил бы его, — я все бы перенесла, я все бы простила, но нет, он...."

"Наша жизнь должна идти как прежде", вспомнила она другую фразу письма. "Эта жизнь была мучительна еще прежде, она была ужасна в последнее время. Что же это будет теперь?"

А за несколько часов до смерти она думает следующее:

"Вспомнив об Алексее Александровиче, она тотчас с необыкновенною живостью представила себе его, как живого, перед собой, с его кроткими, безжизненными, потухшими глазами, синими жилами на белых руках, интонациями и треском пальцев, и, вспомнив то чувство, которое было между ними и которое тоже называлось любовью, вздрогнула от отвращения".

Для Анны брак с Карениным был страданием, а после встречи с Вронским — невыразимым мучением. Если по какой-либо причине у Анны не было бы возможности "нарушить таинство брака" и если бы она вынуждена была остаться с "законным" мужем Карениным, — она без сомнения бросилась бы под поезд на несколько лет раньше. И поэтому причина для наказания, преступление, вовсе не там, где ее видит Толстой, ее там просто не может быть, потому что ее отсутствие не устранило бы следствия — наказания, мучения, смерти.

С другой стороны все *социологические* разъяснения сводятся к утверждению, что в трагедии Анны виновно общество. Исходят из предположения, что если в обществе, в котором жила бы Анна, существовали более гуманные общественные отношения, то есть если бы Анна на основании правовых законных норм могла добиться развода и — по праву материнства — своего сына, то не было бы ни "распятия на кресте материнства и страстей", ни общественного бойкота, причинявшего Анне такую боль. А так — Анну наказывает консервативное общество за то, что она преступила бесчеловечные и противоестественные правила этого общества.

Однако в романе есть несколько фактов, которые опровергают такой ход мысли.

В первые годы жизни с Вронским, проведенные главным образом за границей, Анна была бесконечно счастлива, несмотря на то, что с ней не было ее Сережи, и что ее бойкотировало окружение. Окончательно уходя к Вронскому (родив до этого в доме Каренина девочку, ребенка Вронского), Анна даже *отказывается* принять расторжение брака, которое в тот момент предлагает ей Каренин, потому что саму эту формальность считает ненужной и излишней. Ее счастье не омрачается ни мыслями о сыне, ни воспоминаниями о несчастье мужа. Послушаем Льва Николаевича:

Воспоминание о несчастье мужа не портило ее счастья. С одной стороны, это воспоминание было слишком ужасно, чтобы о нем думать, а с другой стороны несчастье ее мужа дало ей слишком большое счастье, чтобы она каялась.

Страдания Анны начались с того момента, когда у нее начали портиться отношения с Вронским. В то время уже и сама Анна понимала, что ни развод с Карениным, которого она теперь безуспешно добивается, ни право на сына, ни законный брак с Вронским — ничего не решили бы. Иными словами то, о чем говорят социологические теории, не предотвратило бы ее страданий.

— "Ну, пусть я придумаю себе то, чего я хочу, чтобы быть счастливой. Ну? Я получаю развод, Алексей Александрович отдает

мне Сережу, и я выхожу замуж за Вронского... Ну, я получу развод и буду женою Вронского. Что же, Кити перестанет смотреть на меня, как она смотрела нынче? Нет! А Сережа перестанет спрашивать или думать о моих двух мужьях? А между мною и Вронским какое же я придумаю новое чувство? Возможно ли какое-нибудь не счастье уже, а только не мученье? Нет и нет! — ответила она себе теперь без малейшего колебания. — Невозможно! Мы жизнью расходимся! и я делаю его несчастье, он мое, и переделать ни его, ни меня нельзя...”

Уже только эти две фразы: ”А Сережа перестанет спрашивать или думать о моих двух мужьях? А между мной и Вронским какие я придумаю новые чувства?” — опровергают все социологические разъяснения трагедии Анны. И в самом гуманном, самом совершенном обществе Сережа не перестал бы думать о двух мужьях своей матери, а чувства Вронского не вспыхнули бы снова под влиянием более совершенного законодательства, или высоко развитой ”общественной совести” окружающей среды.

Поэтому страдания Анны не есть результат того, что она *нарушает* нормы и поступает иначе, чем другие женщины ее окружения. Страдания ее еще увеличились бы, если бы она этих норм не преступала. И в самих общественных нормах также не заключена причина трагедии, потому что в случае их устранения ничего не изменилось бы. Любовь Вронского охлаждалась, а страх Анны перед возможностью разрыва только ускорял процесс взаимного расхождения. Страх перед возможностью события есть всегда и причина самого события. После участвовавших ссор и сцен:

”Ей казалось, что он,.. может разлюбить ее; а она ничего так и не боялась теперь, хотя и не имела к тому никаких поводов, как потерять его любовь...”

— Моя любовь все делается страстнее и себялюбивее, а его все гаснет и гаснет, и вот отчего мы расходимся, — продолжала она думать. — И помочь этому нельзя. У меня все в нем одном, и я требую, чтобы он весь больше и больше отдавался мне. А он все больше и больше хочет уйти от меня. Мы именно шли навстречу до связи, а потом неудержимо расходимся в разные стороны. И изменить этого нельзя. Он говорит мне, что я бессмысленно ревнива, и я сама говорила себе, что я бессмысленно ревнива, но это неправда. Я не ревнива! а я недовольна. Но... — Она открыла рот и переместилась в коляске от волнения, возбужденного в ней пришедшею ей вдруг мыслью. — Если бы я могла быть чем-нибудь, кроме любовницы, страстно любящей одни его ласки; но я не могу и не хочу быть ничем другим. И я этим

желанием возбуждаю в нем отвращение, а он во мне злобу, и это не может быть иначе. Разве я не знаю, что он не стал бы обманывать меня, что он не имеет видов на Сорокину, что он не влюблен в Кити, что он не изменит мне? Я все это знаю, но мне от этого не легче. Если он, не любя меня, из д о л г а (разрядка Толстого) будет добр, нежен ко мне, а того не будет, чего я хочу — да это хуже в тысячу раз даже, чем злоба! Он уже давно не любит меня. А где кончается любовь, там начинается ненависть...”

Разве развод с мужем и брак с Вронским что-либо разрешил бы?

”Если бы я могла быть чем-нибудь, кроме любовницы, страстно любящей одни его ласки: но я не могу *и не хочу быть быть ничем другим...* (Курсив мой — М. М.).

— Если он, не любя меня, из д о л г а будет добр, нежен ко мне, а того не будет, чего я хочу — да это хуже в тысячу раз даже, чем злоба!”

И Анна бросает в лицо Вронскому:

”— Чего я могу хотеть? Я могу хотеть только того, чтобы Вы не покинули меня, как Вы думаете, — сказала она, поняв все то, чего он не досказал. — Но этого я не хочу, это второстепенно. Я хочу любви, а ее нет. Стало быть, все кончено!...

...Ясность не в форме, а в любви”.

Н. Гудзий, литературовед, пишущий в Большой советской энциклопедии об ”ограниченности внутреннего облика Вронского”, как ни странно, выражает общепринятое мнение, а именно, что на Вронском лежит большая часть вины за трагедию. Но действительно ли это так? Вронский до конца остается бескомпромиссным смелым человеком, который ради своей любви к Анне пожертвовал карьерой, положением в обществе, он потерял все то же, что потеряла и Анна, а после ее смерти пошел добровольцем на русско-турецкую войну, чтобы там погибнуть. Его ни в коем случае нельзя упрекнуть в ”ограниченности внутреннего облика”. Это верно, что он начал охлаждаться к Анне, — но управлять своими чувствами не в человеческой власти. Если бы это было в ее власти, то Анна могла бы также полюбить своего ”законного” мужа, что она в течение ряда лет и пыталась сделать. Никто не спрашивает человека, хочет ли он любить или не хочет, как никто его не спрашивает, хочет ли он появиться на свет. Вспомним Шопенгауэра: ”Человек может сделать или не сделать то, что он хочет, но он не может не хотеть того, что хочет”. Анна не виновата в том, что любит не мужа, а Вронского. Вронский не виноват в том, что начинает охлаждаться к Анне.

Но, в конце концов, где корень, где причина трагедии? Мы сказали, что не прав Лев Толстой, не правы Томас Манн и авторы энциклопедий. В чем же состоял поступок Анны, без которого трагедии не произошло бы?

Если есть наказание, то есть и преступление, если есть следствие, то должна быть и причина. Как говорит Евгений Миньковский — ”объяснить явление значит познать основу его прежнего существования”. А роман дает нам ответ на вопрос: в чем состоял грех Анны. Прочтем из него внимательно следующий отрывок:

” — Я начну сначала: ты вышла замуж за человека, который на двадцать лет старше тебя. Ты вышла замуж без любви, или не зная любви. Это была ошибка, положим.

— Ужасная ошибка! — сказала Анна.

— Но я повторяю: это свершившийся факт. Потом ты имела, скажем, несчастье полюбить не своего мужа. Это несчастье, но это тоже совершившийся факт”.

В другом месте Толстой говорит о прошлом Анны:

”Во время его губернаторства тетка Анны, богатая губернская барыня, познакомила хотя не молодого уже человека, но молодого губернатора со своею племянницей и поставила его в такое положение, что он должен был или высказаться, или уехать из города. Алексей Александрович долго колебался. Столько же доводов было тогда за этот шаг, сколько и против, и не было того решительного повода, который бы заставил его изменить своему правилу: воздерживаться в сомнении; но тетка Анны внушила ему через знакомого, что он уже компрометировал девушку и что долг чести обязывает его сделать предложение. Он сделал предложение и отдал невесте и жене все то чувство, на которое был способен”.

И не в этом ли разгадка всей трагедии, что Анна, как и большинство девушек ее круга, вышла замуж не по любви, *покоряясь* законам своего общества, и все, что произошло потом, было только естественным последствием этого? Здоровая женщина должна была когда-то полюбить. Никто не мог дать гарантию, что она полюбит именно своего мужа. Все, что произошло потом: трагедия, мучения и т. д., было всего лишь логическим последствием того, что *покоряясь общественным нормам*, Анна вышла замуж не по любви, а не потому, что она преступила эти нормы.

В нормальном браке с любимым человеком, с Вронским, даже и временное охлаждение Вронского не вызвало бы трагедию —

трагедию, неизбежную в положении Анны, в положении матери, которая не любит отца своего ребенка. В положении, где не по "внешним" условиям (бойкот общества, роль любовницы, а не законной жены и т. д.), а по глубоко *внутренним*, она была осуждена быть только любовницей, а не одновременно и матерью ребенка любимого человека. Вспомним:

" — Если бы я могла быть чем-нибудь, кроме любовницы, страстно любящей одни его ласки; но я не могу и не хочу быть ничем другим".

Если бы Анна не вышла замуж за Каренина, если бы Анна не родила ребенка с нелюбимым человеком, то и трагедии не было бы. Вина лежит на самой Анне, а общество виновно только в том, что одобряло браки без любви, хотя следует признать, что общество не *принуждало* Анну выйти замуж за Каренина. Анна могла отказаться и не поступать "как все остальные".

3

Задача этой статьи не в том, чтобы показать бесцельность борьбы за более гуманное, более прогрессивное общество. Но в "царстве свободы" как ответственность индивидуума, так и трагедии, то есть наказания за преступления, будут гораздо более тяжелыми, потому что личность будет обладать большей свободой. Только в этом смысле и можно понять защиту "права на страдания" у Достоевского — как защиту свободы. Естественно, что там, где нет свободы поступать по своему желанию, нет ни ответственности, ни наказания. Под наказанием мы, конечно, понимаем не смерть, а душевные муки, тот подлинный средневековый "страшный суд", от которого Анна ищет убежище в смерти. Если бы не было личной вины, не было бы и страданий. Да, в истории бесконечное количество раз получалось так, что сильный большой человек погибал, проигрывая сражение с консервативным окружением, но такая гибель не есть следствие душевных страданий и не сопровождается ими. Вспомним множество предсмертных записей революционеров, которые поражают нас глубокой верой в победу правды на земле, несмотря на личную смерть, и своим удивительным духовным спокойствием. Конформизм, предательство самого себя всегда сопровождается душевными мучениями и самоуничтожением. Анна Каренина не революционер. Анна наказана за конформизм, за то, что она предала самое себя. Предательством был брак с Карениным — все остальное только последствия. И храброе поведение Анны в обществе потом

уже почти ничего не могло исправить.

Встает вопрос — кто же на самом деле наказывает Анну? Мы сказали, что не общество, потому что общественный бойкот в течение ряда лет не помешал ей быть счастливой с Вронским. Мы не можем обвинять также и Вронского, потому что его охлаждение было следствием того, что он видел в Анне только любовницу, а не одновременно и мать своих детей.

Однако, мы уже сказали, что сам Толстой в некотором смысле ближе к истине, чем сторонники социологических разъяснений. Если мы "святой брак", который он формально видит в его церковно-правовом облике, заменим спонтанной, естественной любовью, страстью, над которой человек не властен, как он не властен над силами природы (хотя и может их использовать — если им покорится), в таком случае Лев Николаевич прав. Нарушение "святости брака", следовательно, состоит не в нарушении общественных норм, а в нарушении естественной любви, психофизической связи между двумя людьми. Это и есть тот грех, за который наказана Анна. Брак с Карениным и *неестественное* рождение сына от Каренина и есть нарушение того, что Толстой называет "святым браком".

Но кто все-таки наказывает Анну? Здесь мы вынуждены затронуть область психологии и даже медицины. Несколько лет тому назад группа врачей в США производила исследования в семьях психически расстроенных и недоразвитых детей. Один из наиболее характерных факторов для семей, в которых были такие дети, было отсутствие любви между родителями, хотя родители это зачастую умело скрывали от детей. Врачи установили, что душевно здоровые и нормальные дети происходят из "естественных" браков, то есть из браков, базирующихся исключительно на спонтанных взаимных чувствах и симпатиях родителей друг к другу. Тот факт, что умелая маскировка отсутствия психических связей между родителями не дает никаких результатов, то есть психическое состояние ребенка и в этом случае нарушается точно так же, как и в случае незамаскированного конфликта, свидетельствует о том, что психическая связь между родителями, любовь двух людей есть *физическая*, а может быть, и материальная *реальность* (может быть, в обозримом будущем психическую энергию любви можно будет измерять точными приборами). Наиболее интересное во всем этом еще и то, что при разводах дети в большинстве случаев признавали отцом человека, пользовавшегося симпатиями матери, в то время как к своему физическому отцу оставались совершенно равнодушны.

Многое из того, что мы обычно называем моральным грехом, угрызаниями совести и т. д., есть ничто иное, как известная психологическая естественная реакция организма, представляющего собою психофизическое единство. Конформизм рано или поздно жестоко

наказывается. Конформизм, по существу, есть подчинение и приспособление естественных стремлений индивидуального, психологического "я" к чему-то постороннему, обычно — к преходящим и устаревшим общественным нормам. Каждое "я" вполне реально содержит в себе множество психических и физических "мы" будущего, и этот коллектив в вечном нисколько не менее реален, чем коллектив преходящего "мы" в настоящем. Настоящее есть только горизонтальный разрез жизни. Существующее общество есть только горизонтальный разрез организма (а не механизма) человечества. И человек ни в коем случае не есть только общественное существо, если под обществом подразумевается настоящее, но также индивидуальное существо, если под индивидуальным понимать будущее. И жертвоприношение индивидуальным (будущим) ради общественного (настоящего) и есть то, что мы на нашем условном языке именуем конформизмом.

Анну наказывает ее индивидуальное подсознание, сказали бы психоаналитики. Достоевский сказал бы, что Анна наказывает сама себя, то есть, ее наказывает вечность, заключенная в тех "я", которые она носит в себе. Но суть не в терминологии. Между исповедью в церкви и лечением при помощи психоанализа нет такой уж существенной разницы. Общественные формы, нормы и законы — только отражения реальных связей между людьми, и зло начинается тогда, когда отражения начинают считать единственно существующей реальностью. Общественно узаконенный брак есть только подтверждение психической связи между двумя людьми, но одно лишь только подтверждение без этой связи — ложь, конформизм, насилие, за которое несет ответственность и тот, кто его совершает, и тот, кто его терпит. И душевные муки Анны настолько же оправданы и естественны, насколько естественна физическая боль от ожога.

4

В "Русском архиве" за 1868 год опубликована статья Льва Толстого под заголовком "Несколько слов о книге *Война и мир*", в которой великий писатель не повторяет свои, действительно наивные, разъяснения исторических событий в романе, а отвечает на упреки критиков (в том числе и Тургенева) в том, что он в своем произведении недостаточно отразил "дух времени".

"На этот упрек я отвечаю следующее. Я знаю, в чем состоит этот "дух времени", которого не находят в моем романе, — это ужасы крепостничества, замуравывание женщин в основание стен, порка взрослых сыновей, Салтычиха и т. д., и этот "дух времени", живущий в нашем воображении, я не считаю верным

и не хотел его изображать. Изучая письма, дневники, предания, я не находил всех ужасов этого безумия больше, чем нахожу сегодня или в любое время. В те времена точно так же любили, завидовали, искали правду, милосердие, увлекались страстями; так же была устроена интеллектуально-моральная жизнь, иногда даже более утонченная, чем в высшем обществе сегодня. Если в нашем воображении создано представление о духе самодурства и насилии того времени, то *только оттого*, что в преданиях, записках, рассказах и романах до нас дошли самые исключительные случаи насилия и самодурства”.

По сути Толстой восстает здесь против грубой социологической вульгаризации, согласно которой каждый исторический период полностью определяется своей социально-экономической культурой, которая создает так называемый ”дух времени”. Разве отличительной чертой Средних веков был только мрак, Возрождения — пробуждение и гуманисты, капитализма — немилосердная эксплуатация? Пора в эту грубую алгебру социологии ввести интегральное и дифференциальное исчисление. Паскаль в своих ”Мыслях” в одном месте вполне серьезно писал: ”Если бы нос Клеопатры был на миллиметр длиннее или короче — всемирная история пошла бы другим путем”. Конечно, это только до крайности заостренная мысль о том, что движение истории зачастую зависит от незначительно малых факторов. И не случайно именно Паскаль был одним из создателей дифференциального исчисления.

В этом небольшом исследовании знаменитого романа Льва Толстого мы хотели показать, до какой степени неверны такие грубые социологические обобщения, как ”общество виновато” и тому подобные. ”Анну Каренину” мы выбрали потому, что на первый взгляд именно ее судьба

Одновременно с г
бождением человека, р
ности, из чего следует, ч
ся все более и более тя
во не представит челове
родине”, как сказал бы
ответственность за свой
Анны были бы правильно поняты и освобождены от баласта социологических теорий.

ДЖИЛАС ПРОТИВ МАРКСА

По поводу неудачной критики теории отчуждения

1

В мае 1971 года лондонский журнал "Энкаунтер", номер которого я получил по почте от неизвестного доброжелателя из Англии, опубликовал статью Милована Джиласа, направленную против "теории отчуждения" Маркса.¹ Сегодня в Югославии можно критиковать Сталина и сталинизм, но все еще, к сожалению, нельзя свободно писать о Ленине и Марксе, например, с тех позиций, что сталинизм не есть искажение марксизма и ленинизма, а лишь логическое развитие коммунистического учения. Если прибавить к тому же, что Джиласу все еще запрещено публиковать труды в своей стране, то будет ясно, что полемика с Джиласом — вещь весьма деликатная. Комментировать или критиковать его книги и статьи в Югославии невозможно по политическим причинам, а заниматься этим в демократическом мире противопоказано потому, что власть любую критику может использовать для снижения авторитета Джиласа среди югославов: вод, дескать, и на Западе Джиласа не ценят.

Мне кажется, что, по стечению обстоятельств, я по сути единственный человек, могущий полемизировать с Джиласом на равных правах, без риска навлечь на него политические неприятности. Несколько лет назад я открыто в своих статьях высказывался в пользу Джиласа (например, в статье "Джилас и сегодняшняя Югославия"; по-русски опубликована в "Посеве" № 21, от 20 мая, 1966 г.), а сегодня мне, как и Джиласу, запрещено печататься в собственной стране.

Заслуги Джиласа по разоблачению и анализу коммунистического тоталитаризма огромны, а его "Новый класс" останется одним из основных произведений о коммунизме и сталинщине. Однако в "Новом классе" Джилас во многом все еще мыслит по-коммунистически и по-марксистски. Новообразовавшееся общество, в создании которого он сам принимал активное участие, Джилас критикует с марксистских позиций, в основе которых заложен идеал "совершенного общества", равенства и абсолютной бесклассовости. В следующей же книге "Несовершенное общество" Джилас пытается

критиковать саму идею "бесклассового общества". В статье "Отчуждение — в природе человека" Джилас хочет нанести удар в самое сердце марксизма, в Марксову "теорию отчуждения".

На этот раз удар направлен не против сталинизма и даже не против ленинизма. Он направлен против всех современных неомарксистских течений, в особенности против "новой левой", в которой Джилас законно видит идейный рецидив неизжитого тоталитаризма.

Марксизм можно критиковать с разных позиций. Можно доказывать, что "отчуждение" человека не определяется одними только общественными условиями и что эта проблема не разрешается с их изменением. Можно показать, что ликвидация частной собственности ни в коем случае не устраняет разделение труда, а тем самым и — классов. Можно критиковать утверждение, что классовая борьба обуславливает развитие всего человечества. Можно доказывать, что при так называемой диктатуре пролетариата не наступит "царства свободы" и не отомрет государство и т. д. и т. п.

Между тем, новое в утверждениях Джиласа состоит в том, что он критикует не Марксов метод, которым тот борется за освобождение человека и устранение человеческого "отчуждения"; Джилас заявляет, что "отчуждение" — вообще не зло, что оно — присущее человеку качество. Другими словами, он не становится на обычную позицию критиков марксизма, утверждающих:

что метод, которым осуществляется "царство свободы", ведет не к свободе, а к рабству;

что осуществить бесклассовое общество и построить коммунизм вообще невозможно;

что построение бесклассового общества и коммунизма очень даже возможно, но что такое общество не имело бы со свободой личности ничего общего и привело бы сначала к духовной, а затем и к физической гибели человечества; для создания более сносной жизни надо устремить свою энергию в другом направлении.

Нет, Джилас не выступает ни с одной из тех позиций, с которых обычно критикуют осуществление "земного рая". С присущей ему решительностью и смелостью, он утверждает, что никакого отчуждения человека просто не существует, а то, что Маркс и все марксисты до наших дней именуют отчуждением и считают злом, на самом деле — добро, врожденное свойство человека. Не нужно никакого освобождения, никакого "земного рая".

Вот эта его мысль и заставляет меня выступить в необычной роли защитника Маркса от Джиласа, с которым я во многом соглашаюсь, роли тем более странной, что я не марксист. Джилас — я надеюсь, что мне удастся это доказать, — хотя и выступает радикально против главной движущей идеи марксизма, даже в этой своей критике все еще остается марксистом. Другими словами, я, немарксист,

попытаюсь отстоять нечто, что мне кажется в марксизме правильным и что Джилас атакует с марксистских же позиций, которые именно у Маркса я считаю неверными. Мне кажется, что оригинальную идею Джиласа следует подвергнуть анализу еще и потому, что как раз на этом примере легко показать невозможность критиковать Маркса, одновременно оставаясь в той духовной плоскости европейского рационализма, где и возник сам марксизм.

2

Несмотря на то, что теория отсуждения, как правильно отмечает Джилас, наиболее туманная часть учения Маркса, именно она — отправная точка, или даже больше — главный двигатель всего коммунистического учения; понятие "отчуждения" скрыто присутствует в трудах и Ленина, и Сталина, и Мао Цзэ-дуна, хотя открыто они нигде не упоминают о нем. Смысл "отчуждения", упрощенно говоря, в следующем: мир болен (теория отчуждения), — его необходимо вылечить (теория и практика коммунизма). Как я уже упомянул, марксизм обычно критикуют, отрицая при этом или диагноз болезни, или ее причины, или способ лечения. Джилас же исходит из утверждения, что никакой болезни вообще нет, а следовательно, и лечить нечего. Эта точка зрения — весьма оригинальна, но, чтобы не допустить чисто терминологической разногласицы, сравним коротко, что под "отчуждением" подразумевает Маркс, а что — Джилас.

Надо сразу сказать: по Марксу, сущность отчуждения — в несвободе, рабстве человека, причины которого он видит, главным образом, в системе частной собственности и товарного производства. Нет нужды входить в подробности таких Марксовых понятий как "фетишизм товара" и т. д., так как этот анализ раскрывает взгляд Маркса на причины несвободы человека (а по Марксу, самый несвободный человек — капиталистический наемный рабочий). В данном случае важно то, что, по Марксу, отчуждение возникает не только как результат производства, но и в самом процессе производства. Маркс пишет:

"Труд рабочего — для него внешний труд, то есть он не входит в состав его сущности, поэтому он своим трудом не самоутверждается, а сам себя отрицает... он не развивает свободную физическую и духовную энергию, а калечит свою натуру, губит свой дух. Поэтому рабочий чувствует себя самим собой только вне работы, а на работе он вне самого себя... Поэтому его труд — не добровольный, а насильственный,

п р и н у д и т е л ь н ы й т р у д . . . деятельность рабочего не принадлежит ему. Она — чужая собственность, она — потеря его самости”.²

Не входя в рассмотрение вопроса, верна ли точка зрения Маркса на причины человеческой несвободы, повторим: отчуждение, с точки зрения Маркса, есть рабство, насилие, принудительный труд. Это и есть самое важное. К тому же, рабство преграждает путь для большей части человечества к свободному развитию творческих сил. В этом и только этом смысле употребляет Маркс понятие ”отчуждения”. И можно сказать, что именно немецкие или советские концентрационные лагеря с их принудительным трудом, где свобода человека сведена до минимума, могли бы, с точки зрения Маркса, быть убедительным примером человеческого отчуждения. Джилас верно отмечает, что для Маркса отчуждение по сути дела — синоним эксплуатации труда и что симптомы отчуждения у отдельного, отчужденного, несвободного человека примерно соответствуют симптомам клинического невроза. Чем больше степень несвободы, которой подвергается человек, тем чаще проявляется у него невроз. Теперь же для нас важно еще раз подчеркнуть, что для Маркса — ”отчуждение” идентично несвободе.

Что же означает ”отчуждение” для Джиласа?

”Нет никакого сомнения в том, — пишет Джилас, — что человек, открывая какую-либо истину, творя произведение искусства или усовершенствуя технику, вносит, то есть ”отчуждает” в произведения своего творения свою силу, свои эмоции, свой разум... Человек становится человеком, отдаляясь своей деятельностью, ”отчуждаясь” от животных условий жизни, данных ему природой... Человек, следовательно, отчуждается от того или иного способа производства или от социальных отношений не потому, что они таковы и являют собою абсолютное зло, а потому, или, вернее только в том случае, когда в этих условиях он не может существовать. Отчуждение есть способ человеческого существования. Все умножающееся разделение труда это отчуждение естественно усугубляет и усложняет, не изменяя при этом факта, что и наиболее примитивный, первобытный человек подвергся отчуждению уже тем самым, что он ”начал” думать и действовать не как животное...”

И дальше Джилас развивает понятие ”отчуждения”:

”Каждый раз, когда человек в своей деятельности производит нечто существенно новое, радикальное, он отчуждается, он не может не отчуждаться от форм и отношений, в которых он до тех пор существовал. Иными словами: совершая творческий акт, человек каждый раз отчуждается соответственно масштабам этого творческого акта... Гениальные люди создают новые формы жизни, отчуждаясь от форм, существовавших до них... Для такого отчуждения, естественно, кроме гения, необходимо и внутреннее умственное и эмоциональное напряжение, преодолеть которое никакие внешние, общественные и материальные, препятствия не в силах... Любое человеческое действие, создающее нечто новое, означает одновременно отчуждение от старого, существующего... Процесс отчуждения от природы, поддающийся наблюдению лишь на длительных отрезках времени, есть не что иное, как изменение человека в силу технических и иных условий его существования... Из-за этого отчуждения человек не перестал быть тем, чем он был, но одновременно он стал более независимым, ”отчужденным” от природы. Человек создается, отчуждаясь... отчуждение, или усовершенствование техники и производства... Такому отчуждению от природы, как и другому, ”чисто” духовному, нет конца, — как нет конца миру, в котором мы существуем и часть которого мы составляем... Изменение, отчуждение самого себя, о котором я говорю, заложено в человеке, оно свободно... Так нам раскрывается человек как творец, именно отчуждением своим и бесконечный в своем творчестве и бытии. Отчужденный, творческий человек — один из типов человека... он стремится к полному отчуждению, — к полному господству над природой. Существует только одно устремление, проявляющее себя в бесконечном движении, в бесконечных переходах в новые условия, к новым возможностям”.

И вполне понятно, что в конце своей похвалы ”отчуждению” Джилас восклицает: ”Я отчуждаюсь — значит я человек”.

Думаю, что нет нужды подробнее входить в деление Джиласом ”отчуждения” на три типа: от общества, от природы и от самого себя, тем более, что последнее, как пишет Джилас, ему самому еще не вполне ясно. Однако ясно другое, а именно, что отчуждение, которое так восхваляет Джилас, не имеет ничего общего с отчуждением, о котором говорит Маркс. Я даже думаю, что Маркс мог бы с чистой совестью подписаться под мыслями Джиласа об отчуждении, заменив определение явлений, названных Джиласом ”отчуждением”, более принятыми терминами: прогресс, творчество, эволюция, развитие,

революция. Или еще короче и вернее: *то, что Джилас называет "отчуждением", Маркс называл "Praxis"*. Описывая "отчуждение", Джилас прекрасно иллюстрирует одиннадцатый тезис Маркса о Фейербахе, в котором говорится об "изменении существующего". Критика, которой Джилас подвергает Маркса, — только видимость критики. По Джиласу, "отчуждение" есть изменение существующих условий жизни на лучшие, более человеческие, а по Марксу, отчуждение уже заложено в существующем положении вещей, которое надо изменить, или, как сказал бы Джилас, подвергнуть "отчуждению". Здесь только видимость противоречия, и хотя Джилас стремится нанести удар марксизму, в своем труде от "отчуждения" он не выходит за рамки марксистского мышления. Достаточно изменить термины — и утверждения Маркса и Джиласа по существу совпадут. Маркс считает, что важно изменить мир, Джилас думает, что его следует подвергнуть "отчуждению". Пользуясь различными терминами, оба хотят одного и того же.

Странно, что Джилас не замечает, как, говоря об "отчуждении", он в точности повторяет мысли Гегеля и Маркса, которые этот процесс называли "устранением отчуждения".

Сам же Джилас пишет, что, по Гегелю:

"Прогрессивное познание или овладение миром и есть преодоление отчуждения" (разрядка моя — М. М.).

А по Джиласу:

"Отчуждение... есть не что иное, как изменение человека, изменение условий его жизни посредством технических и иных усовершенствований... Отчуждение, то есть усовершенствование техники и производства... Отчужденный, творческий человек... стремится к полному отчуждению — к абсолютному господству над природой..." (разрядка моя — М. М.)

По Марксу, цель коммунистического движения — создать общество, в котором "неотчужденный человек будет свободно развивать свои способности", то есть творить.

По Джиласу, отчужденный человек — творческий человек.

Еще более странно звучит утверждение Джиласа, что "отчуждения, как его понимает Маркс, не существует", так как "отчуждение есть состояние человека, а эксплуатация это общественные отношения", и следовательно, они не идентичны. Но ведь и по Марксу, отчуждение есть только следствие эксплуатации, то есть *состояние, вызванное общественными отношениями*. Впрочем, и самому Джиласу не удастся избежать употребления понятия "отчуждения" в

Марксовом, а не в своем смысле. Вот что он пишет о неомарксистах:

“Разве уход в теорию отчуждения не есть сегодня симптом отчуждения от действительности и от собственного ума, отдавание своего бытия, сущности своей личности во власть чужих сил?”

В духе классического марксизма Джилас говорит, что:

“Индустриальная революция, означавшая невиданный научный взлет,.. обернулась жесточайшей эксплуатацией рабочих и крестьян”.

Он обвиняет “социалистические” общества в том, что они не освободили человека. Если не углубляться в терминологические дебри, созданные необычным употреблением и определением понятия “отчуждение”, то из этого логично было бы заключить не то, что свобода не нужна, как можно понять Джиласа, а что так называемый социализм не освобождает.

Следовательно, как пишет Джилас:

“Отчуждение человека от природы (Маркс), или от Бога (Фейербах), Маркс устраняет утверждением, что существующий мир надо изменить”.

То же самое считает и Джилас, только вместо термина “изменение” он употребляет “отчуждение”. В этом смысле от него и следовало бы ожидать похвалы всем революциям (в том числе и коммунистической) как образцам “отчуждения” (по Джиласу). И сам собою встает вопрос: против чего, собственно, восстает Джилас и не есть ли его похвала “отчуждению” лишь признак духовного дальтонизма?

Но это, конечно, не так, и нам остается только пожалеть, что Джилас не придерживался термина “отчуждение” в Марксовом понимании. Его мысли тогда стали бы яснее и полемизировать с ним было бы проще.

3

Суть подлинного, а не только терминологического конфликта с Марксом полностью раскрывается в одной фразе Джиласа:

“Даже если бы человек познал, в чем сущность, — он в нее не смог бы возвратиться, потому что он ее и не покидал”.

В этом и заключается подлинный конфликт.

Несмотря на то, что весь пафос марксизма питается историей и в ней же проектируется, в пафосе все-таки присутствует незримое религиозно-метафизическое ядро, управляющее им и постоянно входящее в столкновение с марксистской, и не только марксистской идеей исторического прогресса. Отсюда проистекают и все другие противоречия: "царство свободы" создается при помощи диктатуры, развитие техники якобы ведет к устранению разделения труда и т. д. Это движущее и одновременно религиозно-метафизическое ядро марксизма наиболее четко обнаруживается в теории отчуждения (в Марксовом смысле). Джилас совершенно правильно заметил, что самое понятие "отчуждение" у Маркса обладает скрытым религиозным характером. При этом Джилас мог бы процитировать апостола Павла, который говорит об отчуждении и рабстве не только человека, но и всего живущего в мире, подверженного закону смерти, всего живого, которое в муках стонет и ждет избавления. Говоря языком религии, человек *отчужден от Бога, то есть от свободы*, и находится во власти законов природы вместо того, чтобы законами природы владеть, как это было по Великому Мифу в момент творения. По Марксу же, который в Великий Миф уже не верил, человек отчужден от своего "родового бытия", в котором он должен быть якобы свободным и к которому возвратится в грядущем "царстве свободы". Все остальное в марксизме — только техника создания "царства свободы", осуществляемого в исторической плоскости.

И по Библии, и по Марксу, человек *отчужден от свободы*. Именно в этом болезнь человечества. Но Библия и Маркс ставят различные диагнозы этой болезни и предлагают разные способы лечения. Однако ни библейская, ни марксистская суть человека — свобода — не есть историческая категория. Только Библия последовательна и не строит "царства свободы" в исторической реальности. А Маркс, верящий только в историю и отбрасывающий все потустороннее, помещает "царство свободы" на землю, в исторические рамки. Но если бы мы были последовательны и не нарушали границ идеи исторического прогресса, как хотел Маркс, то должны были бы вместе с Джиласом установить, что "человек не может возвратиться в свою сущность, потому что он ее никогда не покидал". Если же это так, то "отчуждаться" он может только от того, что существует. Тогда нам станет более доступной та *психологическая* причина, по которой Джилас меняет смысл понятия "отчуждение": в начале истории не было никакой свободы, ни в библейском, ни в Марксовом значении этого слова, к более же свободной жизни нас ведет шаг за шагом исторический прогресс, в особенности научно-технический, и прогресс этот не имеет конца. Как известно и как об этом упоминает Джилас, команда "Аполлона" высадилась на поверхность Луны. Что же

касается веры в исторический прогресс, мы могли бы придти к выводу, что Джилас более последовательный марксист, чем Маркс.

Неудобство лишь в том, что идея исторического прогресса требует ответа на вопрос о направлении этого прогресса и о возможностях человеческого влияния на него. По Джиласу, каким-то образом выходит, что прогресс (или "отчуждение", как он его называет) автоматически ведет к гуманизации человеческой жизни, к власти человека над природой и так далее, — и все это лишь потому, что "человек есть человек". Если исходить из такой точки зрения, то исторический прогресс есть не что иное, как естественное развитие человека, вроде произрастания растений. На вопрос же о том, что же все-таки делать человеку, находящемуся в положении наемного рабочего времен начального периода концентрации капитала, или советского зека, или американского негра, или же человека, умирающего от неизлечимой болезни, или искалеченного в дорожной катастрофе, — Джилас отвечает:

"Прежде всего, ни один человек в здравом рассудке не ощущает себя отчужденным (в Марксовом смысле. — М. М.) потому, что природа отлична от него или что ему непонятна функция созданных его руками предметов: он просто ощущает себя недостаточно образованным или недостаточно награжденным..."

Но это уход от ответа на поставленный вопрос. Или историческая жизнь человека подчинена каким-то законам, на которые он не может влиять, с чем Джилас не хочет согласиться (вспомним его похвалу "отчуждению" как свободному творчеству человеческого гения), или прогресс зависит от человека. Но в этом случае главная проблема — в определении цели и направления развития прогресса.

Если существует возможность выбора цели и направления исторического развития, то это означает, что человек не полностью зависит от законов природы, что он носит в себе частицу чего-то, что мы в остальной природе не находим и что, таким образом *внеприродно* или *надприродно*. Это — *свобода*, свободная воля. Если бы Маркс не был ослеплен "научностью" XIX века, то он, отбросив историко-экономический детерминизм, провозгласил бы, что хотя исторический прогресс и не ведет к коммунизму, но "царство свободы" тем не менее можно осуществить, если за него бороться, — что, впрочем, на практике и делалось. Правда, в этом случае Маркс должен был бы признать дуализм человека, потому что в исторически-природном мире никакой свободной воли, или того, что в религии называют "дух", нет. Все же старания Маркса были направлены на то, чтобы удержать человеческую мысль в плоскости природы-истории. Для

Джиласа этой проблемы не существует, и он свободно себя чувствует в исторической плоскости. Он пишет:

”Кто из религиозных мыслителей сегодня утверждает... традиционную априорную двойственность человека?”.

Между тем именно эта двойственность и свидетельствует об ином измерении, в котором человек поднимается над эмпирической исторической реальностью, остающейся вне сознания и Джиласа, и его идейного противника Герберта Маркузе, который, несмотря на свою ”революционность”, остается человеком *одного измерения*, и именно *исторического*.

Причины, почему Маркс отрицал дуализм человека (а Ленин приходил в бешенство при малейшем упоминании об этой ”поповщине”) в том, что для достижения *цели, в которую они верили*, им надо было убедить людей, что ”отчуждение”, или несвобода, есть только следствие неправильных историческо-общественных отношений и что при перемене этих отношений несвобода исчезнет. Посмотрим, каким религиозным языком описывает Маркс ”царство свободы”:

”Этот коммунизм... *подлинное* решение конфликта между человеком и природой, людей между собою... между свободой и необходимостью, между индивидуумом и родом. Он есть решение загадки истории и знает, что он есть это решение.”³

И если бы Маркс не жил в XIX веке, он несомненно написал бы в Коммунистическом манифесте, что каждый, кто падет на баррикадах в борьбе за коммунизм, будет вечно жить в грядущем ”царстве свободы”. Но как в нем жить вечно, если оно историческое? Между тем тот, кто отрицает абсолютное, вынужден абсолютизировать относительное. Абсолютизирование истории, утверждение существования социально-экономического детерминизма, исключающего возможность свободного выбора будущего, Марксу было необходимо, чтобы заставить людей верить *в его выбор будущего*. Совершенно ясно, что трагедия человеческой жизни на земле не коренится только в порабощающей общественно-экономической системе и что поэтому ее невозможно разрешить при помощи социальных революций. Джилас совершенно прав, когда отрицает мысль Маркса, что корень ”отчуждения” — в разделении труда и что при высоком техническом развитии это разделение исчезнет, а не усугубится.

Но Джилас неправ, говоря, что:

”...ни один человек в здравом рассудке не ощущает себя отчужденным... он просто ощущает себя недостаточно образованным или недостаточно награжденным”.

Мир действительно несвободен и болен, хотя бы, например, коммунизмом тоталитарного типа, против которого устремлены духовные усилия Джиласа.

4

Один из аргументов против марксизма, который кажется Джиласу необычайно важным, это утверждение, что марксизм ненаучен, что отправные точки Маркса и его прогнозы не соответствуют научно установленным фактам. Историческое развитие показало, что рабочий класс при росте капитализма не нищает, а наоборот, богатеет; что социалистические революции одержали победу в отсталых странах, а не в наиболее развитых, как утверждал Маркс; что вследствие ликвидации частной собственности создан новый партийно-бюрократический класс, а не зачатки бесклассового общества, и т. д и т. п.

Все это полностью соответствует действительности и все же эти аргументы могут быть употреблены как раз против самого Джиласа. Его утверждения, что марксизм — не наука, а вера, что Маркс сначала поверил в коммунизм, а затем уже начал искать доказательства для своей веры, свидетельствует о двух различных вещах: о вере в возможность осуществления "земного рая" в рамках истории и о науке как *нейтральном* средстве, способном служить любой цели, в том числе и коммунистической. Странно, как Джилас этого не замечает. Из книги Джиласа "Несовершенное общество" ясно видно, что и сам Джилас сначала перестал *верить* в коммунизм, а только потом уже отыскал этому "научные" подтверждения.

Сама по себе наука вообще не высказывается ни за, ни против коммунистических целей и учения. Наука не ставит себе и не достигает никаких гуманных целей, а сама обусловлена целями, поставленными ей заранее. Из научно доказанного факта, что рабочие подвергаются эксплуатации или что у интеллигенции нет свободы слова, никак не вытекает, что рабочих нельзя эксплуатировать и что надо добиваться свободы слова. Из научного факта, что при разложении атомного ядра освобождается громадная энергия, ни в коем случае сам по себе не следует вывод, что надо создавать атомную бомбу, или атомную электростанцию, или навсегда запретить атомные исследования. Наука отвечает на вопрос: что и как надо делать для достижения такой-то цели, но самой цели наука не определяет даже в том случае, когда научное познание становится самоцелью, — потому что и в этом случае цель была заранее поставленным условием, а не результатом научного исследования. Наука ничего не говорит о том, что надо создать более справедливое общество, так же, как патология в медицине ничего не говорит о том, что человек должен быть здоровым.

Требование справедливого общества или здорового тела есть предварительные условия социологии или медицины, поскольку исследования в этих областях можно вести и в противоположном направлении, о чем говорят недавние исторические события.

Стержень всего коммунизма — вера в возможность создания "царства свободы" в рамках истории и общественно-экономического прогресса при помощи насилия — "повивальной бабки истории". Это и есть сущность коммунизма. А любые научные факты либо не относятся к делу, либо имеют второстепенное значение. Лучший пример этому — Октябрьская революция и Ленин, то есть как раз тот самый пример, который приводит Джилас, чтобы разбить коммунистическую идею. Это верно: Ленин своими утверждениями, что социалистические революции возможны и в странах с неразвитым капитализмом и с весьма малочисленным рабочим классом и что именно такие страны "самые слабые звенья капитализма", — поставил на голову все Марксово учение о том, что базис определяет надстройку.

По Марксу, самые слабые звенья — страны с наиболее развитым капитализмом и самым многочисленным пролетариатом. И все-таки Джилас пишет, и он совершенно прав, что Ленин — марксист. То же относится и к сталинскому "построению социализма в одной стране". Сталин тем не менее марксист, — и тут Джилас прав. А разве что-либо существенно изменилось бы в облике коммунистической диктатуры, если бы по инициативе "новой левой" в западных странах монопольную власть захватил бы "авангард" нынешних "отчужденных" — "цветные", студенты и т. п. (ведь авангард рабочего класса там слишком зажиточен, чтобы совершать революции). Вероятно, ничего. И разве имел бы какое-нибудь значение факт, что исторические прогнозы Маркса и тут оказались неверными? Дух коммунизма — существует сегодня, как и во времена Маркса, а может быть, даже еще более укрепился, и никакие "научные факты" — не аргументы против марксизма. Можно даже высказать парадоксальную мысль, что марксизм существовал всегда, но что невиданного расцвета он достиг в XX веке.

И как бы ни был марксизм ненаучен, вера в науку и марксистская вера — родные сестры, потому что обе они базируются на прогрессивном овладении и миром, и природой, в том числе и природой человека; для них аксиома, — что власть дает свободу. Такое овладение, как мы указали, Джилас называет "отчуждением". Но следует еще раз подчеркнуть, что вера в науку и сама наука — не одно и то же.

5

Джилас, мне кажется, прав, утверждая, что нынешние марксистские или неомарксистские философы — второразрядные мыслители,

но думаю, он неправ, утверждая, что учение Маркса "до сих пор живо, главным образом, потому, что превратилось в консерватора бюрократических 'социалистических' структур". Разве "новую левую" поддерживают силы государства? Разве неомарксизм институализирован? Лично я еще не вижу целостной идеи, которая могла бы быть противопоставлена марксизму; к сожалению, не вижу ее и у Джила-са. Опасность рецидива тоталитаризма у "новой левой" вовсе не в правильном утверждении, что люди нашего времени "отчуждены" (в Марксовом понятии) и несвободны, а в вере, что диктатура и насилие могут освободить человека. Любое же насилие, стремящееся к "упорядочению жизни человечества", глубоко связано с духовной слепотой и уверенностью, что жизнь существует только в одном плане — историческом. И до тех пор, пока мы будем жить в этом одном измерении, насилия нельзя будет избежать, даже если насилие партии будет заменено научно обоснованным насилием технократии. Человек все-таки, говоря старым языком, — мост между двумя мирами, миром духа и миром природы. Вследствие же духовной слепоты, вызванной рационализмом нового века и верой в науку, реальное устремление человека к абсолютному проектируется на исторически-социальной плоскости, которая не абсолютна и в которой возможна только относительная свобода; она не имманентна исторической сфере и полностью зависит от внеисторических духовных измерений. *Свобода — не следствие, а причина исторического процесса!*

Оставаясь в природно-исторической плоскости, невозможно переспорить ни Маркса, ни "новую левую". Это станет возможным только после духовного преодоления марксизма, преодоления веры в историческую одномерность жизни.

Перефразируя Маркса, скажем так: любую критику современного варварства следует начинать с критики атеизма. Отчуждает человека от жизни духа, от свободы именно вера в то, что жизнь одномерна.

6

Однако, судя по всему, прорыв в другие измерения жизни должен сопровождаться определенными духовными процессами, вызываемыми разрушением веры в коммунизм; без этой веры и ее разрушения — такой прорыв случается редко. Мало кто знает, что в самом начале этого столетия первый такой прорыв был совершен русскими мыслителями, теми, что в самом конце прошлого столетия вносили в Россию марксизм и были участниками так называемого первого марксистского фронта, свидетелями первой русской революции — 1905 года. Это Бердяев, Струве, Булгаков, Франк. Их сборник "Вехи",

вышедший в 1909 году, остается и сегодня важной вехой на пути преодоления марксистской веры в насилие. На том же пути стоит одиноко Лев Шестов — быть может, самый крупный из них.

Интересно наблюдать за параллельностью в процессах духовного преодоления марксизма у Джиласа и Бердяева — тоже бывшего марксиста. Уже в конце двадцатых годов этого века Бердяев дал определение, краткую характеристику и саму формулировку "нового класса". Джилас, не зная об этом, четверть века спустя озаглавил так свою знаменитую книгу. То же самое повторилось со второй книгой Джиласа "Несовершенное общество". Его идею и понятие дал за несколько десятилетий до этого Николай Бердяев в своей книге "Судьба человека". А я свидетельствую, что Джилас, работая над "Несовершенным обществом", не был знаком с книгой русского философа. Сходство это позволяет надеяться, что по тому же пути пойдут все, кто в духе и на практике переболели коммунистической верой.

В отличие от Бердяева, Джилас, однако, еще не дошел до конца своего пути преодоления одномерности исторического процесса, о чем свидетельствует и анализируемая нами работа.

Другой бывший коммунист, Иньяцио Силоне, в своей последней книге⁴ пишет, что самым крупным событием в жизни многих людей его поколения в течение последнего десятилетия было новое открытие христианства. Нет сомнения, что в таких случаях это не "научное познание", а именно *открытие*, потому что оно — других измерений и дает человеку возможность сопротивляться историческому насилию любых тоталитарных систем и организаций, включая сюда и исторические церкви. Если часть человека не принадлежит к природно-историческому миру, то она и не умирает вместе с частью, которая к этому миру принадлежит, а значит и власть этого мира над человеком не абсолютна, и притом вовсе не потому, что бессмертие души, глубочайшего "я" каждого из нас, *зерна свободы*, морально или необходимо или что-либо в этом духе, а просто потому, что это *реально так*, если хотите, — вопреки всякой морали. Если же этой реальности не существует, — тогда ленины и сталины действительно непобедимы. К счастью, это не так, несмотря на то, что они ведут непрестанную борьбу против жизни духа.

Резюмируя, надо сказать следующее.

Критика Марксовой теории отчуждения Джиласом — только кажущаяся, потому что он все еще находится в рамках мышления, в которых создавался и марксизм. Джилас сам пишет, что человек не создал ни природу, ни самого себя, но не понимает при этом, что человеком не могло быть также создано и то самое невероятное, самое надприродное, что нам известно в жизни, а именно — свобода, свободная воля. Джиласу кажется, что свобода есть некая производная человеческого равития, и он не видит, что свобода есть предвари-

тельное условие любого развития и тем самым не может иметь корней в истории. Другое дело — осуществление свободы, оно всегда конкретно и исторично. Но уже вопрос прогресса свободы — весьма проблематичен. Непрерывающаяся борьба за свободу в истории как раз и доказывает, что человек уже был создан свободным и что не было бы никаких мифов о "падшем" человеке, мифов об "отчужденном" человеке и, наконец, — неврозом, если бы свобода была только результатом прогресса. Тоску по свободе может ощущать только тот, кто в первооснове своей свободен, но повержен в несвободу. Как прекрасно сказал Кафка: "Кто может тосковать по утерянному королевству? Только свергнутый король".

Маркс прав, когда утверждает, что человек отчужден (несвободен), но как сама его теория, так и предлагаемые им пути преодоления отчуждения историческим насилием говорят о том, что и сам он был глубоко отчужденным человеком (конечно, не в смысле формулировки Джиласа) и что именно его учение об освобождении — не лечение, а наиболее яркий симптом болезни. Человек отчужден не от какого-то абстрактного "бытия", а от реального внеисторического центра собственной личности и одновременно от внутреннего стержня свободы. Если говорить об этом стержне на языке религии, то человек создан по образу и подобию Божьему. Человек отчужден или раздвоен (вспомним, что дьявол — "*диаволо*" — мифический *разделитель*). Наивно и легкомысленно отрицать существование болезни в то время, как она существует, хотя Маркс поставил неверный диагноз, а следовательно, и предложил неверное лечение. Маркс во многом напоминает тех библейских пророков, которым Бог повелел: иди и ослепи народ сей — пусть смотрит и не видит, слушает и не слышит! По современной истории мы видим, что наказание слепотой все еще продолжается.

Без уразумения реальности иных измерений идущей борьбы невозможно ни критиковать марксизм с каких бы то ни было "научных" точек зрения, ни одолеть тоталитаризм. Теорию и практику марксизма можно всегда изменять, — "наиболее слабым звеном" будут то развитые, то малоразвитые страны, носителями "революционного насилия" будет то пролетариат, то крестьянство, то "цветные" и т. д. и т. п., но дух марксизма — создание тоталитарной диктатуры — от этого ничего не теряет. В центре любого тоталитаризма — *вера, что власть дает свободу*. Противопоставить этой вере можно только *веру* в то, что всякая власть поработщает, в первую очередь того, кто властвует, и что терпеть насилие — такой же грех, как его совершать.

В упомянутой нами книге Иньяцио Силоне герой говорит своему противнику, папе римскому, представителю веры в исторически-земное царство:

”Ваше Святейшество, если вы посмотрите вон в то окно, вы увидите на лестнице перед собором оборванную старушку, нищенку, существо, которое в жизни мира сего ничего не значит; она сидит там с утра до вечера. Но через миллион лет, через тысячу миллионов лет душа ее будет существовать, потому что Бог создал ее бессмертной. А неаполитанское королевство, Франция, Англия, все другие государства с их армиями, судами, прочим — все они обратятся в ничто” (стр. 264).

И этим сказано все о ”царстве свободы” на земле и в истории, в истории, не существовавшей бы без бытия надисторического, которое одни называют Богом, другие — свободой, третьи — целью; бытия, не имеющего никаких связей с естественными законами развития, которыми только и в состоянии заниматься наука.

1971

1. Название в оригинале: Милован Ђилас, ”Отуђење као људкост” (“Отчуждение — в природе человека”).
2. K. Marx i F. Engels. Rani radovi. Zagreb 1967, str. 246-249 (сверено по: Karl Marx. Ökonomisch-philosophische Manuskripte. Verlag Philipp Reckam jun. Leipzig.)
3. K. Marks i F. Engels. Rani radovi. “Kultura”. Zagreb 1953. Str 228. (Сверено по Karl Marx. Ökonomisch-philosophische Manuscripte. S. 184).
4. Иньяцио Силоне. Судьба одного бедного христианина. Edizioni scientifiche italiane. Napoli. 1968.

ДЕСЯТЬ ОТВЕТОВ

на вопросы К. Д. Померанцева для "Русской мысли"

1. Советский коммунистический опыт принес русскому народу много несчастий, зла и страдания. Не думаете ли вы, что он и какие-то положительные результаты дал? Если — да, то какие?

ОТВЕТ: Если говорить о внешних, видимых результатах полувековой власти коммунистической партии в России, об индустриализации, науке, технике, экономике, культуре, искусстве, жизненном уровне, образовании, общественных нравах, общественной мысли, — то по моему, вопреки твердо установившимся мнениям на Западе, не говоря уж о советских пропагандистах, результат полувекового опыта резко отрицательный, даже если списать все жертвы лагерей и кровавых чисток, организованного голода и коллективизации на счет "перегибов культа личности" и "болезней роста". Однако, опыт неволи и страдания, насколько бы он ни был ужасным и болезненным, срывает пленку духовной слепоты с глаз человека, и тем самым открывает возможность духовного возрождения, являющегося предпосылкой всех вообще рождений и возрождений. Величайшим положительным результатом коммунистического опыта я считаю тот факт, что коммунистическая идея, а заодно и марксизм, и материалистическая философская и жизненная установка, в России, в отличие от Запада, больше, в духовном смысле не существует.

Она, конечно, существует как факт реальной жизни, тысячами книг, газет и пропагандистов, резолюциями и партсобраниями, а особенно деятельностью КГБ, однако в духовном смысле, коммунизм, марксизм и материализм — мертвы. Мертвы окончательно. Тип людей активно поддерживающих диктатуру и верящих в "правое дело" коммунизма, сменился людьми, уже не верящими в благое дело насильственного устройства общественной жизни, однако верящими в непобедимость силы и насилия. Но это уже огромная перемена в общественном сознании, так как идея комдиктатуры потеряла то моральное оправдание помогающее затушевывать голос совести. Надо быть марксистом, считающим, что "общественное бытие определяет общественное сознание", или американским "бихевиористом", чтобы

отчаиваться по поводу того, что общественное бытие в России все еще коммунистическое. Для меня несомненно, что зарождается новое, посткоммунистическое сознание (я его называю — "планетарным", в силу его общечеловеческого и мирового значения), пока только у небольшого числа людей, пытающихся осмыслить пережитый опыт, однако в начале всегда так бывает. Основные элементы этого сознания уже налицо. Их можно заметить в упорно повторяющихся мыслях на страницах самиздатовских произведений, а особенно у Надежды Мандельштам, Синявского и Солженицына. Не знаю, заметили ли читатели на Западе, что Н. Мандельштам и Солженицын это фундаментальные положения нового сознания, являющегося результатом осмысления пережитого опыта, называют "законами". Современная наука таких законов не знает, однако, по всей вероятности, придется переделывать именно науку.

Вот этот основной "закон" словами Н. Мандельштам: "У человеческой щепки, даже самой заурядной, есть таинственная способность направлять поток" ("Вторая книга", стр. 187). И еще: "Внутренняя жизнь, пожалуй, в большей степени определяет внешние события, чем наоборот" (стр. 205); "У надежды есть особое свойство — она оправдывается если ее сохраняют" (стр. 539). Солженицын в "Круге первом", кажется, прямо говорит о "законе" приведшем главного героя Нержина в шарашку, в которой он только и мог понять все происходящее, а понять происходящее было его самым глубинным жизненным влечением. Солженицын пишет: "Желания наши обязательно исполняются если они по настоящему велики" (стр. 225, микроиздание "Посева").

Осознание *неразрывной связи* внутреннего мира человека (его души, а не сознания), с внешним миром, причем внутренний мир полностью *определяет* судьбу и все события личной жизни во внешнем мире, это и есть основное парадоксальное утверждение нового духовного опыта. Парадоксальное, потому что для поверхностного взгляда именно мощное тоталитарное давление внешнего мира до конца определяло судьбу отдельного человека. Но вот на этом парадоксальном, можно даже сказать — мистическом, "законе" как на несомненном факте все время настаивают пережившие страшный опыт тоталитарного общества. И из этого основного "закона" вытекают и остальные "законы" нового сознания: "закон самоуничтожения зла" словами Н. Мандельштам, подтверждающийся кровавым историческим опытом советских чисток, в которых каждая волна террора уничтожала когорты вчерашних палачей; глубокое влечение к небытию и внутреннее отречение от свободы, законно приведшее миллионы людей сперва к единомыслию, а потом к лагерной смерти. И поэтому понятны утверждения самиздатовцев, что всякий исторический детерминизм — ложь; что не общество определяет личность, а наоборот; что

быть рабом это не несчастье, а страшный грех; что невинных жертв не было; что человек, у которого все отняли снова становится свободным (Солженицын); и что, опять словами Н. Мандельштам, — "Чувство греховности — основное богатство человека", — так как именно осознание реальной ответственности за свою и общую судьбу делает человека духовно свободным, и поэтому возвращает к жизни.

А все это ведет к той коренной идее, пока еще робко высказываемой самиздатовцами (церковный самиздат — дело особое, и почему я его не считаю особенно значительным явлением, я объясняю в ответе на девятый вопрос), к идее, про которую Достоевский говорил, что без нее невозможна никакая сознательная жизнь человека, — к идее, точнее вере в бессмертие души человека, той души, от которой, как показывает опыт самиздатовцев, зависит вся наша судьба, и существование мира, а не наоборот.

Не только жизнь общества, а даже развитие раковых опухолей, о чем свидетельствуют — Мандельштам, Бек в "Новом назначении", и многие другие. Так что новое сознание несомненно приведет к ревизии не только гуманистических наук, а вообще науки как таковой, основной предпосылкой которой является догма о том, что законы, на которых держится все мироздание, не зависят от души человека и его онтологической свободы. Вот эта невероятная духовная революция, появление первых ростков которой в настоящее время мы видим, и есть, по-моему, правда совершенно неожиданный, но определенно положительный результат октябрьской эпохи. Перемены в человеческом сознании, которые эта духовная революция в будущем не может не вызвать, откроют двери новой исторической эпохе. В этом смысле, само по себе напрашивается сравнение роли русской эмиграции (да и вообще эмиграции из всех тоталитарных стран) с ролью, которую сыграла еврейская диаспора времен первых веков христианства.

2. Не является ли сталинизм лишь естественным развитием (продолжением) ленинизма?

ОТВЕТ: Конечно, да какой тут вообще вопрос может быть? Даже марксисты, например, ведущая югославская группа вокруг журнала "Праксис", отрешиваются от Ленина, хотя все еще бьют поклоны Марксу, правда — "молодому Марксу". В то время как связь Ленина со Сталиным становится самоочевидной даже для не особенно требовательного ума, — ведь невозможно же указать хоть на что-нибудь в практике Сталина, чего в зачатке не было уже у Ленина, — связь Маркса со сталинизмом все еще не осознана. В этом решающую роль в будущем сыграют замечательные русские мыслители

XX века — Шестов, Бердяев, Франк, Лосский, Булгаков и другие. Их книги окажут и уже оказывают огромную помощь в становлении нового сознания, посткоммунистического, которое было ими уже во многом предугаданно, хотя и *не в окончательных выводах*. Мне хочется подчеркнуть, что посткоммунистическое сознание не тождественно с тем антикоммунистическим, к которому привыкли на Западе. Между людьми, пережившими коммунизм (активно или пассивно) и осознавшими этот страшный опыт, и людьми, всю жизнь прожившими в демократических странах (эмиграция — дело особое, эмиграция ведь тоже своего рода лагерь и ссылка), — всегда существует невидимая, но непроходимая стена непонимания, даже когда речь идет об идеологических единомышленниках. Страшен коммунизм, страшна тюрьма, да не тем, чего бояться не прошедшие тюрьму. Чем-то другим. Об этом замечательно пишет Солженицын в "Круге первом". Поэтому я сочувствую где-то высказанной мысли Игнацио Силоне, что победить коммунизм смогут только лично пережившие его.

3. Возможна ли, по-вашему, либерализация советского режима и, если — да, то до какого предела?

ОТВЕТ: Если вы под либерализацией подразумеваете ослабление зажима в некоторых или даже во всех сферах жизни общества в СССР (хотя именно об обществе в тоталитарных странах можно говорить только условно, так как суть тоталитаризма именно в *разобщении* людей), то такая либерализация еще как возможна, и она периодически повторяется с самого Октября. НЭП — это ведь первая либерализация, потом короткий период после "Головокружения от успехов" Сталина, потом во время Второй мировой войны, потом после смерти Сталина, после доклада Хрущева на XX съезде, и снова после XXII съезда. Предел такой либерализации ясно ограничен — это монополия политической власти партии. Югославия является страной в которой компартия подошла до самой границы возможной коммунистической либерализации, еще шаг, и началась бы демократизация, а тогда пиши пропало — партийной монополии, хотя и не социализму. К сожалению, партия во-время начала обратное движение, и до тех пор пока в социалистических странах существует политическая монополия, всякая либерализация будет сменяться новым зажимом, причем нет никакой гарантии в том, что следующий зажим будет менее страшен, чем предыдущие.

4. Думаете ли вы, что коммунизм в СССР будет изжит (эволюция) или свергнут (революция)?

ОТВЕТ: По-моему, необходимо учитывать три несомненных факта, когда разговор идет о возможностях окончания коммдиктатуры в России. Во-первых — никакой эволюции в советском строе за полвека не произошло и принципиально произойти не может, а все перемены являются лишь периодическими волнами зажима и либерализаций. Во-вторых — еще ни один тоталитарный строй в истории не был изнутри преодолен, и надо думать, что это будет таким же чудом, как и спонтанное излечение раковой опухоли. В-третьих — поскольку под революцией подразумевать вооруженное восстание, то, с одной стороны, в условиях тоталитарного режима, тем более в мирное время, такое дело немыслимо, а с другой стороны, именно коммунистический опыт вызвал резкое отталкивание от насилия, с которым всякая политическая революция более или менее связана. И в то же время, как назвать появление массового Самиздата, нового духовного сознания, и сотен героических и жертвенных выступлений, заведомо оканчивающихся в лагерях и психотюрьмах? Ведь это и есть самая настоящая революция, не "разрывающая связь времен", как революции коммунистические, а наоборот, восстанавливающая эту связь. (Кстати, опыт самиздатовцев внесет изменения и в наши понятия о течении времени; заметили ли Вы, как "время застывает", когда человек попадает в тюрьму (Солженицын), или — секунды, длящиеся целую вечность в ожидании ареста (Мандельштам), так что есть надежда, что вскоре мы начнем как сами собой разумеющиеся понимать такие слова Апокалипсиса, что сперва будет "пол-времени", потом "четверть-времени", а потом "времени вообще не будет". А ведь тюрьма — это и есть "раздвоение", разрыв связи времен, когда остается только застывшее, мертвое, бесконечное время. "Пол-времени — это уже дорога к свободе.) Поэтому процесс освобождения России мне мыслится более похожим на борьбу и победу христиан в Римской Империи, чем на результат деятельности эсэровской боевой организации. В этом смысле, трудно переоценить значение самого факта появления Комитета прав человека Сахарова и Чалидзе. Рост правосознания, требование законности — краеугольные камни в идейной и политической борьбе с тоталитарной диктатурой, которая сама по себе, даже в теории (Ленин), является отрицанием именно законности.

Хотя, конечно, нельзя исключить возможность мятежей и внезапных взрывов, которые вряд ли приведут к окончанию диктатуры, однако могут ускорить процесс внутреннего изживания тоталитаризма. Западным пацифистам, мечтающим об установлении прочного мира "во всем мире", и в то же время не желающим вмешиваться во "внутренние дела" тоталитарных стран, надо было бы учесть, по-видимому опять парадоксальное, утверждение, впервые высказанное Пастернаком в "Докторе Живаго", а потом Надеждой Мандельштам,

Ахматовой и другими, что Вторая мировая война, со всеми своими жестокостями и ужасами, принесла внутреннее облегчение подсоветским людям, и время войны явилось единственной светлой полосой во время единовластия Сталина, благодаря тому, что, как пишет Н. Мандельштам, "избавила от раздвоенности, характерной для мирной жизни" (стр. 73). Значение этого свидетельства еще не оценено. Никаких "внутренних дел" на нашей планете больше нет и не может быть, что, впрочем, не значит, что я стою за "холодную войну", наоборот, расширение торговых связей и увеличение числа контактов с несвободным миром открывает большие возможности правдивой информации – опаснейшего врага партийной монополии, и в то же время является прекрасным лечебным средством для многих наивных людей на Западе, искренно желающих знать правду.

5. Желательно ли, чтобы на смену коммунистической диктатуре в СССР пришел демократический строй западного образца?

ОТВЕТ: Поскольку Вы под демократическим строем западного образца подразумеваете правовую организацию общества, обеспечивающую реальную свободу слова, политических и профсоюзных организаций, свободу собраний, печати, религиозных верований, и свободу экономического творчества, – то такой строй после чаемого выздоровления тоталитарных обществ, не только желателен, но и единственно возможен, благодаря тому, что преодоление тоталитаризма происходит исключительно на путях духовного раскрепощения, являющегося фундаментом именно демократического строя.

Однако, поскольку под "западным образцом" Вы подразумеваете современную организацию экономической и политической жизни западных стран, частную собственность на средства производства, словом – капитализм или неокapитализм, – то мое мнение, что такой путь для посткоммунистических обществ и невозможен, и нежелателен. Социализация экономической жизни происходит в тех или иных формах во всем мире, и центр тяжести вопроса о свободе или рабстве (а значит, о жизни или смерти человечества), полностью переходит в сферу политической организации общества, причем вопросы экономической собственности отходят на второй план. Демократический правопорядок только исторически связан с капитализмом, как и тоталитарный с социализмом. Возможности демократии в социалистическом обществе (не в однопартийном, конечно) намного больше, чем в капиталистическом. Нельзя забывать того, что все недуги тоталитарного строя начались уже в капитализме и лишь получили окончательное завершение в коммунистическом обществе: создание огромных промышленных и торговых монополий, религиозный индифферентизм, потеря ценностных критериев в жизни личности и общества,

слепая вера в прогресс и всемогущество науки, полное отрицание свободы человека (чего только стоят книги таких западных ученых, как американский психолог Скиннер, да французский биолог Монно), и многое другое, реально угрожающее срывом Запада в орвелловский мир.

6. Каких советских писателей (исключая Солженицына) вы считаете наиболее обещающими?

ОТВЕТ: У меня такое чувство, что первый период расцвета Самиздата подошел к концу. За последние десять лет картина русской литературы полностью изменилась, однако самые талантливые — Солженицын, Н. Мандельштам, Синявский, да и Окуджава, и Померанц, — люди уже не молодые, и сказанное ими было вынашивается годами и десятилетиями. Переоценить их творчество невозможно, и я даже не могу избежать соблазна провозгласить, что в наше время в мире, по-настоящему значительна только русская мысль, русская самиздатовская литература.

Возьмите, например, блестяще написанную, но такую легковесную, по сравнению с воспоминаниями Надежды Мандельштам, книгу "Антимемуары" Мальро. А ведь Мальро совсем не поверхностный человек, да далеко ему до духовной глубины и наблюдательности этой умнейшей женщины нашего времени. Вот кто давно заслужил Нобелевскую премию!

И тем не менее, трудно говорить о "наиболее обещающих писателях". Кроме Владимира Максимова их не видно. Самые яркие фигуры из молодых или в тюрьме, или в психушке, да и за границей. Волна самиздата выхлестнула из глубины десятилетиями накапливаемые духовные сокровища, однако ни о каком нормальном росте и течении русской литературы все еще не может быть и речи. По всей вероятности, мы находимся на пороге нового зажима со стороны власти, во время которого уже не десятки, и не сотни, а тысячи и тысячи усвоят духовный опыт и новое сознание, выявленное в самиздате прошедшего времени. А результат этого подспудного процесса будет виден лишь во время следующей оттепели. Но придут положенные сроки, может быть, намного раньше, чем это нам теперь кажется...

7. Чем вы объясняете возникновение "левых коммунистов"?

ОТВЕТ: Причины появления "левых" коммунистических течений те же самые, что и причины появления всех тоталитарных движений в нашем столетии — советского и китайского коммунизма, немецкого национал-социализма, итальянского фашизма, и т. д. Болезнь, по существу, одна и та же, однако в зависимости от национального

духа и исторических традиций, принимает разные формы и разное напряжение. Корень болезни в отрыве человека от глубин собственного духа (раздвоение, отчуждение), а поэтому и от реального, живого соприкосновения с ближними. Невыносимое одиночество и потеря ощущения смысла жизни, этим вызванные, толкают на путь мнимого, так как дело идет не об основных, а внешних, второстепенных реальностях, — воссоединении с другими людьми на основе идеи расовой, классовой, национальной. Отсутствие истинной духовности волеяневолей замещается псевдодуховностью, и в мире, в котором нет Франциска Ассизского или Сергия Радонежского, конечно, никакой современный обыватель не выдерживает сравнения с Че Геварой.

Чем это кончается, мы хорошо знаем, однако, к сожалению, еще не известно, существует ли способ излечения менее болезненный, чем тот которому был подвергнут русский народ. (Попробуйте, суньтесь-ка теперь с "левым коммунизмом" в Россию.) Это и есть основной вопрос, от которого зависит судьба Запада. Какую роль в появлении болезни, то есть в причинах отрыва, играет современная бездуховная индустриальная культура, а особенно вера во всемогущество науки, природно-исторический детерминизм, прогресс, — это другой вопрос, тем более, что вся наша цивилизация уже во многом является *последствием* отрыва от глубин жизни. Та приевшаяся молодежи на Западе "свобода от" без того "для чего" — показывает, что уже свободы нету. Уже нет внутреннего контакта с духом — что и есть свобода (ведь в драмах Самуэля Беккета время застыло на нулевой позиции), а поэтому тоталитаризм, приходящий на смену ненужной "свободе от", — только внешнее последствие внутреннего рабства.

Тот факт, что "новая левая" вдохновляется маоистским Китаем, а не "ревизионистским" СССР, совершенно закономерен, и именно показывает, что почва, на которой развивается тоталитаризм — болезнь духа, та тяга к самоуничтожению, о которой пишет Н. Мандельштам. Кажется, эта болезнь только набирает силу на Западе. Максимализм китайской компартии, фанатизм и псевдорелигиозность, конечно являются более сильными притягательными центрами, чем постсталинская, разуверившаяся в коммунизме Россия, историческим традициям которой ("московские цари") и "левые", и "правые" коммунисты приписывают все грехи комдиктатуры. "Левые" очевидно считают, что исторический Китай, по сравнению с Россией, был демократическим государством, а "правые", западноевропейские и ревизионистские коммунисты забывают, что, например, короткая диктатура якобинцев вполне по ленински-сталински залила кровью культурнейшую столицу мира. Вообще, первый симптом духовной слепоты наших современников — в нежелании видеть факт, что диктатура сама по себе вне зависимости от ее идей, людей и принципов,

ведет прямо к смерти общества.

Впрочем, хотя верно, что эпоха тоталитаризмов началась с русского человека Ленина-Ульянова, и если русским приходится испытывать стыд за то, что именно в русском народе появился гробовщик таких мировых масштабов, то стыд этот смягчает то обстоятельство, что поклонение Ленину и "революционному насилию", присуще и представителям других народов — именно тем людям, которые "неудачу построения коммунизма" в России объясняют русской исторической традицией.

8. Возможно ли "самоуправление" югославского типа в высокоразвитых странах?

ОТВЕТ: Это зависит от того, что Вы подразумеваете под самоуправлением. Нынешняя популярность самого слова говорит о том, что оно становится словом-символом, какими являются слова: революция, свобода, братство, равенство, и т. д., выражающие всегда какие-то глубинные стремления человека, однако в практическом осуществлении зачастую приводящие прямо к противоположным результатам.

Поэтому необыкновенно важно уточнить, о чем идет речь в конкретном осуществлении. Поскольку теперь, особенно в среде социалистов на Западе, самоуправление мыслится как идея свободного общества, осуществляемая в производственно-экономической сфере (рабочие, работающие на определенном предприятии, являются его собственниками и по своему усмотрению распоряжаются производством, прибылью, "прибавочной стоимостью", капиталовложениями и т. д.), — то приходится повторять, что это полное недомыслие в лучшем случае, а в худшем — демагогия. А все это благодаря марксистской догме о том, что политика является лишь "надстройкой над производственными отношениями".

Во-первых, такое "самоуправление" ничего не говорит о политической организации общества в целом, то есть о том, как избежать предвидений Г. П. Федотова (в его замечательной книге "Христианин в революции"), что — "Борьба кооперативов не менее страшна, чем борьба личных предпринимателей", а это, впрочем, подтверждает и югославский опыт.

Во-вторых, такое определение самоуправления ничего не говорит об организации власти и самого управления в предприятиях, то есть опять же обходит вопрос политический. Монополия одной группы так же возможна на одном заводе, как и в многомиллионном государстве, где тоже все трудящиеся являются "собственниками" на все средства производства.

В-третьих, наша индустриальная культура становится настолько

объединенной и взаимозависящей от своих составных частей, что остановка или только замедление в работе одного завода вызывает паралич десятков и даже сотен других промышленных предприятий, так что о каком-либо самоуправлении в сфере производственной говорить не приходится, и решение даже технологических вопросов переносится в сферу политическую. Говоря словами Федотова — "При всем могуществе экономических сил в наш 'материалистический' век они оказываются подчинены силам политическим..." Впрочем, я о проблеме самоуправления подробнее писал именно в "Русской мысли" год тому назад, и мне не хочется повторять все доводы против него.

Если бы в самом деле была осуществлена некогда высказанная Хрущевым, не знаю уж, с какими целями, идея о разделении КПСС на две части — аграрную и промышленную, что в пределе вело к ликвидации политической монополии в жизни страны, то значение этого в деле демократизации социалистических стран было бы несравнимо большим, чем сотни югославских однопартийных, самоуправленческих социализмов.

Так что понятие самоуправления может иметь некоторое реальное значение только в смысле *политического* самоуправления, политической демократии, на Западе ограниченной экономической властью больших капиталистических монополий и военно-индустриальных комплексов, а на Востоке — диктатурой компартии. Другое дело — вопрос о том, насколько наша технико-индустриальная культура сама по себе поработает человека, даже при чаемой самой благоприятной экономическо-политической демократии. Тут мы возвращаемся к Вашему первому вопросу, к той, уже надвигающейся духовной революции планетарного сознания, к религиозному возрождению, которое изменит цели и направление развития нашей культуры в такой степени, что все наши теперешние вопросы, заботы, идеологические и социально-политические стремления, потеряют всякий смысл, как теряет всякий смысл вся наша современная психология в отношении к парапсихологии. Обо всем этом я пишу в книге "Ненаучные мысли", однако мне не хочется прежде времени и урывками высказывать идеи и мысли, легшие в основу этой работы.

9. Считаете ли вы, что коммунизму (как полагал Бердяев) может быть противопоставлено лишь обновленное христианство, которое уже не будет "частным делом"?

ОТВЕТ: Мне кажется, что я уже в некотором смысле ответил на Ваш вопрос, однако добавлю, что христианство никогда и не было "частным делом", и в положительном смысле — как победа над

смертью (этим окончательным раздвоением, "вечной ссылкой", словами Солженицына) для всего живого в мироздании, и в отрицательном смысле — как историческая, слишком человеческая, деятельность церковных организаций, породивших, в некотором смысле вполне законно, Святую Инквизицию. Кстати, именно отрицание "частных дел" показывает псевдорелигиозный характер всякого тоталитаризма, а это-то именно и привлекает молодежь *безрелигиозного* мира, в котором только и есть "частные дела" ("свобода от").

Я совсем не уверен в том, что ныне существующие Церкви, включая советские подпольные, сыграют значительную роль в грядущем религиозном возрождении. Христианская проповедь в языческом мире была делом нетрудным, по сравнению с религиозной проповедью в современном мире, и западном, и восточном, в мире, в котором, благодаря наукообразной вере в космический детерминизм, стала совершенно непонятной даже сама идея Вседержателя и Творца неба и земли, понятие граха и спасения, ада и рая. Легко было апостолу Павлу в Афинах утверждать, что "Бог неведомый" — это и есть Иисус Христос. У греков ведь было совершенно определенное понятие о богах, этих всемогущих сознательных силах, ведающих судьбами людей. А у нас ведь теперь одни, равнодушные к человеку, вечные законы природы и материи, а уж о душе, да еще бессмертной, серьезному человеку и заикаться не следует.

А Церкви говорят словами давно забытыми, и даже Евангельские притчи, выражающие самые глубокие духовные откровения простым языком, понятным неграмотным палестинским пастухам, вскоре станут совершенно непонятными, отвлеченными, требующими большого подготовительного учения, для поколений, выросших в больших городах и никогда не имевших возможности видеть живого ягненка или виноградную лозу. О Церковных службах и обрядах и говорить не стоит. Стыдно признаться, но не могу умолчать, что я, например, несколько раз заново разбирался в смысле и символике Церковной службы и потом опять забывал, так же как и значение многих терминов в индусской философии. А ведь некогда язык христианской Церкви был понятен самому необразованному человеку.

И вот, *новый язык для старого Откровения*, который, по-моему, уже начал намечаться у Достоевского, хотя у него, конечно, довлеет традиционная христианская символика и лексика, — начинает прорываться в произведениях самиздатских авторов. Это те таинственные "законы" о которых я упомянул, понятные сразу нашему современнику, с колыбели привыкшему видеть мир и самого себя опутанными в сетку бесконечного числа "законов природы", из которых нельзя выпутаться, но которые однако можно использовать "поклонившись им", то есть осознав их, хотя эти законы все равно как-то продолжают полностью определять судьбу человека, не обращая никакого

внимания на его желания и душевные влечения. И вдруг появляются новые "законы", устанавливающие связь между самыми глубинными душевными влечениями и внешним миром (*religio* — это ведь и означает "связь"). И как странно, что законы внешнего мира начинают осуществлять самое главное, к чему человек, часто не сознавая того, стремится. Когда человек стремится к какой-нибудь цели и верит в нее, то и цель движется к нему, прямо по пословице "на ловца и зверь бежит". По каким-то неведомым "законам" бежит, а не случайно или по какому-то реакционному "Божьему велению". Так "случай" превращается в "закон", а закон ведь понятней нашему современнику, чем — Бог. И этот новый язык вводит в сознание человека тот факт, что существует некая определенная связь между внутренним миром человека, между — верой, надеждой, любовью — и внешним миром, и что внутренний мир "законно" влияет на мировую жизнь. Говоря Евангельским языком, это и есть: "Будет вам дано по вере вашей..."

Только дело тут не в простом переводе со старого на новый язык (почему и являются тщетными все усилия католической церкви "осовременить" Откровение), а в заново пережитой на собственном опыте верности вечных таинственных истин древней книги. Вот каким страшным путем такие "законы" даются.

10. Если самое главное — это осознание личностью своего бессмертия, своей неповторимости и своей зависимости от внеисторического Центра, как и что она должна строить в истории, где все повторимо, конечно и зависимо от внутриисторических центров?

ОТВЕТ: В том-то и дело, уважаемый Кирилл Дмитриевич, что падение человека началось с того момента, когда он поверил в то, что все в истории зависимо от внутриисторических центров, а не от внеисторического. Да и не люблю я этого слова — "строить". Напоминает то Вавилонскую постройку, то сталинские стройки. Вообще, все, что человек строит, настолько бедно по отношению к уже построенному в жизни природы, что у меня невольно зарождается сомнение в том, насколько были правы богословы новейшего времени (особенно католические после Тейяра де Шардена), назвавшие научно-техническое покорение природы — "сотрудничеством человека с Богом", а не дьявольским делом. В древней книге часто идет речь о том, что самое важное обратить главное внимание на внеисторический центр, находящийся внутри нас, а остальное приложится. Конечно, Вы можете возразить, что именно этот внеисторический центр действительно требует неких внутриисторических действий и построек. Ну что же, тогда нужно идти за этим внутренним влечением, даже если никто и никогда в истории не шел таким путем, даже если этот путь требует

принесения в жертву не только себя, но и любимого сына. По какому-то "закону" рука, поднимающая нож будет вовремя остановлена, конечно, если человек замахивается не из злобы, а по вере, какую имел Авраам. И наоборот, если, например, бедный, талантливый студент под давлением внешних неразрешимых обстоятельств, не веря ни в какие внеисторические центры и в их власть на небе и земле, научно разрешит вопрос о том, что полная польза и даже спасение многим молодым и хорошим людям принесет ликвидация дряной старухи-процентщицы, то какой-то "закон" будет ему *помогать* в осуществлении убийства. Это и есть связь внутреннего и внешнего мира. Не "базис и надстройка", даже не они — перевернутые на голову, не психокосмический параллелизм, а что-то такое, для чего у нас пока нету названия, а что самиздатовцы назвали "законом".

Есть ли критерий, подтверждающий, что человек следует за внеисторическим центром и идет по правильному пути, а не за миражем в ослепленных глазах? Да, есть, о нем говорит старец Зосима, конечно, опять у Достоевского: "Для счастья созданны люди, и кто вполне счастлив, тот прямо удостоен сказать себе: я выполнил завет Божий на сей земле. — Все праведные, все святые, все святые мученики были все счастливы".

Вы когда-нибудь встречали счастливого фашиста или чекиста? Тут ведь такая же разница, как между наслаждением маниакального садиста и любовью.

МИСТИЧЕСКИЙ ОПЫТ НЕВОЛИ

Не человек должен защищать Бога, а Бог защищает человека, или другими словами, Бога надо не защищать, а искать.

*Лев Шестов*¹

Возлюбил проклятие, — оно и придет на него; не восхотел благословения, — оно и удалится от него.

Псалом 108.17

За последние годы появилось немало книг, написанных людьми, прошедшими через советские лагеря и тюрьмы, в которых досканально обрисованы все стороны подневольного бытия. Несколько из этих книг-свидетельств привлекают особенное внимание тем, что в них показана не только внешняя сторона подневольной жизни, но и глубочайшие душевные и духовные переживания и изменения, которым подверглись прошедшие сквозь страшный тюремный и лагерный советский мир.

В этих описаниях душевно-духовных переживаний есть очень много парадоксального для привычного нынешнего сознания, однако, благодаря тому, что разные люди, совершенно *различных* мировоззрений и мировоззрений, свидетельствуют как о несомненных фактах об *одних и тех же* процессах в глубинах человеческой души, и одновременно утверждают и описывают *зависимость* человеческой судьбы от этих глубинных процессов, — то представляется возможным осуществление некоей систематизации и попытки осмысления их парадоксальных свидетельств.

Это тем более необходимо ввиду того, что сами авторы нередко придерживаются философских и религиозных взглядов прямо противоположных вытекающим из описанного и пережитого ими опыта. И если для переживших страшный опыт максимальной неволи нелегко сделать надлежащие выводы, то, конечно, для людей, никогда в жизни не имевших таких переживаний, — и факты, описанные в этих книгах, и тем более неминуемые выводы несомненно покажутся совершенно дикими.

Надо сразу подчеркнуть, что явления, которые мы будем анализировать представляются революционными по отношению не только к психологии и психоанализу XX века, не только к марксизму и современной западной социологии, — но полностью взрывают фундамент, на котором построена вся нынешняя мировая наука, да и философия новейшего времени. Еще раз необходимо повторить, что дело идет именно об эмпирических феноменах, лишь зарегистрированных людьми, часто не имеющими между собой ничего общего, и именно поэтому тождественность их опыта и свидетельств, является настолько веской и ценной.

В этом смысле нам представляются наиболее интересными книги следующих авторов: Солженицына — первая и вторая книга "Архипелага ГУЛаг",² Шифрина — "В четвертом измерении",³ Панина — "Записки Соловдина",⁴ и Терца-Синявского — "Голос из хора".^{4а} Интересна также и книга Гроссмана "Все течет",⁵ в которой находятся чуть ли не первые попытки осмысления страшного опыта неволи, однако автор лично не пережил описываемый им мир, поэтому ссылаться на его произведение как на достоверное свидетельство мы не будем.

Многие другие широко известные книги о подневольном советском мире, от "России в концлагере" Ивана Солоневича и "В стране ЗеКа" Марголина до таких книг, как — "Крутой маршрут" Евгении Гинзбург, свидетельства советских незапрещенных авторов, как например, генерал Горбатов и многие другие, свидетельства западных авторов (Вейсберг-Цибульский, Маргарета Буббер-Нейманн и прочие), "Подконвойный мир" Варги, книга Марченко и даже ранние произведения Солженицына, — не представляют интереса по отношению к анализируемой нами проблеме ввиду того, что в этих произведениях более всего внимания посвящено описанию внешнего мира неволи, так же как и во многих аналогичных свидетельствах о немецких концлагерях.

Основные парадоксы

Вдумчивому читателю указанных нами книг Солженицына, Панина, Шифрина и Терца сразу бросается в глаза несколько постоянно повторяемых парадоксальных утверждений. Все эти авторы согласны в том, что арест, тюрьма, лагерь, короче говоря — неволя, представляли в их жизни самое важное и значительное из всего когда-либо ими пережитого. Парадоксальность только усугубляется свидетельствованием о том, что не только сильнейшие душевные и физические страдания им пришлось испытать в условиях неволи, но и ощущение полного счастья, какое и не снится людям, находящимся вне тюремных стен.

Никто из них никогда до этого не переживал таких могучих чувств любви, ненависти или отчаяния, таких интересных, загруженных самыми важнейшими для человеческого бытия вопросами, дней и ночей, такой близости к глубинам космического бытия, — что это позволяет охарактеризовать неволю, именно как сгущенную, сконцентрированную жизнь. Жизнь, в которой, несмотря на все муки, парадоксально, однако по свидетельствам не только анализируемых нами авторов, — самоубийств почти не было вообще.⁶ Менее всего подходит к этим свидетельствам людей, переживших неволю, название, данное в свое время Достоевским, — "Записки из мертвого дома". Или точнее, в условиях того невероятно сильного давления внешнего физического мира, *что и есть — неволя*, какое в нормальных жизненных обстоятельствах чрезвычайно редко встречается, — происходило полное разделение людей на живых и мертвых, душевно мертвых еще при жизни тела, по отношению к которым, но только к ним, в самом деле подходит название — "Мертвый дом". Словами Шифрина — в этих условиях середины не было, человек или ломался, или становился сильнее.⁷

Так же сразу бросается в глаза тоже парадоксальное утверждение и эмпирическое свидетельство, что тело, физическая жизнь, спасал тот, кто спасал свою душу, то есть именно во имя внутреннего императива готов был к потере тела и физической жизни.

Обыкновенно мы считаем, что дело обстоит как раз наоборот, то есть, что человек в трудных условиях стоит перед выбором между спасением — или тела, или души. Но вот прошедшие через предельно трудные обстоятельства, угрожавшие и душе, и телу, в один голос уверяют, что жертвовавшие душой для спасения тела теряли и то, и другое, а что, наоборот, людям, готовым во спасение души потерять тело, какой-то странный и таинственный закон, вопреки обыденному сознанию, спасал и тело, то есть физическую жизнь.

И вот, насколько бы ни были неодолимыми силы, задавшие целью уничтожить и душу, и тело человека, жизненный *опыт* показал, что неведомая сила, находящаяся в глубине человеческой души, все же сильнее, чем все эти внешние силы порабощения и смерти. Не символически сильнее, а реально-эмпирически. И поэтому свидетели, описывающие этот факт, сотни раз проверенный и повторившийся в условиях ужасающей неволи, приходят к убеждению о мощности психических энергий в душе каждого человека, о неделимости духовного мира от мира физического, и к утверждению, что мысли и желания человека не менее, а намного более действенны во внешнем, физическом мире, чем руки.

И в то же время, эти же свидетели настаивают на том, что ничего случайного в их жизни не было, что все определялось каким-то роком, тянувшим и гнавшим их по определенной дороге, вопреки их

планам и попыткам изменить свою судьбу. Здесь как бы противоречие: с одной стороны — в человеке заложены неведомые силы, которые таинственными путями бывают чрезвычайно действенны во внешнем мире, с другой стороны — существует какой-то фатализм и предопределенность, изменить которую не в силах человек.

Однако это противоречие только видимое. Если человек, вопреки всем внешним обстоятельствам, вопреки своим желаниям и планам, вопреки угрозе физического уничтожения, вопреки доводам разума, не говоря уж об общественном мнении, — следует за тем глубинным, неподдающимся никакому разумному контролю голосу души, — то тогда в жизни человека сами по себе открываются пути, ведущие не только к сохранению всего того, чем было пожертвовано в целях следования за внутренним мистическим компасом, но и осуществляются все самые заветные душевные стремления.

Если же, наоборот, человек действиями во внешнем мире, наперекор глубинному голосу души (некоторыми называемому — инстинктом свободы), пытается осуществить свои желания и планы, спасти жизнь и избежать уничтожения, — то тогда именно и вступает в силу фатум, рок, приводящий раньше или позже к уничтожению того, из-за осуществления чего, отвергнут был внутренний голос.

А человек свободен в отношении следования или не следования этому таинственному и крайне реальному внутреннему голосу — или, точнее будет сказать, *становится свободен*, пройдя через страдания и усвоив страшные уроки неволи.

Так что противоречия нету: в мире одновременно существует и неизменный рок, и крайняя свобода, определяющая даже внешние обстоятельства, в которых живет человек. И от него самого зависит, будет ли жить в оковах рока или в свободе даже от законов физического мира.

Конечно, если это все так, — а опыт, о котором мы говорим, об этом свидетельствует, — то далеко идущие выводы подрывают основу, на которой покоится все здание нашей науки — не только о человеке и человеческой душе, но и о всей видимой и невидимой реальности. Если одновременно существуют два мира, неслиянных, но и не разделимых, — мир полного фатума, и мир свободы, если люди живут или в одном, или в другом мире, в зависимости от следования или отбрасывания никаким разумным критериям неподвластного, и никаким научным изучением неподдющегося, для каждого человека, совершенно обособленного и личного, таинственного и не всегда хорошо слышного внутреннего голоса, — то тогда *обесмысливается всякая наука*, исходной точкой которой является догмат о существовании только одного мира, с одними и теми же общеобязательными законами, власть над которым дает именно познание этих, от человека независимых, законов.

Опыт людей, прошедших через сгущенную жизнь неволи, говорит о противоположном: познание даже таинственных неведомых законов, о которых здесь идет речь, вопреки всем видимым и самоочевидным ужасам спасающих тех, которые последовали велениям внутреннего голоса, не говоря уж о познании тех законов, изучением которых занимается современная наука, — никакой власти не дает. Да и не нужна власть, не спасет власть, — а только свобода, ее же дает *не познание, а вера*, без которой невозможно следовать за ничем "объективным", не подтвержденным внутренним голосом. Или точнее — следование за этим внутренним голосом и *есть вера*.

Здесь, в сгущенной жизни, происходит "испытание доктрин в ужасных условиях" — пишет Панин,⁸ "здесь думают напряженной, чем в научной среде", свидетельствует Терц-Синявский,⁹ и он же приходит к категорическому утверждению, явившемуся в результате личного экзистенциального опыта — "наука отодвигает от истины".¹⁰ Поэтому так напряженно заключенные вчитываются в рукой переписанные отрывки из Библии и Евангелия, собственным опытом заново раскрывают забытые людьми нового времени основные положения восточных учений о йоге, сами подходят к элементарным истинам теософии — и всеми силами пытаются осмыслить свой, не подлежащий никаким сомнениям, личный опыт, который полностью обесмысливает всевозможные учения, идеологии, доктрины и науки нашего времени.

И вот, может быть, самое парадоксальное и оптимистическое убеждение этих людей, испытавших на своей коже всю силу зла, состоит в том, что — сила добра непобедима, как пишет Панин,¹¹ что мир все же более похож на белую скатерть, лишь закрапленную черным злом, а не наоборот, как уверяет Шифрин,¹² что палач убивает себя, а загубленный — жив, словами Гроссмана,¹³ и что "жизнь значительнее, чем мы думаем", на чем настаивает Терц.¹⁴

Дело не политическое

Из всего до сих пор упомянутого видно, что борьба, ведущаяся между человеком и силами зла и смерти, о которой с такой духовной пронизательностью говорят книги, на которые мы ссылаемся, — менее всего является борьбой только политической. На поверхности и в самом деле кажется, что речь идет о политических столкновениях, об однопартийной диктатуре, о произволе и всевластии политической полиции, об отсутствии правовых гарантий и свободы слова. Но это только видимость и лишь социальная проекция другой борьбы, страшной и суровой битвы, ведущейся в глубине бесчисленных душ человеческих, поставленных в условия, в которых невозможно избежать

участия в великой битве, и невозможно отказаться от рокового выбора: покориться ли могучей и до сих пор не побежденной власти, силе и насилию, или восстать против нее, то есть поверить — без всяких гарантий — внутреннему голосу.

Вот поэтому борьба, ведущаяся в наше время в тоталитарных странах, является по существу борьбой не политической, а религиозной, что, конечно, не всегда осознается даже участниками великого сражения. С полным правом пишет Солженицын, что именно христиане в СССР являются истинно политическими,¹⁵ подрывающими самое основание тоталитарного строя — веру во всемогущество внешнего мира, от которого, якобы, зависит внутренний мир человека, его душа.

Если внешний мир непобедим, то рабство человека никакими политическими реформами не может быть уничтожено. Если же наоборот — *внешний мир подвластен внутренним силам человеческой души*, — то тогда только от человека зависит его судьба, тогда невинно пострадавших вообще нету, а все испытания и муки заслужены и правомерны, но тогда и открыта дорога к свободной жизни, в которой человеческий политический строй является лишь последствием внутреннего освобождения души.

В то время, как для большинства людей вопрос о том — подвластен ли человек внешнему миру или дело обстоит как раз наоборот, — является в общем только теоретическим, люди, чей опыт мы анализируем, были, наравне с миллионами других людей, поставлены в такие обстоятельства, в которых этот важнейший вопрос человеческого существования имел *сугубо практическое значение*. Ответ на него означал — жить или умереть, не теоретически, а буквально. Следуя таинственному внутреннему голосу, спасая душу, человек познавал эмпирически, что пока душа не потеряна — главное еще не потеряно, а на этом основывается вера в бессмертие души человеческой. Следовать за внутренним голосом, — это и значит все поступки во времени определять по отношению к вечности.

Однако такой опыт чрезвычайно важен не только для людей, поставленных в условия максимальной неволи, но для всех когда-либо живших или ныне живущих на земле. Очень важно осознать то, что раньше или позже *каждый человек* попадает в тюрьму, лагерь, во власть ничем не ограниченного произвола могучих сил внешнего мира, когда невозможно избежать выбора между покорностью перед смертью, полным уничтожением не только физическим, но и душевным, и — дерзновенным следованием за внутренним голосом, вопреки всему "реальному", объективному и разумному. Болезни, катастрофы, всевозможные несчастья, умирание — ведь это те же самые: арест, следствие, тюрьма, лагерь. *А избежать их — никому не дано.*

И если непрощедшие через неволю люди предполагают, что есть существенная разница между бытием в тюрьме и вне тюремных стен,

то имеющие опыт неволи начинают понимать то, что разница эта только поверхностная и временная и что для каждого человека в один прекрасный момент вольный мир превращается в камеру смертников. "Весь наш мир — камера смертников" — так и пишет Солженицын,¹⁶ и он же — "тесна камера, но не еще ли теснее *воля*?"¹⁷ Панин подтверждает, что "весь мир только пересылка",¹⁸ а Терц сравнивает смерть с выходом на волю.¹⁹

Первое и важнейшее

Что же происходит с человеком в тот момент, когда внезапно вырванный из обыденной жизни он попадает во власть безжалостных и могучих сил, повидимому желающих только одного — его уничтожения? Возможна ли какая-либо защита или сопротивление? Все чем человек жил, все что имел: воля, близкие, любимая работа, собственность, собственное тело, жизнь — все это он защитить не может, все это во власти сил зла. И если человек пытается сопротивляться в сфере того, чем он до тех пор жил и что имел, то он заранее обречен на поражение. Все, что мощные внешние силы, в тисках которых он находится, могут отнять, — не защитить *самому* человеку никаким способом.

И вот, находясь на краю бездны, перед полным уничтожением, человек начинает понимать, что все-таки существует что-то, что не во власти внешних непоборимых сил, и хотя уже все остальное не спасти, но сопротивление, борьба и победа возможны, но только в одном: в сохранении своей души, или, *что то же* — внутренней свободы и непокорности злу и насилию. Но для того, чтобы борьба была успешна и вообще возможна, надо заранее отречься от всего, что внешние силы могут отнять.

"Только не дорожить жизнью", — пишет Солженицын,²⁰ и еще — ничего не имей, отрекись от тела,²¹ вообще от всего, враги человека даже ближние его,²² а Панин подтверждает, что для борьбы необходимо отказаться и от ближних,²³ от всего на свете, кроме души. И только при полном отречении человек становится свободен, только тогда, когда уже у него нечего отнять.²⁴

И в тот момент, когда это случается и человек становится полностью свободен, — происходит самое таинственное в опыте людей, прошедших через сгущенную жизнь, то есть максимальную неволю: появляется какая-то могучая сила в глубине человеческой души, не только дающая истерзанному телу невероятную способность сопротивляемости, но и каким-то совершенно мистическим и для нынешнего сознания полностью необъяснимым путем, начинающая влиять на внешний мир и определять события, явно — опять повторим: для

нынешнего сознания — независимые от человека, однако спасительные для него.

Поэтому — “спасешь душу — сохранишь тело”, твердит Панин,²⁵ только духовное спасает, дух держит тело, — повторяет много раз Солженицын,²⁶ и все описывают пережитые ими лично или своими глазами увиденные случаи невероятной живучести тела, одержимого сильным внутренним духовным напряжением. И наоборот — все неоднократно видели, что потеря духовного прямо вела к смерти физической.

Отношение к внутренней силе

Огромная сила скрыта в нас, восклицает Панин, вся вселенная система сгущений и разряжений какими-то таинственными нитями связана с глубиной нашего духа.²⁷ Каждый из нас — центр вселенной, пишет Солженицын.²⁸ И не абстрактным путем пришли они к этому выводу, а на своей шкуре неоднократно испытали действие неведомой силы. О внутреннем таинственном тепле, появляющемся как бы из другого мира и спасающем человека в леднике, свидетельствует Солженицын,²⁹ о непонятной и неведомой силе, после сорока дней вернувшей его к жизни, рассказывает Панин, и он же — о заключенном, ежедневно валяющемся голым телом в снегу на ужасном морозе безо всякого вреда для здоровья; о многих пережитых ими лично или виденных, непонятных и поражающих явлениях повествуют эти книги-свидетельства.

Но когда, отбросив все внешнее, человек решался следовать внутреннему голосу, а это и есть *вера*, и внезапно увидел и ощутил в себе вполне эмпирически, с восторгом, ужасом и трепетом, таинственную, но совершенно реальную и могучую силу, действующую и в его теле, и во внешнем мире, — одновременно приходило сознание, что он не является хозяином этой силы, то есть, что не в его воле распоряжаться этой силой по своему усмотрению, а наоборот, — что все в жизни, и самая жизнь, зависит полностью от этой внутренней и таинственной силы (мистикос — это и есть таинственный), *религиозным языком* называемой Богом.

Вот этот пережитый опыт всемогущества неведомой силы и привел заключенных к попыткам *осмысления и осознания* и самой мистической силы, и отношения человека к ней. Не абстрактно, не теоретически, не в экспериментальных “научных” целях, а с одной единственной целью — спасения от страшной и неизбежной смертной угрозы, — подверглись испытанию и проверке — и молитва, и медитация, и техника йоги, и даже просто заклинания. Не только Ветхий и Новый Завет, в тех доступных рукописных отрывках, записанных по памяти,

но и все, связанное с древним учением йоги, с парапсихологией, с теософией, — явилось самым насущным и необходимым *практическим* пособием для сохранения души и тела в условиях, в которых действие духовное прямо на глазах вызывало последствия в физическом мире.

О реальной силе молитвы свидетельствует Панин,³⁰ и он же пишет о Раджа-йоге,³¹ а Шифрин и о Хатха-йоге,³² о "Тайной доктрине" Блаватской,³³ о лагерном самиздате по парапсихологии,³⁴ и тому подобном. Снова, как в забытой и невидимой за далью веков древности, стали самоочевидными такие истины, что воздух — есть в то же время и дух, питающий неведомыми энергиями, по словам Терца,³⁵ что в пище, принимаемой человеком, находится таинственная и живительная энергия, которую древние индусы называли — Праной, как повествует Панин,³⁶ что человека вполне реально бережет от внешнего зла и физического поранения — астральная броня, о чем рассказал Панин, лично переживший такую защиту,³⁷ и что под прессом физического и душевного страдания спадает с человека "кольчуга злой энергии", как говорит Солженицын.³⁸

Совершенно понятно, что у людей, испытавших не по своей воле таинственные и страшные явления, появлялась путаница многих религиозных, мистических, магических, эзотерических теорий и доктрин, к тому же воспринимаемых умами, воспитанными полностью материалистически и даже технически. Поэтому не удивляют такие высказывания, как, например, Панина, что духовная энергия, наподобие электричества, растрачивается или на мозговую деятельность, или уходит в руки при физическом труде,³⁹ совершенно нормально воспринимаются теории о влиянии солнечной активности на земные революции,⁴⁰ и даже *магическое* действие на органы насилия самого упоминания Иисуса Христа, о чем пишет Солженицын,⁴¹ и тому подобное.

Однако, несмотря на все эти попытки теоретического осмысления, оказалось, что никакими духовными техниками все же нельзя было научиться управлять таинственной силой. Сила вела и указывала неведомыми и не всем заметными духовными знаками, и можно было только довериться ей или нет. Но нельзя было по своему желанию или хотению направлять мистическую силу, а только лишь принимать от нее указания.

Духовный орган (окулус спиритуалис)

Солженицын замечательно описывает внутреннее "реле", безошибочно оповещавшее его о том, каков человек, с которым ему пришлось иметь дело,⁴² другие тоже свидетельствуют о безошибочности того, что мы привыкли называть интуицией. Единственным

внешним проявлением внутреннего мира человека являлись только — глаза. Что глаза говорят "лучше паспорта", неоднократно свидетельствует Шифрин,⁴³ Панин,⁴⁴ Солженицын.⁴⁵ Какой же это единственный надежный критерий истины, которому нельзя рационально ни обучить человека, ни передать словами осознанную правду? А вот, опыт показал, что именно это и есть *единственный в мире* критерий. Ну как такой истине обучить компьютер?

Но не только в прямом соприкосновении с другими людьми внутреннее "реле" безошибочно оповещало человека о глубинной сущности явлений, но и то, что мы называем предчувствием, действующим на расстоянии, так же совершенно безошибочно оповещало человека об опасности, об удаче, и обо всех событиях, касающихся его жизни. Панин рассказывает о пережитой смертной тоске именно в тот момент, когда, как это впоследствии он узнал, было решено его арестовать,⁴⁶ о внутреннем чувстве ясно сообщившем ему, что в этот день у него украдут оставленную в бараке пайку (что в тех условиях угрожало жизни),⁴⁷ Солженицын рассказывает о предчувствии беды у бежавшего зека, поехавшего за своей женой и спасшегося только потому, что он полностью доверился этому внутреннему чувству и изменил свои действия.⁴⁸ Много подобных эмпирических свидетельств находим в анализируемых нами книгах.

Значит, существует какая-то *внепространственная*, вполне реальная связь человеческих душ. Однако не только *внепространственная*, но и *вневременная* связь, о чем тоже свидетельствуют пережившие это явление на собственном опыте люди. Солженицын описывает провидца, бывшего с ним в одной камере, и во сне безошибочно видевшего все важнейшие камерные события следующего дня,⁴⁹ Шифрин, выйдя на волю, даже предпринимает дальнюю поездку к ясновидящей,⁵⁰ настолько для него после пережитого опыта стала самоочевидной возможность *вневременного* и *внепространственного* зрения, и так далее.

Самый главный, самый основной, мистический закон

Терц-Синявский, прошедший через сравнительно легкие испытания уже послесталинского времени, однако духовно лучше других уже до тюрьмы подготовленный к восприятию мистических явлений, пишет, что то, о чем много думаешь — вдруг приходит само,⁵¹ и рассказывает, как нужные ему книги как будто *кто-то* ему подсовывал в самый нужный момент. Мысль не менее действенна, чем руки, — утверждает Шифрин,⁵² и повествует о том, как все время *кто-то* как раз тогда, когда он мучился неразрешимыми вопросами, сталкивал его — то со странным заключенным теософом, внезапно именно

к нему подошедшим на одной пересылке и ознакомившим его с основами эзотерических знаний,⁵³ то с оккультными книгами в больнице, и тому подобное.

Из осознания того, что мысль сама по себе действенна, становилось объяснимым, почему в тоталитарных системах самое страшное преступление это "инакомыслие", словами Шифрина,⁵⁴ или, как пишет Солженицын, — "мысль только и каралась".⁵⁵

Тем не менее именно случаи, которыми наши авторы иллюстрируют действие мысли, показывают, что *не мысль*, а что-то другое было чрезвычайно действенно, а мысли во внутреннем мире, так же как и книги, и нужные встречи во внешнем мире — *кто-то* в нужный момент лишь подталкивал человеку. Лучшим примером, полностью иллюстрирующим этот самый главный, самый основной мистический закон, является рассказ Солженицына о случае заключенного астрофизика в первой книге "ГУЛага".⁵⁶ Заключенный астрофизик в одиночной камере спасался от сумасшествия напряженным и углубленным разрешением каких-то астрофизических проблем, но через определенное время натолкнулся на непреодолимый барьер, состоявший в том, что он не знал наизусть какие-то нужные данные и цифры из своей научной области. Напряженная работа ума, спасающая астрофизика, остановилась. В отчаянии он взмолился, еще не зная кому, — Богу ли, той ли неведомой силе, о спасении. И вот произошло совершенное чудо: ошибкой, случайно, в его камеру принесли из тюремной библиотеки учебник по астрофизике, о существовании которого в этом месте заключенный и не догадывался. И хотя через два дня заметили ошибку и книгу унесли, однако астрофизик уже отыскал и заучил все нужные ему данные, продолжил умственную работу, создал оригинальную новую теорию и спасся.

Шифрин тоже описывает случаи таинственного вмешательства в события, угрожающие самому главному, к чему было направлено его душевное стремление. Во время обысков в лагере несколько совершенно невероятных "случайностей" спасали единственный экземпляр Библии и рукописный текст книги "Экзодус", переводу и распространению которой Шифрин посвятил свою жизнь.^{56а}

Не их мысль была действенна, а полное душевное, внутреннее устремление к определенной цели, вызвавшее ответное действие мистического закона во внешнем, якобы независимом от человека, мире. Не мысль действенна, не магическая власть мысли над миром, а как Солженицын во второй книге "ГУЛага" догадывается — "небеса прислушивались к молитвам и вмешивались..."⁵⁷

Поэтому можно сказать, что всякое инакомыслие, которое карается в тоталитаризме, — является не причиной, а лишь результатом и внешним знаком внутреннего устремления к какой-либо цели, устремления опасного для власти уже тем, что оно внутреннее, а это

значит — свободное от власти князя мира сего. Не мысль карается, а это душевное устремление.

Сильное внутреннее устремление вызывает во внешнем мире события, открывающие возможности осуществления этого внутреннего стремления. Или точнее, — сильное душевное устремление вызывает *ответное* действие мистической силы, находящейся и в глубине души человеческой, и во внешнем мире, и человеку кажется, что *кто-то* вмещивается в жизненные течения в нужный момент и помогает достижению цели, на которую направлено страдание. Вот это и есть *основной мистический закон*, изменяющий все человеческое мышление и взрывающий фундамент под самой идеей нашей науки.

Но сразу надо сказать, что душевное устремление, о котором идет речь, не является волевым устремлением и *не зависит* от желаний человека и его выбора. От человека зависит только — последовать за этим внутренним влечением или нет. Но по отношению к внешнему миру, следование за внутренним голосом, куда бы он ни звал, — является актом величайшей свободы, и вспоминаются слова Бердяева о том, что не человек хочет свободы, а Бог требует, чтобы человек был свободен.

В западной новейшей литературе тоже существует одно произведение, прекрасно иллюстрирующее неведомый закон о соотношении внутреннего и внешнего мира. Это рассказ известного французского писателя Веркора, повествующий об одном молодом румыне, влюбленном во французскую культуру, французский язык и вообще во Францию, который, повинаясь внутреннему влечению, вопреки всякому здравому смыслу, оставил своих близких, свою работу и родину, и добрался до Парижа, в котором у него не было ни одного знакомого человека, но жил какой-то его дальний родственник, адреса которого молодой румын не знал. Однако *внутреннее влечение*, приведшее его в огромный незнакомый город и в первый же день на один из мостов на Сене, о котором у себя на родине он часто читал, "случайно" в тот же день и тот же час, на этот самый мост *привело* и его родственника, что молодому человеку открыло возможности жизни во Франции и осуществления всех его заветных мечтаний.

Вот осознание этой реальной связи внутреннего мира человека и мира внешнего и есть — *религия* (религио — связь), а *вера* — это следование за внутренним голосом, *куда бы он ни звал*, даже если разум не дает на это своей санкции.

Мне уже приходилось писать об этом основном *законе зависимости внешнего мира от мира внутреннего, мира физического от мира духовного*, намеки на который можно найти в русской самиздатской литературе новейшего времени.⁵⁸ Комментарии и отклики на это мое выступление показывают непонимание того, о чем по существу идет речь.^{58а} Высказывалось мнение, что основной мистический

закон, о котором я пишу, тождествен с идеями Романо Гвардини, высказанными в его известной книге о Достоевском. Это неверно. Именно Гвардини далек от понимания того закона, о котором мне приходилось писать в связи с самиздатовцами и эмпирическое свидетельство о котором так убедительно дают книги Солженицына, Панина, Шифрина и Терца.

У Гвардини идет речь о том, что люди живут в разных мирах в зависимости от внутреннего мира, но *только в том смысле*, что например, для человека хорошего, жизнерадостного, с сердцем, исполненным любовью ко всему живому, — открываются совершенно другие и более широкие дороги и возможности, чем для человека злобного и ненавидящего самого себя и весь мир. Перед первым все люди, животные и даже растения раскрываются, выходят во всем навстречу, а от второго бегут и препятствуют ему на каждом шагу. Значит, они живут в разных мирах, причем от души каждого из них зависит то — будет ли мир, в котором он живет, более свободен, со многими возможностями, как для первого, или, во многих отношениях, несвободный и замкнутый мир, как для второго человека.

Ничего мистического в том, что говорит Гвардини нет, и даже новейший психоанализ свободно может подтвердить явления, им описанные. Я же все время говорю о чем-то ином: о реальном влиянии внутреннего мира человека на физически и пространственно совершенно не связанные между собою события, какие, например, описывают Солженицын, Терц, Шифрин и Веркор. Учебник по астрофизике "случайно" попал в камеру к заключенному в результате его внутреннего устремления, а не личного обаяния или личного контакта. Парижский родственник молодого румына "случайно" проходил по мосту в тот день и в тот час, когда туда прибыл румын, *потому что* его туда привел мистический закон, вызванный к действию следованием за внутренним влечением со стороны его молодого родственника, и так далее. Это ничего общего не имеет с тем, о чем говорит в своей книге о Достоевском Гвардини.

И в то же время необходимо подчеркнуть, что не я первый заговорил об этом основном мистическом законе. Не употребляя слова "закон", но именно об этом писал, насколько я знаю вообще первый не только в новейшей истории — Георгий Мейер, в своей замечательной книге "Свет в ночи", посвященной анализу "Преступления и наказания" Достоевского.⁵⁹ Вообще, интересно заметить то, насколько мало известна эта глубочайшая книга, по сравнению с которой такие, ныне у историков и теоретиков литературы популярные работы о Достоевском, как, например, книга Бахтина,⁶⁰ являются прямо духовным хламом.

Основной мистический закон показывает, что существует неведомая *общая основа* и мира физического, и мира духовного, и что

от событий в мире духовном зависят события в мире физическом, а не наоборот, и снова становятся понятными слова из древней книги, что на десяти праведниках держится физический мир, не символически, а буквально, и что, может быть, отнюдь не пустые выдумки — рассказы из этой же древней книги о том, что бывали случаи, когда человеку покорялись законы природы и физического мира, а не он им.

Все правильно

Но если все то, что с человеком происходит в жизни, является лишь результатом его отношения к миру внутреннему, — то тогда, значит, и тюрьма, и лагерь, и все мучения вполне закономерны и заслужены? Да, это именно так, говорит опыт переживших максимальную неволю. Однако, существуют ведь и безвинно пострадавшие, которых именно следование за внутренним голосом и сопротивление насилию привело к вратам смерти? И это верно, подтверждают наши авторы. Опять явное противоречие, о котором, однако, свидетельствует жизненный опыт. Как быть?

Поэтому Солженицын во второй книге "ГУЛага" оговаривается, что он полностью в отношении к себе принимает, что все, что с ним произошло было совершенно заслуженным, и не только тюрьма и лагерь, но и тяжелая болезнь, однако не осмеливается распространить такую закономерность и на тех, не примирившихся с насилием, не изменивших своей душе, но погибших на Архипелаге.

Вспоминается, что Толстой в "Смерти Ивана Ильича", описывая внутренние невыносимые мучения умирающего, говорит о том, что в один определенный момент Иван Ильич понял, что *не смерть страшна, а прожитая жизнь*, что именно главное и основное мучение состоит в этой его жизни, прожитой греховно, конечно, не по отношению к общепринятым моральным и этическим нормам, а по отношению к внутреннему голосу, о котором мы все время говорим. И он чувствует, что ему в этот смертный час единственное и реальное облегчение дают те редкие минуты в его жизни, когда он следовал за внутренним голосом, а не за общепринятыми мнениями и обычаями: *какая-то любовь в юности, дружба...*

То же самое подтверждает и опыт переживших максимальную неволю. *Не тюрьма страшна, а жизнь до ареста!* Все они неоднократно, а особенно Солженицын в "ГУЛаге" описывают те душевные муки, которые вызывало воспоминание о дотюремной жизни, о грехах по отношению к собственной душе, а *это значит* — и к другим людям.

Однако ведь смерти никому не избежать, она ждет и тех, кто пережил благодаря чуду мистического закона следствие, тюрьму и лагерь. Но если *опыт* показывает, что в глубине нашей души

существует вневременная и внепространственная сфера, или точнее, что именно наша душа принадлежит к этой сфере, — то тогда для души никакой смерти нет, так как смерть именно связана с временем и пространством. Но тогда важно не то — потеряна ли физическая жизнь или нет, а *как* потеряна. То есть, самое важное — подошел ли человек к смерти, следуя за внутренним голосом, или нет. Если прав Толстой, что не смерть страшна, а жизнь до смерти, то тогда, может быть, в этом и состоит самая существенная разница между смертью праведника и грешника.

Ведь существует же огромная разница в страданиях заключенного Солженицына, переживающего нередко моменты глубочайшего счастья в тюрьме,⁶¹ и типичного советского инженера, человека, не имеющего "верхней сферы", то есть совершенно слепого к внутреннему голосу и невидимому духовному миру, и поэтому до заключения безо всякого зазрения совести бравшего все, что было в его власти от физической жизни, и теперь испытывающего ужасные мучения от сознания окончательной потери всего, чем он жил.⁶² "Ведь жизнь-то одна?" — говорит инженер. Одна жизнь, но для чего она дана? — соглашается и спрашивает Солженицын.⁶³

И, быть может, для одних смерть является выходом на волю — словами Терца, а для других — заключением, "вечной ссылкой" — как говорит Солженицын в "Раковом корпусе"? Если это так, тогда совершенно понятно, что человек может, даже после вынесения смертного приговора, ощущать огромное счастье, как, например, в описанном Солженицыным случае одной заключенной, которая пережила после вынесения смертного приговора самую светлую неделю в своей жизни.⁶⁴

Вспоминается, что такой же экстаз счастья и самоочевидного ощущения бессмертия души перед казнью, переживаемого революционеркой Муссей, бесстрашно в жизни следующей за своим внутренним голосом, — описал и Леонид Андреев в знаменитом "Рассказе о семи повешенных".

Но, несмотря на внутренне переживаемое счастье, ведь все же и для праведника существует смерть и мука уничтожения тела? Однако о том, что ждет человека за воротами смерти, мы ничего не знаем, и остается только гадать по аналогии к тюремному заключению. И верно ли то, что, будь человек абсолютно безгрешен, то есть имей он такую духовную силу — во все минуты жизни, от самого рождения, следовать только за внутренним душевным голосом, — то никакой смерти вообще бы не было, так как физические законы стали бы человеку подвластны? И об этом мы ничего достоверно не знаем, однако несомненным является то, что почти для всех людей, переживших страшный опыт близости физического уничтожения, бессмертие человеческой души становится *самоочевидным фактом*.

И все же, в условиях максимальной неволи жизнь спасали и те, которые не то что покорялись — а открыто становились на сторону зла. Но что мы знаем об их конце?

Карма

Выстраданная вера в бессмертие души, и *опытное* сознание того, что все, что с человеком происходит, полностью заслужено, и что безвинно пострадавших нет, — приводило мысль заключенных к древнему учению о Карме, о мистическом законе, утверждающем, что за всякое зло, учиненное человеком, он расплачивается тем, что такое же зло обрушивается раньше или позже на его же голову. Однако, так как в течении одной жизни человек очевидно не всегда расплачивается за свои грехи, то закон Кармы связывается с верою в реинкарнацию, перевоплощение души человеческой, и говорит о том, что человек в настоящей жизни своими несчастьями расплачивается за грехи, содеянные им в прошедшей жизни.

Христианство не признает перевоплощения душ, а стоит на той точке зрения, что расплата за грехи этой единственной жизни ждет человека на Страшном суде.

Мне хочется подчеркнуть, что учение о Карме не должно быть необходимо связано с перевоплощением души. Именно незнание того, что человек переживает в страшный час смерти, может означать, что, несмотря на внешнюю видимость безнаказанности в течении только одной жизни, все же расплата приходит уже в этой жизни. Ведь в той сфере, в которой находится душа человеческая, никакого времени нету, и Иван Ильич Льва Толстого переживал именно *вечность* страдания.

Так или иначе, но наши авторы самой жизнью были приведены к понятию о Карме. Шифрин пишет о том, что осознание закона Кармы и реинкарнации меняет все человеческое мышление,⁶⁵ Солженицын описывает свою встречу с доктором Корнфельдом, за день до смерти поведавшим ему свою уверенность в том, что все, что с человеком происходит, происходит совершенно кармически заслуженно,⁶⁶ и он же в "ГУЛаге" рассказывает о старухе, глубоко уверенной, что ее выпустят на волю тогда, когда Бог сочтет, что она перестрадала за свои прегрешения, несмотря ни на какие приговоры и сроки заключения.⁶⁷ "Бог сроки знает", — говорит старуха, и, как Солженицын свидетельствует, она никому не пишет прошений или жалоб, но проходит некоторое время, из Москвы приходит приказ, и ее выпускают.

Из такого *опыта* у заключенных создавалась уверенность в том, что ошибочно своими силами самому добиваться чего-либо, а надо покориться судьбе и только следовать за внутренним голосом, и если

душевное спокойствие свидетельствует о том, что человек следует за внутренним голосом даже тогда, когда бездействует, терпит и только ждет сроков, как описанная старуха, — то тогда все окончится наилучшим образом. Наоборот, своими попытками самовольного вмешательства в течение судьбы человек может только усложнить и испортить свою жизнь.

И если страдание освобождало от греха и, в конечном счете, выводило в определенный момент на волю, то в тюрьму приводил именно грех. "Заслужили все дальнейшее", — пишет Солженицын, и он же — "все видят, в чем пострадали, но не видят, в чем виноваты", и неоднократно повторяет, что слабости отдают во власть НКВД, и что все от страха происходит.⁶⁹

И вот интересный парадокс, замеченный Гроссманом: те заключенные, которые в самом деле боролись и сопротивлялись тоталитарному строю на воле (другими словами — следовали за внутренним компасом), — считали, что все заключенные невиновны, и наоборот — те люди, которые не имели грехов перед властью, но все же попали в лагерь, — считали, что только с ними такая ошибка произошла, а что все другие и впрямь виноваты.⁷⁰ И только страдание открывало духовные глаза и являлось понимание того, что перед властью, и в самом деле, не многие были виноваты, но именно поэтому-то и были повинны перед собственной душой, так как покорность судьбе не означает покорности перед князем мира сего, а лишь перед требованиями души.

Поэтому нельзя даже временно, в целях обмана злых сил и для сохранения жизни, согласиться на внутреннее рабство, нельзя, словами Солженицына, "не жить для того, чтобы жить".⁷¹ Наказания за это не избежать человеку. И ничего случайного в жизни нет, и плохое и хорошее, что кажется случайной удачей или несчастьем, — полностью заслуженно. А в глубине души, находящейся во вневременной сфере, человек *наперед знает*, что с ним произойдет, хотя осознают это знание только специально одаренные провидцы. Терц, раздумывая об этом, вспоминает анамнезис Платона, Шифрин пишет о Карме.

Однако, однозначна ли Карма с основным мистическим законом, о котором у нас шла речь? Нет. Карма, или что одно и то же — рок, расплата за отступление от следования за внутренним компасом, действительна только в несвободной жизни, точнее — Карма и является несвободой. Основной мистический закон, наоборот, выявляет ту, для нынешнего сознания необъяснимую свободу, в которой даже физические законы реального мира служат осуществлению человеческого стремления, когда это стремление тождественно с внутренним голосом души.

”Как освободить того, кто душевно не свободен?”, — спрашивает автор ”ГУЛага”,⁷³ а Шифрин как бы отвечает: ”лишь тот освободится, кто выйдет из пустыни внутреннего рабства”.⁷⁴

Внутреннее рабство приводит в тюрьму, внутреннее освобождение выводит на волю. А страдание открывает человеку глаза на внутренний духовный мир, на мистический компас, находящийся в душе каждого человека, и на грехи в жизни до ареста. Ареста же и тюрьмы — никому не избежать, как мы уже упоминали. И, может быть, величайшее наказание состоит именно в том, что человек не проходит еще при жизни через страдание, а прямо, умирая, навеки попадает в ”тюрьму”.

Об этом мы ничего достоверно не знаем. Так или иначе, пережившие страдания максимальной неволи согласны в том, что в тюрьме человек был как под увеличительным стеклом и переживал самые значительные минуты своей жизни, — словами Солженицына.⁷⁵ Терц подтверждает: ”человек в тюрьме, самый полный человек”.⁷⁶ Так же, как и Шифрин, автор ”ГУЛага” свидетельствует о том, что в тюрьме проходил одновременно процесс растления и восхождения, началось шевеление добра в душе, ”душа сочала”, человек становился более терпимым и терпеливым, словом — перестрадав, человек становился хорошим.⁷⁷ Все зеки — личности, люди в тюрьме возвышаются и становятся интересными, самая сильная любовь — в лагере, — пишет Солженицын.⁷⁸

И по сравнению с видимостью свободной жизни людей на воле, ничего не смыслящих в самых важных для человека вопросах — о грехе, рабстве, страдании, свободе, смерти, — и поэтому находящихся как бы во сне, — тюремная жизнь кажется единственной настоящей жизнью, с разбуженными ото сна обитателями. ”Хочу на Родину, к себе в Архипелаг”, — восклицает Солженицын,⁷⁹ а Терц парадоксально подтверждает: лагерь — это максимальная свобода.⁸⁰

Страдание открыло дорогу к истинной свободе, освобождая человека от всего внешнего и второстепенного в жизни, а главное, от служения и поклонения кумиру власти земной, так как опыт показал, что все кумиры бессильны спасти человека в смертный час. ”С душевным рабством раз и навсегда покончено”, — восклицает Солженицын,⁸¹ и благославляет тюрьму.

Опыт неволи убедительно показал, что в каждом человеке заложены огромные возможности реального достижения максимальной свободы, и могучие силы для изменения внешнего мира на основании мистического закона. Эмпирически подтвердилось, что судьба и жизнь каждого человека зависит не от власти князя мира сего, не от внешних физических сил, — а только от мистической силы, веками

называемой Богом, отношение же этой силы к человеку, по-видимому, определяется только отношением человека к внутреннему голосу души.

По существу, это является триумфальным подтверждением онтологической и эмпирической свободы каждой человеческой личности. Вряд ли существует в мире что-либо оптимистичнее сознания того, что совершенно реально можно влиять на мировые события вопреки могучим силам зла, лишь следуя за освобождающим внутренним голосом души. И никакими внешними силами нельзя отнять у человека эту свободу, его душу, а только сам человек может ей изменить.

Духовный мир снова стал видимою реальностью. Вот этот осознанный опыт не может не изменить все человеческое мышление, все науки и идеологии, всю сознательную жизнь нашего времени.

И тем не менее нет полной уверенности в том, что пережитое до конца осмысливается. Несмотря на то, что опыт, о котором свидетельствуют книги прошедших через неволю, говорит о том, что только следование за внутренним компасом освобождает, что только это следование и есть свобода, авторы этих замечательных книг, на чьи свидетельства мы ссылались, начиная обобщать свой опыт и поучать людей, выступают как бы не доверяя тому, что то, что их спасало, будет и для других таким же спасительным.

Оказывается уже, что не внутренний голос, а что-то внешнее должно бы освободить человека и привести человечество к свободной жизни. По Солженицыну это человеколюбивый авторитарный строй, идеологически основывающийся на Православии; Панин всю надежду возлагает на Церковь и классическую церковную организацию; Шифрин, по-видимому, рассчитывает на усвоение людьми эзотерических доктрин и учений.

Их собственный опыт свидетельствует о противоположном. Никакие внешние организации общества, никакие Церкви и идеологии, никакие эзотерические или экзотерические учения не спасают человека и не освобождают его. Спасает одна лишь та могучая сила, управляющая и человеческим и физическим миром, и следование за голосом которой освобождает человека, по-видимому, даже во вратах смерти, как Даниила среди львов.

Нет и никогда не будет внешних гарантий данных либо разумом, либо наукой, либо Церковью, какими-либо учениями — в отношении внутреннего голоса, различного для каждого отдельного человека. Да и не надо никаких гарантий и учений для того, у кого открылись духовные глаза, так же, как совершенно бессмысленно изучать — где будет находится север или юг по отношению к тому месту, на котором мы будем находится завтра или послезавтра, — если при нас находится магнитный компас.

Словами Льва Шестова: "В страну обетованную приходит лишь тот, кто не знает, куда идет".

1974

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Лев Шестов. "Власть ключей – Потестас клавиум", изд. "Скифы", Берлин, 1923, стр. 272.
2. Издательство "ИМКА", Париж, 1973 и 1974.
3. Издательство "Посев", Франкфурт на Майне, 1973.
4. Изд. "Посев", 1973.
- 4а. "Голос из хора", Париж 1973, изд. ?
5. Изд. "Посев", 1970.
6. "ГУЛар", 2, стр 587, 589, Панин, стр. 498.
7. Шифрин, стр. 129.
8. Панин, стр. 129.
9. Терц, стр. 102.
10. Терц, стр. 89.
11. Панин, стр. 137, 271.
- 12з Шифрин, стр. 329.
13. Гроссман, стр. 118.
14. Терц, стр. 178.
15. "ГУЛар", 2, стр. 304.
16. "ГУЛар", 1, стр. 455.
17. "ГУЛар", 2, стр. 605.
18. Панин, стр. 332.
19. Терц, стр. 271.
20. "ГУЛар", 2, стр. 302-303.
21. "ГУЛар", 1, стр. 139, 512-513, 541.
22. "ГУЛар", 1, стр. 117.
23. Панин, стр. 336.
24. "ГУЛар", 2, стр. 595.
25. Панин, стр. 389.
26. "ГУЛар", 2, стр. 589-591, 597, 612.
27. Панин, стр. 259, 422-423, 436, 439, 443.
28. "ГУЛар", 1, стр. 17.
29. "ГУЛар", 1, стр. 482.
30. Панин, стр. 135, 229, 307, 244, 407, 489.
31. Панин, стр. 264, 266, 324, 442.

32. Шифрин, стр. 236, 245, 257, 272, 307, 346, 376.
33. Шифрин, стр. 190, 192.
34. Шифрин, стр. 281.
35. Терц, стр. 97.
36. Панин, стр. 257.
37. Панин, стр. 245-248.
38. "ГУЛаг", 1, стр. 209.
39. Панин, стр. 91-93.
40. "ГУЛаг", 2, стр. 469.
41. "ГУЛаг", 2, стр. 367.
42. "ГУЛаг", 1, стр. 193-194.
43. Шифрин, стр. 50, 139.
44. Панин, стр. 252.
45. "ГУЛаг", 2, стр. 586.
46. Панин, стр. 38.
47. Панин, стр. 121.
48. "ГУЛаг", 2, стр. 398.
49. "ГУЛаг", 1, стр. 279.
50. Шифрин, стр. 419.
51. Терц, стр. 193.
52. Шифрин, стр. 182.
53. Шифрин, стр. 178-179.
54. Шифрин, стр. 447.
55. "ГУЛаг", 1, стр. 368.
56. "ГУЛаг", 1, стр. 484.
- 56а. Шифрин, стр. 403.
57. "ГУЛаг", 2, стр. 242-243.
58. "Зарубежье", № 39-40, Мюнхен, 1973.
- 58а. Там же, статья Веры Пирожковой "Послесловие".
59. Изд. "Посев", 1966.
60. М. М. Бахтин – "Проблемы творчества Достоевского", Ленинград, издательство "Прибой", 1929.
61. "ГУЛаг", 1, стр. 593.
62. "ГУЛаг", 1, стр. 208.
63. "ГУЛаг", 1, стр. 275.
64. "ГУЛаг", 2, стр. 645.
65. Шифрин, стр. 194.
66. "ГУЛаг", 2, стр. 600-601.
67. "ГУЛаг", 2, стр. 610-611.
68. "ГУЛаг", 1, стр. 554, "ГУЛаг", 2, стр. 488.
69. "ГУЛаг", 1, стр. 69; "ГУЛаг", 2, стр. 274, 322, 349.
70. Гроссман, стр. 92.
71. "ГУЛаг", 1, стр. 287.
72. Терц, стр. 162.

73. "ГУЛаг", 2, стр. 594.
74. Шифрин, стр. 238.
75. "ГУЛаг", 1, стр. 209.
76. Терц, стр. 273.
77. "ГУЛаг", 2, стр. 267, 598-599, 602-603, 614.
78. "ГУЛаг", 2, 233-234, 606, 610, 618.
79. "ГУЛаг", 1, 586-587.
80. Терц, стр. 279.
81. "ГУЛаг", 2, стр. 501.
82. "ГУЛаг", 2, стр. 604.

КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ

Михайло Михайлов родился в городе Панчево (недалеко от Белграда) 26-го сентября 1934-го года. Родители его — русские эмигранты, попавшие в Югославию в юном возрасте (отцу было 17, а матери 7 лет), после окончания гражданской войны в России. Отец по профессии агроном, мать — учительница математики.

Гимназию Михайлов окончил в городе Сараево, в Боснии. Сравнительное литературоведение изучал на Филологическом факультете Белградского университета и потом на Философском факультете Университета в Загребе, который и окончил в 1959-ом году.

После окончания Университета Михайлов получил государственную стипендию для постдипломной работы на Кафедре славистики Философского факультета Университета в Загребе, длительностью в один год, и работал над темой: "Русская проза времен разложения русского реализма (1890-1917 года)".

С осени 1961-го года до осени 1962-го Михайлов служит в Югославской армии, в Герцоговине.

После службы в армии Михайлов до декабря 1963-го года не имеет постоянной работы и живет в Загребе, зарабатывая на жизнь работой переводчика и своими статьями в югославских газетах и журналах. Много пишет и для радио. В это время он получает известность как специалист по новейшей русской литературе, как переводчик с русского и лектор разных общедоступных "народных Университетов". В декабре 1963-го года его избирают ассистентом при Кафедре русской литературы и языка Философского факультета в городе Задар, входящего в состав Университета в Загребе.

В Задаре Михайлов преподает студентам русскую литературу и готовится к защите докторской диссертации, однако все прерывается внезапно, и он попадает в тюрьму. Дело в том, что летом 1964-го года Михайлов попадает на пять недель в Москву и Ленинград в порядке Программы культурного обмена между Югославией и СССР и, по возвращении, пишет очерк о своих встречах с русскими писателями (Эренбург, Леонов, Вознесенский, Ахмадулина, Окуджава и многие другие), и этот очерк начинает печатать литературный журнал "Дело" в Белграде с начала 1965-го года. Но после второго отрывка, напечатанного в феврале 1965-го года, под давлением советского посла, президент Тито критикует журнал "Дело", Михайлова в тот же день 4-го марта арестовывают и исключают из состава преподавателей Университета.

После сорока дней Михайлова выпускают на свободу, и в апреле 1965-го суд города Задар присуждает его к 9-ти месяцам тюремного заключения за "клевету против дружественного государства". Однако под давлением мировой общественности и особенно после ультиматума ПЕН-клуба, угрожавшего отменить свою конференцию, назначенную к проведению в Югославии в июне того же года, Верховный суд Хорватии освобождает Михайлова от обвинения в "клевете на дружественное государство" и приговор заменяет условным наказанием, считая Михайлова виноватым только в отправке рукописи очерка одному итальянскому издателю в Риме.

После этого Михайлов начинает борьбу за возвращение в Университет, но, хотя Верховный суд несколько раз решает спор в пользу Михайлова, вернуться к преподаванию ему не удастся. Также ему больше не удастся печатать свои работы в югославской прессе, и поэтому он с группой своих товарищей, главным образом молодых преподавателей Университета в Загребе и молодых писателей и художников из Белграда, пытается летом 1966-го года основать независимый журнал, который бы занимался вопросами демократического социализма. Так как к этому времени очерк "Лето московское" вышел отдельной книгой на многих языках (включая и хинду), а также и многие другие статьи Михайлова публиковались в мировой прессе, то попытка основания независимого социалистического журнала, что по югославским писанным законам позволено, получила большую поддержку со стороны мирового общественного мнения.

К сожалению, югославские власти последовали неписаным законам всех однопартийных систем, арестовали Михайлова и шесть его сотрудников, обвинили его во "вражеской пропаганде" и судили сперва в Задаре в сентябре 1966-го года, а потом в апреле 1967-го, а его друзей выпустили после нескольких месяцев заключения на свободу. Осужден Михайлов был на три с половиной года тюремного заключения со строгим режимом и на четыре года запрета публичных выступлений в югославской печати, на радио и телевиденьи после отбытия наказания.

Михайлов провел в тюрьме ровно три с половиной года, сперва в Белградской центральной следственной тюрьме, где находился в одиночке 7,5 месяцев, после этого в каторжной тюрьме города Пожаревац, и последний год — в каторжной тюрьме Сремска Митровица. В начале заключения ему пришлось вести тяжелую борьбу за статус политического заключенного, так как официально политических заключенных в Югославии нет. Но, так как как раз летом 1967-года Югославия подписала Декларацию ООН о политических правах человека, то Михайлову, наконец, после голодовки в "ледяной камере" удалось добиться улучшения режима, и в заключении он мог читать и писать.

За годы, проведенные в тюрьме, напечатана и переведена на

несколько языков вторая книга Михайлова "Русские темы". После выхода на свободу (в марте 1970-го) власти продолжают чинить ему всякие неприятности: отбирают паспорт у матери Михайлова, намеревающейся поехать к своей дочери (сестре Михайлова) в Соединенные Штаты, не выдают паспорт на заграничную поездку Михайлову, хотя он получает большое число приглашений разных Европейских и Североамериканских университетов, неоднократно призывают к ответственности за напечатание статей в западной прессе, хотя запрет печатания до марта 1974-го года, по приговору, относится только к югославской прессе.

В этот период после освобождения и до очередного ареста в 1974 году Михайлов жил в Новом Саде недалеко от Белграда, работая над книгами "Планетарное сознание" и "Ненаучные мысли" (последняя начата еще в тюрьме). В это время он также писал многочисленные статьи для западной прессы.

В феврале 1975 года Михайлов был вновь приговорен к семи годам заключения по обвинению в распространении "вражеской пропаганды". Предлогом для осуждения послужили четыре его статьи, опубликованные в газете "Нью-Йорк Таймс".

В 1976 году в Соединенных Штатах вышла третья книга Михайлова "Подпольные записки" (авторское название было "Планетарное сознание", но издатель английского перевода изменил его, а Михайлов ничего не мог поделать, так как находился в тюрьме). В тюрьме Михайлов вел продолжительные голодовки вместе с другими политическими заключенными, требуя "статуса политических заключенных" для всех.

В ноябре 1977 года, после того как он отбыл 3 года и два месяца своего срока, Михайлов был досрочно освобожден. Причиной этому послужила Белградская конференция, на которой обсуждался вопрос о правах человека.

Весною 1978 года Михайлову выдали заграничный паспорт, и в конце мая он выехал в Западную Европу, а затем в Соединенные Штаты. 12 июня 1978 года Международная лига прав человека удостоила Михайлова грамотой Лиги за этот год.

В течение 1978-79 годов Михайлов объездил всю Америку, читая лекции в лучших американских Университетах, как, например, Йельский, Колумбийский, Корнель, Станфорд, Беркли, Мак-Гильский и т. п. Объездил он и много стран в Западной Европе и Азии, всюду читая лекции и выступая на разных международных конференциях.

Выезжая на Запад, Михайлов намеревался вернуться в Югославию в конце 1978 года, однако в декабре этого года в стране началась сильнейшая пропагандная кампания в прессе против диссидентов, а особенно против Михайлова, с участием Центрального комитета югославской компартии и высших руководителей страны. Возвращаться стало

бессмысленным, и Михайлов на Западе основал Интернациональный комитет для поддержки демократических диссидентов в Югославии, в который вошло большое число известнейших западных ученых, писателей, политических деятелей. Очевидно, в результате этого, югославские власти в августе 1979 года сообщили западным журналистам, что против Михайлова начато новое дело и что выдан ордер на его арест. Тем не менее в 1980-ом его паспорт продлили.

Четвертая книга Михайлова "Ненаучные мысли" вышла в свет в 1979 году. В настоящее время М. Н. Михайлов работает над очередной книгой, уже принятой одним из крупнейших американских издательств. В то же время он был удостоен "гранта", выдаваемого фондом Форда.

Живет в США. С 1980-го года является Председателем Совета Демократического Интернационала.

КНИГИ М. МИХАЙЛОВА:

Лето московское

- по-английски: "Moscow Summer"
New York: Farrar, Strauss and Giroux, 1965.
London: Sidgwick & Jackson, 1966.
- по-немецки: "Moskauer Sommer." Bern: Schweizerisches Ost-Institut, 1965.
- по-голландски: "Gesprekken met Moderne Russische Schrijvers."
Bearn: Het Wereldvenster, 1966.
- по-итальянски: "Estate a Mosca 1964." Roma: Volpe Giovanni Editore, 1966.
- по-шведски: "Somar i Moskva." Stockholm: Allbert Bonnier, Forlag, 1966.
- на хинди: Delhi: Natinal Academy, 1967.
- по-русски: "Лето Московское 1964 – *Мертвый дом* Достоевского и Солженицына". Франкфурт на Майне: Посев, 1967. Микро издание, Париж 1965.
- по-испански: "Verano en Moscu." Barcelona: Luis de Caralt, Editor, 1968.

Русские темы

- по-польски: "Tematy Rosyjskie." Paris: Institut Literacki, 1966.
- по-английски: "Russian Themes"
New York: Farrar, Strauss and Giroux, 1968.
London: MacDonald & Co., Ltd., 1968.
- по-немецки: "Russische Themen." Berne: Verlag Schweizerisches Ost-Institut, 1969.
- по-японски: Tokyo: Kinokuniya Shoten, 1971.

Абрам Терц или бегство из реторты

- по-русски: Франкфурт на Майне: Посев, 1967.
- по-итальянски: "La fuga dalla provetta." Milano: Mondadori Editore, 1971.

"Мертвый дом" Достоевского и Солженицына

- по-немецки: "Das 'Totenhaus' Dostojewskis und Solshenizyns."
Pfaffenhafen/Ilm: Ilmgau-Verlag, 1968.

Планетарное сознание

- по-английски: "Underground Notes"
Kansas City: Sheed Andrews and McMeel, Inc., 1976.
London: Routledge & Kegan Paul, 1977.
South Lee, Mass., SBI Sound Editions, 1979.
New York: Caratzas Brothers, Publishers, 1981.

Ненаучные мысли

- по-русски: Лондон, Онтарио, Канада: Заря, 1979.

ИНДЕКС ИМЕН

- Адлер, Альфред, 61
Андреев, Леонид, 203
Амальрик, Андрей, 59
Ахмадулина, Белла, 211
Ахматова, Анна, 24, 181
- Бакунин, Михаил, 34
Барбюс, Анри 92
Бахтин, М. М., 201, 209
Бек, Александр, 178
Беккет, Самуэль, 183
Белинков, Аркадий, 55
Белоцерковский, Вадим, 122
Бенуа, Ж. М., 92
Бергсон, Анри, 147
Бердяев, Николай, 59-60, 77, 79,
85, 89, 91, 107, 110-111, 137-
138, 172-173, 179, 185, 200
Берман, Рональд, 129
Бернштейн, Эдуард, 133
Бетаки, Василий, 114
Блаватская, Надежда, 197
Блох, Эрнст, 159
Болен, Чарльз, 50
Брант, Вилли, 137
Брежнев, Леонид, 111, 114
Брехт, Бертольд, 137
Бродский, Иосиф, 24
Бубер-Нейман, Маргарета, 74, 190
Буковский, Владимир, 88, 103
Булгаков, С. Н. 172, 179
Бухарин, Николай, 82
- Вагнер, Рихард, 145
Валаат, 147
Валентинов, В., 143, 146
Варди, А., 190
Вейсберг-Цибульский, 74, 190
Веркор, Жан, 200-201
Власов, Андрей А., 135
Вознесенский, Андрей, 211
- Гарих, Вольфганг, 55
Гвардинни, Романо, 201
Гегель, 107, 165
- Гинзбург, Александр, 121
Гинзбург, Евгения, 27, 74, 190
Гиппократ, 44
Гитлер, Адольф, 64, 81, 93, 118,
146
Глезер, Александр, 102
Глюксман, Анри., 16, 92
Гоген, Поль, 144
Гоголь, Николай В., 85
Горбатов, А. В., 190
Горький, Максим, 25, 137, 149
Григоренко, Петр, 81
Гроссман, Василий, 11, 46, 55-56,
58-59, 75, 190, 205, 208-209
Гудзий, Н., 148, 154
Декарт, Рене, 149
Дельгадо, 44
Джилас, Милован, 10, 48-50, 55,
72, 82, 98, 102-103, 106, 116,
122, 160-175
Дзержинский, Феликс, 139
Дитрих, Марлена, 137
Днепров, Роман, 139
Достоевский, Федор М., 33-35, 38,
41, 43, 46, 78, 94, 131-132, 144,
149, 156, 178, 186, 188, 191,
200
Дубчек, Александр, 81
- Есенин, Сергей, 145
- Зеньковский, В., 38
Зиновьев, Г. Е., 82
- Иваск, Ю. П., 13
- Кабет, 35
Карильо, С., 95
Кардель, Эдуард, 72
Картер, Джимми, 93, 108, 132
Кастро, Фидель, 83
Кафка, Франц, 174
Квадрели, Рудольфо, 27, 29
Керенский, Александр, 72
Кестлер, Артур, 74

- Климов, Георгий, 74
 Колаковский, Лешек, 39, 55
 Колчак, Александр, 72
 Коперник, Николай, 9
 Краснов, Владислав, 120
 Крупская, Надежда, 143
 Кузнецов, Эдуард, 30-31
 Кюнцли, Арнольд, 143-146
- Леви, Б. А., 16, 92
 Ленин, Владимир И., 35, 41, 55, 57, 66-67, 71, 73-74, 80-81, 84, 87, 93, 133-137, 139, 143-144, 146, 160, 162, 169, 171, 178, 180, 184
 Леонов, Леонид, 211
 Леонтьев, Константин, 93
 Лефевр, Эрнест, 129
 Лиозонова, Татьяна, 85
 Литвинов, Максим, 133
 Локк, Джон, 87
 Лосский, Н. О., 179
 Луначарский, А. В., 149
 Лунц, Даниил, 39
 Лютер, Мартин, 33
- Магеридж, Малькольм, 12
 Маззини, Джузеппе, 41
 Максимов, Владимир Е., 182
 Мальро, 182
 Мандельштам, Надежда Я., 28, 38, 41, 46, 50, 56, 59, 177-178, 181-183
 Мандельштам, Осип, 145
 Манн, Томас, 15, 137, 148, 155
 Мао Цзе-дун, 81, 118, 162
 Марголин, Юлий, 190
 Маргушин, П., 123
 Маркос, 81
 Маркс, Карл, 30, 34, 36, 56-57, 66-67, 80, 92, 143-146, 160-175, 178
 Маркузе, Герберт, 42, 169
 Марченко, Анатолий, 190
 Мейер, Георгий, 201
 Меерсон-Аксенов, М., 124, 127
 Менгеле, 39
- Миньковский, Евгений, 155
 Михайлов, Михайло Н., 13-16, 32, 160, 211-214
 Мольер, Жан-Батист, 51
 Монно, 182
 Муссолини, Бенито, 64, 118
- Надь, Имре, 81
 Николай Второй, Романов, 72
 Ницше, Фридрих, 42, 149
 Новак, Майкл, 130
 Нострадамус, 40
- Огурцов, Игорь, 112
 Окуджава, Булат, 74, 182, 211
 Орвелл, Джордж, 21, 42, 60
 Осипов, Владимир, 79, 84, 86-87, 89, 91, 108, 112
 Остен, Аглая, 146
- Павел, Апостол, 107, 167
 Пайпс, Ричард, 100, 113, 126
 Панин, Дмитрий, 190, 193, 195-198, 201, 207-209
 Парамонов, Борис, 121
 Паскаль, Блез, 159
 Пастернак, Борис, 23-24, 46-47, 180
 Петр Великий, 122
 Пирожкова, Вера, 209
 Платон, 26, 47, 205
 Плеханов, Георгий, 137
 Померанц, Григорий, 28, 59, 182
 Померанцев, Кирилл Д., 92, 176, 187
 Понамарев, 94
 Прокофьев, Сергей, 26
 Птоломей, Клавдий, 9
 Пушкин, Александр С., 79, 144-145
- Растропович, Мстислав, 114
 Редлих, Роман, 59-61
 Рембо, Артур, 145
 Роллан, Ромен, 92
- Самуэли, Тибор, 57-58
 Сартр, Жан Поль, 50, 92

- Сахаров, Андрей, 19-21, 48-49, 74, 79, 88-89, 98, 102-103, 106, 111, 116, 119, 128, 180
- Семенов, Юлиан, 85-86
- Сен-Симон, Клод Анри, 35
- Сергий Радонежский, 183
- Силоне, Иньяцио, 173, 175, 179
- Синявский, Андрей Д. (Абрам Терц), 23-24, 35, 38-39, 59, 177, 182, 190, 193, 195, 198, 201, 203, 205-206, 208-210
- Скиннер, Б. Ф., 182
- Солженицын, Александр И., 15-16, 21, 23-24, 26, 28, 38-39, 46-47, 50, 59, 71-72, 74-76, 78-80, 82-90, 92, 96, 98-139, 177-180, 182, 186, 190, 194-199, 201-210
- Соловьев, Владимир С., 63, 145
- Солоневич, Иван, 190
- Спиноза, Барух, 145
- Сталин, Иосиф В., 72-75, 80-81, 93, 105, 114, 118, 133, 162, 171, 178-179, 181
- Степун, Федор, 90-91
- Струве, Петр, 172
- Суварин, Борис, 133, 135, 137-139
- Суслов, Михаил, 94
- Такер, Роберт, 120
- Тито, Иосиф Броз, 72-73, 81, 105, 211
- Толстой, Лев Н., 25, 78, 147-152, 154-155, 157-159, 202-204
- Торквемада, 38, 146
- Троцкий, Лев Д., 74, 82, 139
- Тургенев, Иван, 144, 158
- Урбанчик, 75
- Федотов, Г.П., 13-14, 122, 184-185
- Фейербах, Людвиг А., 165-166
- Фотиев, Кирилл, 16
- Франк, Семен Л., 172, 179
- Франко, Франсиско, 81
- Франциск Ассизский, 38, 183
- Фрейд, Зигмунд, 9, 61
- Френкин, М., 136, 139
- Хаксли, Олдос, 21
- Хомейни, аятола, 124
- Хрущев, Никита С., 72, 179, 185
- Хук, Сидни, 130
- Чайковский, Петр И., 145
- Чалидзе, Валерий, 104, 128, 180
- Чан Кай-ши, 81
- Че-Гевара, 183
- Шафаревич, Игорь, 96-97
- Шарден, Тейяр де, 43, 46, 65, 187
- Шендер, Макс, 121
- Шестов, Лев, 144, 146, 149, 173, 179, 189, 208
- Шифрин, Авраам, 190-191, 193, 197-199, 201, 204-210
- Шопенгауэр, Артур, 154
- Шрагин, Борис, 128
- Шуман, Томас, 121
- Энгельс, Фридрих, 143, 175
- Эндрюс, Джеймс Ф., 11
- Эренбург, Илья, 211
- Южин, М., 148
- Юнг, Карл Густав, 9, 61

СОДЕРЖАНИЕ

Авторское введение к первому английскому изданию	9
Авторское введение ко второму английскому изданию	12
Введение отца Кирилла Фотиева	13

I КОРНИ НЕСВОБОДЫ

Религиозное возрождение и тоталитаризм

Две конвергенции	19
Искусство как враг	23
Письмо другу на Запад	27
Достоевский и католическая "левая"	33
Ростки надежды	39
Три парадокса (Планетарное сознание)	43
Религиозное возрождение	46
Бессмыслища "деидеологизации"	48

II СВОБОДА И НАЦИОНАЛИЗМ

Россия, Запад, демократия, авторитарность, христианство

Россия и коммунизм	55
Феноменология царства лжи	59
Дорога в тупик	63
Миф о самоуправлении	66
Солженицын и Югославия	71
Современные мысли (О "Письме вождям" Солженицына)	77
Четыре ответа "Русской мысли" (Опять на свободе)	92
Возвращение Великого инквизитора	98
Спор не по существу (Ленин и немецкие деньги)	133

III НЕВЕДОМЫЕ ЗАКОНЫ

Личность, свобода, бессмертие души, Космос

Об ответственности (Ленин и Маркс в личной жизни)	143
Новое об "Анне Карениной"	147
Джилас против Маркса (О "Теории отчуждения")	160
Десять ответов "Русской мысли" (1972)	176
Мистический опыт неволи	189

Краткая биография 211

Библиография 215

Индекс имен 216

Михаил Николаевич МИХАЙЛОВ – югославский литератор, книги и статьи которого публикуются на десятке европейских и азиатских языков. Мировую известность приобрел в 1965-ом году своей первой книгой "*Лето Московское*", за которую был арестован, судим и исключен из Университета, где преподавал русскую литературу. Из этой книги мир впервые узнал о существовании неофициальной русской литературы и о зарождении того, что впоследствии получило название – диссидентское движение. С той поры начинается "нормальный" путь диссидента и для Михайлова: аресты, суды, тюрьма, травля в печати и невозможность публиковаться у себя на родине.

С 1965-го по 1978-ой год Михайлов был неоднократно судим за свои статьи и попытку основать в 1966-ом году легальный независимый журнал. Отсидел в общей сложности 7 лет. В тюрьме несколько раз держал продолжительные голодовки с целью добиться статуса политического заключенного. С 1978-го года – на Западе, и в настоящее время проживает в США, преподает русскую философию и литературу в американских университетах. Годами сотрудничал почти во всех русских зарубежных газетах и журналах и в самых влиятельных американских (*Нью-Йорк Таймс*, *Нью-Йорк Ривью об Букс*, *Нью Лидер* и т. д.). Михайлов пишет, главным образом, по-русски (родители – эмигранты "первой волны"). После книги "*Лето Московское*" (1965) напечатаны книги Михайлова "*Русские темы*" (1968) "*Подпольные записки*" (оригинальное название – "*Планетарное сознание*") в 1976-ом, "*Ненаучные мысли*" – 1979. По-русски до сих пор были опубликованы только первая и последняя книга.

Теперь АРДИС дает русскому читателю возможность познакомиться с самой значительной книгой Михайлова, вышедшей до сих пор по-английски несколькими изданиями.

ИЗДАТЕЛЬСТВО "АРДИС"

- Лев Копелев, ДЕРЖАВА И НАРОД (1982)
Лев Копелев, УТОЛИ МОЯ ПЕЧАЛИ (1981)
Андрей Амальрик, ЗАПИСКИ ДИССИДЕНТА (1982)
Раиса Орлова, ВОСПОМИНАНИЯ О НЕПРОШЕДШЕМ
ВРЕМЕНИ (1982)
Роберт Кайзер, РОССИЯ: ВЛАСТЬ И НАРОД (1980)
Лев Шестов, НАЧАЛА И КОНЦЫ (1978)
Лев Шестов, ТУРГЕНЕВ (1982)
И. Ермаков, ЭТЮДЫ ПО ПСИХОЛОГИИ
ТВОРЧЕСТВА ПУШКИНА (1981)
Осип Мандельштам, ЕГИПЕТСКАЯ МАРКА (1975)
Андрей Белый, ПОЧЕМУ Я СТАЛ СИМВОЛИСТОМ (1982)